

**Вестник Пермского
университета**

2015. Выпуск 3(29)

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Учредитель: Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учрежде-
ние высшего профессио-
нального образования
«Пермский
государственный националь-
ный исследовательский
университет»

Юридические науки

Рассматриваются фундамен-
тальные и прикладные проблемы
юридической науки. Исследуют-
ся современное состояние рос-
сийского законодательства, пра-
воприменительная практика,
формулируются предложения по
развитию и совершенствованию
различных отраслей права. Ана-
лизируются теоретические и ис-
торические аспекты государ-
ственно-правовых явлений, меж-
дународное и зарубежное зако-
нодательство, проводится срав-
нительное изучение правовых
институтов в России и других
странах.

**Vestnik Permskogo
universiteta**

2015. Vypusk 3(29)

Nauchnyj zhurnal

Vyhodit 4 raza v god

Uchreditel': Federal'noe
gosudarstvennoe bjudzhetnoe
obrazovatel'noe uchrezhdenie
vysshego professional'nogo
obrazovanija «Permskij
gosudarstvennyj nacional'nyj
issledovatel'skij universitet»

Juridicheskie nauki

Rassmatrivajutsja fundamental'nye
i prikladnye problemy juridiches-
koj nauki. Issledujutsja sovremen-
noe sostojanie rossijskogo za-
konodatel'stva, pravoprimeritel'na-
ja praktika, formulirujutsja pred-
lozhenija po razvitiju i sovershenst-
vovaniju razlichnyh otraslej prava.
Analizirujutsja teoreticheskie i is-
toricheskie aspekty gosudarstven-
no-pravovyh javlenij, mezhduna-
rodnoe i zarubezhnoe zakonodatel'-
stvo, provoditsja sravnitel'noe
izuchenie pravovyh institutov v
Rossii i drugih stranah.

Perm University Herald

2015. Issue №3(29)

Scientific journal

Published 4 times a year

Founder: Perm State Univer-
sity

Yuridical sciences

Fundamental and applied issues of
juridical science are considered.
The current state of Russian legis-
lation, law enforcement practice
are investigated, suggestions on
development and improvement in
different branches of law are for-
mulated. Theoretical and historical
aspects of state legal phenomena,
international and foreign legisla-
tion are analyzed, legal institutions of
Russia and other countries are
investigated in the comparative
aspect.

Ответственный ученый секретарь редакционного совета:

Голубцов Валерий Геннадьевич,

д.ю.н., заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета

Главный редактор журнала:

Кузнецова Ольга Анатольевна,

д.ю.н., профессор кафедры гражданского права,
заместитель декана по науке юридического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

**Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки
Российской Федерации журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук**

© Редакционная коллегия, 2015

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Подписной индекс в каталоге ОАО «Роспечать»: 66011
Тел.: + 7(342)2396275, + 79638776699
Эл. почта: vesturn@yandex.ru
Сайт: <http://www.jurvestnik.psu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи и массовых коммуни-
каций. Свид. о регистрации средства массовой
информации ПИ №ФС77-53179 от 14 марта
2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андреева Татьяна Константиновна,

к.ю.н., заместитель Председателя Высшего арбитражного суда РФ,
заслуженный юрист РФ;

Витрянский Василий Владимирович,

д.ю.н., профессор, заместитель Председателя Высшего арбитражного суда РФ в отставке,
заслуженный юрист РФ;

Красавчикова Лариса Октябрьевна,

д.ю.н., профессор, судья Конституционного суда РФ,
заслуженный юрист РФ;

ЛаФордж Уильям Н.,

профессор кафедры стратегического менеджмента и общественной политики
Школы бизнеса Университета Джорджа Вашингтона;

Лушникова Марина Владимировна,

д.ю.н., профессор, заместитель декана по научной работе юридического факультета
Ярославского государственного университета;

Маланин Владимир Владимирович,

д.т.н., президент Пермского государственного национального исследовательского университета,
заслуженный деятель науки РФ;

Марченко Михаил Николаевич,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории государства и права и политологии
Московского государственного университета,
президент Ассоциации юридических вузов, заслуженный деятель науки РФ;

Нешатаева Татьяна Николаевна,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой международного права Российской академии правосудия,
судья Суда Евразийского экономического сообщества от Российской Федерации;

Николюк Вячеслав Владимирович,

д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД РФ,
заслуженный деятель науки РФ;

Новоселова Людмила Александровна,

д.ю.н., профессор, председатель Суда по интеллектуальным правам,
заслуженный юрист РФ;

Рассел Вивер,

профессор Права Университета Луисвилла,
Школа Права им. Льюиса Д. Брендиеса;

Свиштунов Алексей Александрович,

к.ю.н., доцент, советник ректора Московской государственной
юридической академии им. О. Е. Кутафина,
заместитель председателя учебно-методического объединения
по юридическому образованию вузов России,
председатель правления ассоциации юридического образования;

Средкова Красимира,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой трудового права и соцобеспечения
Софийского университета;

Голубцов Валерий Геннадьевич,

д.ю.н., зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета
(ответственный ученый секретарь редакционного совета)

EDITORIAL BOARD

Andreeva Tatiana Konstantinovna,

Candidate of Juridical Sciences,
Deputy Chairman of the Higher Arbitration Court of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Vitrianskij Vasilij Vladimirovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Deputy Chairman of the Higher Arbitration Court of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Krasavchikova Larisa Oktiabrievna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

William N. LaForge,

Professor in the Department of Strategic Management and Public Policy of
the George Washington University School of Business;

Lushnikova Marina Vladimirovna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty
of Yaroslavl State University;

Malanin Vladimir Vladimirovich,

Doctor of Technical Sciences, President of Perm State University,
Honored Scientist of the Russian Federation;

Marchenko Mikhail Nikolaevich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory of State and Law and Politology
of Moscow State University,
President of the Association of Juridical Higher Educational Institutions,
Honored Scientist of the Russian Federation;

Neshataeva Tatiana Nikolaevna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of the Department of International Law of the Russian Academy of Justice,
Judge of the Court of the Eurasian Economic Community;

Nikoliuk Viacheslav Vladimirovich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher
in the All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Honored Scientist of the Russian Federation;

Novoselova Liudmila Aleksandrovna,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chair of the Intellectual Property Rights Court,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Rassel Viver,

Professor of Law, University of Louisville, Louis D. Brandeis School of Law;

Svistunov Alexej Aleksandrovich,

Candidate of Juridical Sciences, Counselor to the Rector of Kutafin Moscow State Law University,
Deputy Chairman of the Educational and Methodological Association for Legal Education
in Russian Higher Educational Institutions, Head of the Legal Education Association Board;

Sredkova Krasimira,

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of the Department of Labor Law and Social Security of Sofia University;

Golubtsov Valerij Gennad'evich,

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure
(Executive Secretary of the Editorial Board)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Борисевич Галина Яковлевна,

к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Боровых Любовь Витальевна,

к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного права и прокурорского надзора
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Васильева Юлия Валерьевна,

д.ю.н., профессор кафедры трудового права и международного права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Замараева Зинаида Петровна,

д.соц.н., профессор, зав. кафедрой социальной работы
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кодан Сергей Владимирович,

д.ю.н., профессор кафедры теории государства и права
Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург;

Кочев Владимир Александрович,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой конституционного и финансового права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна,

д.ю.н., профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке
юридического факультета Пермского государственного
национального исследовательского университета, г. Пермь – главный редактор;

Майфат Аркадий Викторович,

д.ю.н., профессор кафедры гражданского права
Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург;

Михайлов Сергей Георгиевич,

к.ю.н., профессор, декан юридического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Москалев Александр Васильевич,

д.ю.н., профессор кафедры конституционного и финансового права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Прошляков Алексей Дмитриевич,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовного процесса
Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург;

Реутов Валерий Павлович,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права
Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тужилова-Орданская Елена Марковна,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Института права
Башкирского государственного университета, г. Уфа;

Щенникова Лариса Владимировна,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права
Кубанского государственного университета, г. Краснодар

EDITORIAL STAFF

Galina Yakovlevna Borisevich,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Perm State University, Perm;

Lubov Vitalyevna Borovykh,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Prosecutor's Supervision,
Perm State University, Perm;

Yulia Valeryevna Vasilyeva,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Labor Law and International Law,
Perm State University, Perm;

Zinaida Petrovna Zamaraeva,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Work,
Perm State University, Perm;

Sergey Vladimirovich Kodan,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Theory of State and Law,
The Urals State Law Academy, Yekaterinburg;

Vladimir Aleksandrovich Kochev,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Financial Law,
Perm State University, Perm;

Olga Anatolyevna Kuznetsova,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Civil Law, Vice Dean for Scientific
Affairs of the Faculty of Law, Perm State University, Perm – Editor in Chief;

Arkadiy Viktorovich Maifat,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Civil Law,
The Urals State Law Academy, Yekaterinburg;

Sergey Georgievich Mikhailov,

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law,
Perm State University, Perm;

Aleksandr Vasilyevich Moskalev,

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Constitutional and Financial Law,
Perm State University, Perm;

Aleksey Dmitrievich Proshlyakov,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure,
The Urals State Law Academy, Yekaterinburg;

Valery Pavlovich Reutov,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Perm State University, Perm;

Elena Markovna Tuzhilova-Ordanskaya,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law,
Institute of Law of Bashkir State University, Ufa;

Larisa Vladimirovna Shchennikova,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law,
Kuban State University, Krasnodar

Содержание

I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	8
<i>Аристов Е.В.</i> (г. Пермь). Социальное государство в конституционном праве: к вопросу о дискуссии относительно понятия.....	8
<i>Воронцов С.Г.</i> (г. Пермь). Региональные кодификации России: юридический нонсенс или оправданная необходимость.....	15
<i>Решетов Ю.С.</i> (г. Казань). Правовое регулирование и реализация права	24
II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО.....	30
<i>Васильева Н.В.</i> (г. Иркутск). Публичные доходы – новая категория финансового права	30
III. ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	39
<i>Бозоров Р.Б.</i> (г. Душанбе). Развитие законодательства Республики Таджикистан об инвестициях: проблемы реализации.....	39
<i>Захаркина А.В.</i> (г. Пермь). Основания прекращения факультативных обязательств.....	47
<i>Казаков А.О.</i> (г. Пермь). Понятие и элементы гражданско-правового статуса участников государственно-частного партнерства.....	55
<i>Мирских И.Ю., Мингалева Ж.А.</i> (г. Пермь). Правовое регулирование прав на результаты интеллектуальной деятельности в России и за рубежом.....	62
IV. МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕГО ВСЕРОССИЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА М.Ю. ЧЕЛЫШЕВА).....	71
<i>Бабаков В.А.</i> (г. Саратов). Концепция участия государства в гражданско-правовых отношениях с позиции компонентов методологии цивилистики	71
<i>Бакулина Л.Т.</i> (г. Казань). Методология уровневого подхода в исследовании договорного правового регулирования	77
<i>Васильев В.В.</i> (г. Тверь). Методология исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве	82
<i>Воронин М.В.</i> (г. Казань). Развитие системного правового знания в современной методологии	89
<i>Колодуб Г.В.</i> (г. Саратов). Значение учения о правовой методологии при обосновании вопроса исключительности методологии науки гражданского права.....	100
<i>Косенко Е.В.</i> (г. Саратов). Средства и методы научного познания семейного права	107
<i>Лунева Е.В.</i> (г. Казань). Тенденции развития методологии научного познания гражданско-правовой действительности.....	117

Contents

I. THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW	8
<i>Aristov E.V.</i> (Perm City). Social State in the Constitutional Law: on the Discussion of the Notion.....	8
<i>Vorontsov S.G.</i> (Perm City). Regional Codifications in Russia: Legal Nonsense or Necessity.....	15
<i>Reshetov Yu.S.</i> (Kazan City). Legal Regulation and Enforcement of Law	24
II. CONSTITUTIONAL, MUNICIPAL AND FINANCIAL LAW.....	30
<i>Vasiljeva N.V.</i> (Irkutsk City). Public Revenues as a New Category of Finance Law.....	30
III. CIVIL AND BUSINESS LAW	39
<i>Bozorov R.B.</i> (Dushanbe City). Development of Legislation of the Republic of Tajikistan on Investment: Problems of Implementation	39
<i>Zakharkina A.V.</i> (Perm City). Ways of the Closure Facultative Obligations.....	47
<i>Kazakov A.O.</i> (Perm City). The Concept and Elements of the Civil Status of Public-Private Partnership Participants.....	55
<i>Mirskikh I.Yu., Mingaleva Zh.A.</i> (Perm City). Legal Regulation and Protection of Intellectual Property Rights in Russia and Abroad.....	62
IV. THE CIVIL RESEARCH METHODOLOGY (PROCEEDINGS OF ALL-RUSSIAN CONFERENCE IN MEMORY OF PROFESSOR M.Y. CHELYSHEVA)	71
<i>Babakov V.A.</i> (Saratov City). The Concept of the State Involvement in Civil Legal Relations in Terms of Civil Law Methodology Components	71
<i>Bakulina L.T.</i> (Kazan City). Methodology of the Tiered Approach in Research of Contractual Legal Regulation.....	77
<i>Vasilyev V.V.</i> (Tver City). Methodology of Research on the Inter-Branch Relations in Civil Law.....	82
<i>Voronin M.V.</i> (Kazan City). Development of Systemic Legal Knowledge in Contemporary Methodology.....	89
<i>Kolodub G.V.</i> (Saratov City). The Value of the Doctrine of Legal Methodology when Justifying Exclusiveness of Methodology of Civil Law Science	100
<i>Kosenko E.V.</i> (Saratov City). Means and Methods of Family Law Scientific Cognition.....	107
<i>Luneva E.V.</i> (Kazan City). The Trends in the Development of Methodology of Scientific Cognition of Civil Legal Reality.....	117

I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342.5

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ: К ВОПРОСУ О ДИСКУССИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОНЯТИЯ

Е.В. Аристов

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: znakomyi72@mail.ru

Введение: статья посвящена описанию содержания научной дискуссии относительно объема значений понятия социальной государственности как одной из основ конституционного строя современного демократического правового государства и как конституционно-правового принципа с учетом подходов зарубежных ученых. **Цель:** исследовать различные подходы к определению понятия социального государства. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляют совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы историзма, системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** выявлено отсутствие в научной литературе универсального и точного определения понятия социального государства, а также причины данного отсутствия. **Выводы:** определены основные дискуссионные моменты относительно понятия социального государства, аспекты и принципы социального государства, обусловленные сложностью и неоднозначностью социальной государственности государства в общем объеме конституционно-правовых характеристик и основ конституционного строя, а также разнообразием моделей социального государства, существующих в мировом правопорядке.

Ключевые слова: социальное государство; социальность государства; конституционное право; основа конституционного строя; конституционно-правовой принцип; государство благосостояния

Введение

Концепция социального государства, государства благосостояния, является достаточно комплексной и всеобъемлющей и может рассматриваться с различных точек зрения.

Так, в научной литературе можно выделить экономический, политический и идеологический подходы к рассмотрению данной концепции. Однако в рамках всех этих подходов предполагается существование некоторых основных элементов, без учета взаимодействия которых невозможно получить базовое представление о социальном государстве. К таким элементам относятся непосредственно само государство (его органы публичной власти), рынок и общество [11, р. 3].

В научной литературе, исследующей теоретические подходы к изучению данной концепции, нет абсолютно универсального и точного определения понятия социального государства. Основными причинами этого является то, что эта характеристика государства вытекает, в том числе, из других источников, помимо деятельности государства, и имеются различные модели предоставления услуг, доступных для граждан. Некоторые такие услуги могут финансироваться государством, но не производиться им напрямую, некоторые могут производиться и предоставляться публичным сектором безвозмездно. Таким образом, хотя четко определить рамки концепции социального государства, государства благосостояния невозможно, данный термин в теории используется для обозначения государственной деятельности в четырех широких областях: предоставление денежных посо-

бий, здравоохранение, образование, а также продовольственное обеспечение и обеспечение жильем и иные социальные услуги [7, р. 3].

Основной контент

Социальное государство в наиболее узком его понимании осуществляет в своей деятельности выплату пособий населению, предоставление услуг обществу и обеспечивает решение вопросов, связанных с жилищным обеспечением. В широком смысле социальное государство реализует не только существенно большее количество программ, направленных непосредственно на поддержку населения, но и меры, направленные на управление и организацию экономики, включая вопросы, связанные с трудоустройством, а также осуществляет всеобъемлющее управление макроэкономикой [13, р. 5–6].

Наиболее типичным на настоящий день определением понятия социального государства является такое определение, согласно которому социальное государство – это система, в которой органы публичной власти берут на себя основную ответственность за обеспечение социальной и экономической безопасности населения, как правило, посредством реализации комплексов различного рода мер (страхование на случай безработицы, выплата пенсий по старости и т.п.) [2, р. 4].

Очевидно, что данное определение объединяет в себе три разных важных аспекта:

– во-первых, это политическое намерение государства взять на себя социальную и экономическую ответственность за население;

– во-вторых, это метод достижения поставленных целей, т.е. реализация конкретных указанных мер;

– в-третьих, это распространение данного понятия государства благосостояния на всю социальную систему в целом, которая характеризуется такими подходами [2, р. 4–5].

Ф.-К. Кауффман определяет государство благосостояния как институциональный результат присвоения обществом правовой и, соответственно, формальной и явно выраженной ответственности за базовое

благополучие всех его членов. Такое государство возникает, когда общество или его часть, ответственная за принятие решений, убеждается в том, что благополучие индивида является слишком важным для того, чтобы обеспечиваться согласно обычаям или неформальным договоренностям и частному пониманию, и, соответственно, должно стать заботой государства [5, р. 197].

По мнению Эзы Бриггса, государство благосостояния – это государство, в котором организованная власть намеренно используется (через реализацию государственной политики и осуществление публичного управления) для изменения взаимодействия и функционирования рыночных сил, по крайней мере, в трех основных направлениях: во-первых, посредством обеспечения индивидам гарантий минимального уровня доходов; во-вторых, за счет снижения уровня ненадежности посредством гарантирования индивидам удовлетворения определенных социальных рисков; в-третьих, за счет обеспечения равного доступа всем гражданам к социальным услугам [1, р. 16].

По мнению Ю. Нишевича, социальное государство – это государство, деятельность которого направлена на практическую гармонизацию прав индивидов и социальной справедливости в повседневной жизни. Основная задача такого государства заключается в предоставлении всем гражданам государственных гарантий примерно равных возможностей для самореализации. Социальное государство также гарантирует каждому гражданину минимально достаточные условия для жизни и достаточный уровень социального обеспечения. Социальное обеспечение в данном случае понимается как защита от природных, антропогенных, социальных и экономических изменений и катаклизмов, а также обеспечение возможности участвовать в управлении государством независимо от материального положения представителей населения и их социального статуса. Как отмечает Ю. Нишевич, такая возможность участия в реализации управления является неотъемлемой частью социальной справедливости в ее современ-

ной правовой и политической интерпретации [8, р. 35].

Как указывает М. Тавип, в рамках любого подхода к анализу концепции социального государства, как правило, позиционируется роль государства в обеспечении социального равенства и справедливости в соответствии с тремя следующими принципами:

- разрешение проблем и профилактика последствий, вредных для рыночной экономики, в особенности тех, которые оказывают более негативное воздействие на субъектов, имеющих меньшее количество экономических и социальных возможностей;

- обеспечение распределения благ между всеми справедливо и равномерно;

- содействие социальному благополучию [11, р. 3–4].

Основываясь на трех указанных принципах, деятельность социального государства направлена на достижение следующих основных целей: обеспечение экономического роста, широких возможностей трудоустройства, стабильности цен, развития, распространения систем социального страхования и улучшения условий труда, распределения капитала, всеобщего благополучия и содействие различным социальным и экономическим интересам [11, р. 4].

Цели социального государства можно сгруппировать в четыре основные категории:

- поддержание уровня жизни,
- снижение неравенства,
- избежание чрезмерных предназначенных для этого расходов;

- сдерживание поведения, способствующего риску недобросовестности и неблагоприятному отбору [7, р. 3].

По мнению Роналда Дж. Дэниэлса и Майкл Дж. Требилкока, несмотря на то, что исследователями не было выработано универсального определения государства благосостояния, социальное государство в любом случае стремится к достижению следующих основных целей:

- регулирование общественной нравственности;

- укрепление социальной солидарности;

- страхование рисков индивидов;

- содействие обеспечению экономической стабильности;

- обеспечение справедливого распределения ресурсов [3, р. 8].

Габриэль Келер относит к основным функциям государства благосостояния предоставление услуг, общедоступных, финансируемых из налоговых поступлений и направленных на предоставление общественных благ, на которые имеют право граждане, в следующих сферах:

- образование, по крайней мере начальное и среднее;

- доступ к здравоохранению;

- социальное обеспечение;

- проведение активной политики на рынке труда с целью создания рабочих мест, а также микрокредитования и страховых резервов для предпринимательского сектора;

- политика, направленная на обеспечение благосостояния семьи;

- политика, направленная на обеспечение экологической устойчивости [6, р. 2].

При этом необходимо учитывать, что социальное государство, как исключительно «распределительный механизм», оказывает деструктивное влияние не только на экономику и сферу частного предпринимательства, но и на социальное благополучие, поскольку активный и всеобъемлющий патернализм со стороны государства радикально снижает способность населения принимать самостоятельные решения, требующие их собственных инвестиций в их осуществление, а также способность населения идти на риск. Чрезмерные социальные гарантии для трудоспособных граждан могут в конечном счете привести к потере качества человеческого капитала в таком государстве [8, р. 35].

Стоит также отметить, что концепция социального государства предполагает идею государства как конституционно организованной сети политических институтов, наделенных способностью влиять на процесс производства благосостояния в соответствии с институциональными руководящими принципами [5, р. 197].

Некоторые исследователи придерживаются исключительно нормативного подхода к определению социального государ-

ства. Иными словами, по их мнению, для того чтобы государство могло считаться социальным, совокупность государственной политики (в широком ее понимании) должна иметь конкретную определенную цель или направленность на достижение определенных достаточно глобальных целей, таких, как, к примеру, обеспечение всеобщего равенства [2, р. 5].

Нормативную основу социального государства составляет ответственность государства за обеспечение благополучия членов общества. Идея государства как централизованной власти для регулирования социального развития является не совсем присущей англосаксонской правовой системе, а в континентальной правовой системе такая концепция уходит корнями в долиберальный период. Данное различие имеет существенное значение при изучении реализации концепции социального государства в различных странах, поскольку существующие в них по данному вопросу различия определяются не просто различиями в реализации соответствующей государственной политики, но и фундаментальными структурными различиями [5, р. 197].

Следует также различать два аспекта социального государства: социальное государство как спектр социальных услуг или институтов и социальное государство как модели политической деятельности, основанной на нормативных ориентациях, касающихся обеспечения достижения благосостояния [2, р. 5].

Согласно такому подходу социальное государство определяется только для тех ситуаций, где предоставление социальных услуг связано с нормативными ориентациями. Соответственно, в рамках такого подхода такие государства, как США и бывший СССР (и другие бывшие коммунистические государства), не могут быть определены как социальные государства [2, р. 5].

Согласно подходу, основанному на распределении и использовании властных ресурсов, социальная демократия является ключом к развитию социального государства [2, р. 25].

Необходимо учитывать, что, как отмечает М. Тавип, понятие социального государства не совпадает с понятием социаль-

ной политики государства. В связи с этим стоит отметить, что социальная политика может реализовываться и в государстве, которое не является социальным, с другой стороны, социальное государство не может не реализовывать социальную политику для поддержания своего существования. Такая путаница, однако, происходит ввиду того, что концепция социального государства является не совсем стандартной: так, она зачастую ассоциируется с политикой представления соответствующих услуг и социальных выплат со стороны государства [11, р. 4].

Немецкими исследователями были разработаны канонические принципы социальности государства в его конституционно-правовом аспекте. К таким принципам относятся следующие:

– принцип социальности государства является настоящим правовым принципом, а не просто политической характеристикой или направлением соответствующей государственной политики;

– данный принцип, в свою очередь, уполномочивает и обязывает государство осуществлять определенную деятельность в социальной сфере для обеспечения всего социального порядка в целом. Таким образом, государство должно гарантировать определенный минимум социального обеспечения;

– содержание такой деятельности государства в сфере социального обеспечения исторически обусловлено социальными проблемами в конце девятнадцатого века, к которым эволюция немецкого социального государства стремится адаптироваться. В то же время такое социальное государство открыто в своем развитии для новых условий и стимулов. При этом, как отмечается немецкими исследователями, принцип социальности государства не требует от государства поддержания существующей социальной ситуации. Точно так же данный принцип не предполагает необходимости закрепления конкретных услуг или институциональных форм на конституционном уровне;

– как правило, из принципа социальности государства не вытекают какие-то определенные права индивидов, даже в сочетании с основными фундаментальными

правами человека, за редкими исключениями;

– в меру возможности законодательная власть такого социального государства должна обеспечивать баланс между ответственностью индивида за собственное благополучие и социальной солидарностью [4, р. 1888–1890].

Таким образом, в целом, конституционная значимость принципа социальности государства не является совсем всеобъемлющей [4, р. 1890].

Представляет интерес в контексте настоящего исследования опыт Индии, где после 1947 года была принята новая конституция для обеспечения справедливости – социальной, экономической и политической. В этом направлении руководству необходимо было обеспечить благополучие населения, и концепция права была полностью изменена с целью реализации функционального подхода. В рамках такого подхода для обеспечения реализации концепции социального государства на практике законодательство должно функционировать в качестве динамичного механизма, затрагивающего интересы общества и всего человечества в целом [10, р. 3–4].

Американские исследователи в области конституционного права в целом сходятся во мнении относительно того, что в социальном государстве на конституционном уровне не должны признаваться либо иметься положения, которые могут быть истолкованы как признающие так называемые социальные права второго поколения, такие, как, к примеру, право на жилье или право на прожиточный минимум, поскольку в качестве основного аргумента они выдвигают утверждение о том, что такие права должны просто подлежать исполнению в судебном порядке [12, р. 1].

Для сохранения государства благосостояния и продолжения его функционирования необходимо на то согласие широких масс средних классов общества, поскольку услуги и меры, предоставляемые и реализуемые таким социальным государством, не должны ограничиваться лишь борьбой с бедностью населения, но также и должны быть направлены на обеспечение социального участия по всем направлениям. Насе-

ление готово отдавать свой ресурс для обеспечение функционирования государства благосостояния, если оно получает выгоду и пользу от его услуг, а также если такое государство демонстрирует свою значимость для всего общества в целом [9, р. 3–4].

Заключение

Показанные выше противоречивость подходов различных авторов, существенная неопределенность, местами – логическая упречность, иные недостатки формулировок предлагаемых в научной литературе определений понятия социального государства обусловлены существенными сложностью и неоднозначностью предмета дискуссии – места и значения социальности государства в общем объеме конституционно-правовых характеристик и основ конституционного строя, разнообразием моделей социального государства, реализованных в мире. Произведенный нами срез мнений позволяет создать условия для дальнейшей разработки уточненного определения искомого понятия.

Библиографический список

1. *Briggs A.* The Welfare State in historical perspective // *European Journal of Sociology*. 1961. № 2. P. 16–29.
2. *Cousins M.* European welfare states: Comparative perspectives. London: SAGE Publications, 2005. 264 p..
3. *Daniels R.J., Trebilcock M.J.* Rethinking the Welfare State: The prospects for government by voucher. London: Routledge, 2005. 283 p.
4. *Heinig H.M.* The Political and the Basic Law's Sozialstaat Principle – Perspectives from Constitutional Law and Theory // *German Law Journal*. 2011. Vol. 12, № 11.
5. *Kaufmann F.-X.* European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson). New York: Berghahn Books, 2012. 406 p.
6. *Köhler G.* Is There an «Asian Welfare State Model»? East and South Asian Trajectories and Approaches to the Welfare State. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/iez/10619.pdf>.

7. *Marcuzzo M.C.* Keynes and the Welfare State. URL: http://www.ie.ufrj.br/eventos/seminarios/pesquisa/texto_02_12.pdf.
8. *Nisnevich Y.* Political and Legal Concept of Modern Democratic State // American Journal of Sociological Research. 2012. Vol. 2. № 3. Pp. 32–37.
9. *Pohlmann C., Hassel A.* Market and State in European Social Democracy: Contours of a Progressive Economic and Social Policy for the 21st Century // Market and State in European Social Democracy: Progressive Perspectives on Developing a Social and Sustainable Market Model, in: A. Hassel, C. Pohlmann (ed.). Berlin, 2010. 44 p.
10. *Sinai Bhangui S.* Concept of welfare state under Indian Constitution. URL: <http://www.grkarelawlibrary.yolasite.com/resources/FM-Jul14-LSC-Sankalp.pdf>.
11. *Tavip M.* The dynamic concept of welfare state in Indonesian Constitution / Brawijaya University. URL: <http://hukum.ub.ac.id/wp-content/uploads/2013/05/THE-DYNAMIC-CONCEPT-OF-WELFARE-STATE-IN-INDONESIAN-CONSTITUTION.pdf>.
12. *Tushnet M.* Social Welfare Rights and the Forms of Judicial Review. URL: <http://politics.as.nyu.edu/docs/IO/4742/tushnet.pdf>.
13. *Vartiainen A.* Globalization and The Welfare State: A Case Study of Finland: Master's Thesis. URL: <https://www.gsp.uni-freiburg.de/research/vartiainen.2011.pdf>.
5. *Kaufmann F.-X.* European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson). New York: Berghahn Books, 2012. 406 p. (In Eng).
6. *Köhler G.* Is There an «Asian Welfare State Model»? East and South Asian Trajectories and Approaches to the Welfare State. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/iez/10619.pdf>. (In Eng).
7. *Marcuzzo M.C.* Keynes and the Welfare State. URL: http://www.ie.ufrj.br/eventos/seminarios/pesquisa/texto_02_12.pdf. (In Eng).
8. *Nisnevich Y.* Political and Legal Concept of Modern Democratic State // American Journal of Sociological Research. 2012. Vol. 2. № 3. Pp. 32–37. (In Eng).
9. *Pohlmann C., Hassel A.* Market and State in European Social Democracy: Contours of a Progressive Economic and Social Policy for the 21st Century // Market and State in European Social Democracy: Progressive Perspectives on Developing a Social and Sustainable Market Model, in: A. Hassel, C. Pohlmann (ed.). Berlin, 2010. 44 p. (In Eng).
10. *Sinai Bhangui S.* Concept of welfare state under Indian Constitution. URL: <http://www.grkarelawlibrary.yolasite.com/resources/FM-Jul14-LSC-Sankalp.pdf>. (In Eng).
11. *Tavip M.* The dynamic concept of welfare state in Indonesian Constitution / Brawijaya University. URL: <http://hukum.ub.ac.id/wp-content/uploads/2013/05/THE-DYNAMIC-CONCEPT-OF-WELFARE-STATE-IN-INDONESIAN-CONSTITUTION.pdf>. (In Eng).
12. *Tushnet M.* Social Welfare Rights and the Forms of Judicial Review. URL: <http://politics.as.nyu.edu/docs/IO/4742/tushnet.pdf>. (In Eng).
13. *Vartiainen A.* Globalization and The Welfare State: A Case Study of Finland: Master's Thesis. URL: <https://www.gsp.uni-freiburg.de/research/vartiainen.2011.pdf>. (In Eng).

References

1. *Briggs A.* The Welfare State in historical perspective // European Journal of Sociology. 1961. № 2. P. 16–29 (In Eng).
2. *Cousins M.* European welfare states: Comparative perspectives. London: SAGE Publications, 2005. 264 p. (In Eng).
3. *Daniels R.J., Trebilcock M.J.* Rethinking the Welfare State: The prospects for government by voucher. London: Routledge, 2005. 283 p. (In Eng).
4. *Heinig H.M.* The Political and the Basic Law's Sozialstaat Principle – Perspectives from Constitutional Law and Theory // German Law Journal. 2011. Vol. 12, № 11. (In Eng).

***SOCIAL STATE IN THE CONSTITUTIONAL LAW:
ON THE DISCUSSION OF THE NOTION***

E.V. Aristov

Perm State University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: znakomyi72@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the description of the contents of the scientific discussion of the volume of meanings of the sociality of the state as one of the fundamentals of the constitutional system of the modern democratic law-bound state and as a constitutional legal principle with the account for the foreign scientists' approaches. **Purpose:** to research different approaches to the definition of the social state notion. **Methods:** the methodological basis of the research is the complex of scientific cognition methods, the main of the latter being the historicism, the systematicity methods, the analysis and comparative legal method. **Results:** the absence of the universal and precise definition of the social state notion was discovered, as well as the reasons for this absence. **Conclusions:** the principal disputable issues of the social state notion were defined, as well as the aspects and the principles of the social state determined by the complexity and uncertainty of the state sociality in the framework of the constitutional legal characteristics and fundamentals of the constitutional system, and the variety of the social state models existing in the world legal order.

Keywords: social state; sociality of the state; constitutional law; constitutional system fundamentals; constitutional legal principle; state of welfare

Информация для цитирования:

Аристов Е.В. Социальное государство в конституционном праве: к вопросу о дискуссии относительно понятия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 8–14.

Aristov E.V. *Sotsial'noe gosudarstvo v konstitutsionnom prave: k voprosu o diskussii otnositel'no ponyatiya* [Social state in the constitutional law: on the discussion of the notion] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 8–14. (In Russ).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОДИФИКАЦИИ РОССИИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ НОНСЕНС ИЛИ ОПРАВДААННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

С.Г. Воронцов

Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: medeo2006@mail.ru

Введение: в СССР нормативные правовые акты в форме кодексов не принимались на уровне ниже республиканского. Конституция РФ 1993 г. предоставила такую возможность всем субъектам, и кодифицированные источники в свое время получили около 40% регионов РФ. В современной юридической литературе отношение к этому виду нормативных актов неоднозначно. Зачастую высказываются совершенно противоположные мнения, что само по себе уже является достаточным основанием для научной рефлексии и предполагает необходимость более детального обсуждения проблем регионального правотворчества.

Цель: проанализировать отдельные кодифицированные источники субъектов РФ, обобщить результаты региональных кодификаций и дать оценку этих явлений с позиции теории права. **Метод:** методологической основой исследования является научная диалектика. Из отраслевых приемов в статье использованы формально-логический, статистический, технико-юридический и другие методы научного познания. **Результаты:** в работе предложена новая для теории права классификация кодифицированных источников, согласно которой, в зависимости от целей, преследуемых законодателем, необходимо различать кодексы «оформляющие» и «формирующие». Кроме того, высказано мнение по поводу так называемых «форм кодификации», в соответствии с которым предлагается «называть вещи своими именами» и различать собственно «кодексы» и «продукты кодификации». **Вывод:** в работе найдено обоснование позиции, в соответствии с которой использование кодексов на уровне регионов РФ представляется нецелесообразным.

Ключевые слова: конституционные реформы; вопросы кодификации; проблемы регионального правотворчества; кодексы субъектов РФ; эффективность права

Введение

В России девяностых годов прошлого столетия, на волне политических и экономических реформ, появились новые субъекты законотворческой деятельности – субъекты РФ (далее – регионы). До принятия Конституции РФ 1993 г., за исключением республик, никто из них этим правом не обладал. Несмотря на полное отсутствие опыта и кадров, регионы взялись за работу активно и к концу 1998 года даже в «нереспубликанских» субъектах РФ появились не только собственные законы, но и кодексы.

Региональные кодификации России в постсоветский период

В республиках, в отличие от иных субъектов РФ, «кодификации» местных нормативно-правовых массивов начались раньше, с 1992 года, но в начале не получили широкого распространения и из ныне действующих республиканских кодифицированных источников, принятых до 1993 г., можно назвать, пожалуй, лишь два – кодексы Республики Башкортостан («Экологический» и «О недрах»).

В начале 2000-х годов возникает «мода» на кодифицированные акты и около 40% субъектов РФ обзаводятся таковыми. Чаще всего это делается в сфере избирательного, административного, бюджетного, семейного и экологического права. Процессы регио-

нальной «кодификации» проходят независимо от кодификации федерального законодательства, уровень кадрового обеспечения которой не сопоставим с возможностями регионов.

В коллектив, занимающийся с одобрения Президента страны кодификацией гражданского законодательства, входят уникальные правоведы – С.С. Алексеев, Ю.Х. Калмыков, С.А. Хохлов, В.Ф. Яковлев. В юридической среде такой кадровый потенциал воспринимается как несомненная удача. Именно о них П.В. Крашенинников впоследствии напишет: «Думаю, нам всем крупно повезло, что в то беспокойное время сохранилась рабочая группа, созданная для кодификации союзного гражданского законодательства» [7].

Кодификации в субъектах Федерации ведутся «своими средствами» и оказываются теоретически настолько «местечковыми», что вышедший в 2008 г. сборник статей под редакцией Д.А. Медведева «Кодификация российского частного права» о них даже не упоминает [5]. Появившиеся позднее отраслевые, в том числе и диссертационные, исследования, так или иначе затрагивающие вопросы региональной кодификации, чаще всего отзываются о ней негативно [12, с. 180–181; 13, с. 135], а некоторые и вообще предлагают запретить субъектам РФ при ряде условий принимать кодексы [11, с. 19].

Вместе с тем в современной юридической литературе можно найти и диаметрально противоположное мнение. Так, И.Г. Никишин отмечает, что в субъектах РФ «назрела объективная необходимость в использовании такой формы систематизации нормативно-правовых актов, как кодификация» [9]. Впрочем, каких-либо пояснений, касающихся отмеченной «объективной необходимости», автор, к сожалению, не дает.

Сегодня, по прошествии 20 лет с момента принятия российской Конституции, в регионах накопился необходимый для исследования материал и можно подвести некоторые итоги «региональной» кодификации. Но прежде чем перейти к оценке социальной значимости этих процессов, исследованию их характеристик, в том числе и с точки зрения общей теории права, необхо-

димо определить содержание понятий «кодекс» и «кодификация», принимая во внимание их многоаспектность и неоднозначность.

Основные понятия теории кодификации

Что такое «кодекс» и «кодификация»? Понятия эти многозначны не только в юридической литературе.

Латинское слово *codex* происходит от более архаичной формы *codex* и означает «ствол, бревно, колода». А вовсе не «книга», как пишут в некоторых изданиях, ссылаясь на латынь. Второе значение – это навощенная табличка для записей. Производным от этого слова является, кстати, и церковный катехизис (*codex (apx. caudex), icis m*) [10].

В названных значениях в современном правоведении термин «кодекс», естественно, не употребляется, хотя первоначальную смысловую нагрузку при желании можно обнаружить. Так, кодекс в правоведении есть не только письменный источник (производная от латинской «навощенной таблички с текстом»), но и системообразующий акт, вокруг которого формируется, строится, к примеру, отраслевое законодательство. То есть кодекс – это своеобразная база, фундамент, основа. Чем не латинские – «ствол, бревно, колода» в переносном смысле? Перекликается «юридический» кодекс, содержащий нормы-принципы, нормы-дефиниции, и с церковным катехизисом, который есть «сборник незыблемых принципов, обучение основам веры, начальное богословское образование перед крещением».

Юридическое понимание термина «кодификация» сводится к процессу, совокупности работ по систематизации, упрощению, замене устаревшего правового материала и т. д. Описание этого процесса и его этапов можно встретить во многих юридических словарях и энциклопедиях. Поскольку и появление этого термина, и его основные характеристики мы связываем в первую очередь с римским правом, будет уместным привести в качестве иллюстрации выдержку из энциклопедического труда М. Бартошека, который так описывает работу компиляторов при составлении, пожалуй, одного из самых известных древнеримских источников – кодекса Юстиниана: «...из

массы конституций компиляторы отобрали лишь часть, ликвидировали противоречия между ними, а устаревшие устранили. Однако по окончании остальных компилятивных работ вышли многочисл. юст. Конституции, а кроме того, при разработке Дигест накопилось множество спорных вопросов, которые так же нужно было решить с помощью дальнейших конституций. Поэтому за 5 лет компиляторы разработали новое издание С., названное *S. hereditariae praelectionis*, в 12 книгах, содержавшее около 4600 конституций, начиная с Адриана ... Все конституции, не включенные в С. г. р., стали недействительными...» [1, с. 71].

Таким образом, «кодекс» и «кодификация» первоначально соотносятся как категории «цель» и «процесс». По мере достижения поставленных задач они материализуются, переходя из ментальных, планово-прогнозных состояний в сферу осязаемых результатов и проделанных работ. Цель превращается в результат, процесс – в проделанную работу.

Особый акцент необходимо сделать на том, что результаты процесса кодификации оформляются в особом виде правовых источников – кодексе, который в классическом правовом значении является не только способом оптимизации имеющегося правового массива, но и «новым законодательным актом, заменяющим собой весь ранее действующий нормативный материал, регулировавший тот же круг вопросов» [14, с. 432]. Именно функциональные особенности «натуральных» кодексов отличают его от квази-, псевдокодексов и схожих явлений. Призвание, цель кодифицированного источника состоит в сокращении, упрощении, систематизации, оптимизации и концентрации имеющегося правового материала.

Объяснить, что такое кодекс и процесс кодификации, в принципе, в состоянии любой студент, закончивший изучение курса теории государства и права. Вместе с тем есть в этой теории и вопросы, которые, на наш взгляд, являются малоизученными либо неоднозначными, спорными. В связи с этим хотелось бы остановиться на следующих моментах.

Во-первых, не сложно заметить, что кодификация зачастую может характеризо-

вать совершенно разнонаправленные процессы. Отдельные кодексы, в большинстве своем, действительно являются финалом огромной работы по пересмотру ранее существовавшего законодательства. Другие, напротив, являются началом, отправной точкой развития отраслей права. К первой категории можно отнести кодекс Юстиниана, кодификацию Сперанского. Кодексами второй категории являются кодекс Наполеона, кодексы первых лет советской власти, отдельные кодексы постсоветской России.

В первом случае кодекс является итогом переработки ранее существовавшего правового массива, систематизирует, сокращает, упрощает его. Такие кодексы должны сопровождаться списками многочисленных отмененных нормативно-правовых актов. Поэтому одной из основных задач принятия таких источников, кроме, естественно, прямого функционала – регулирования общественных отношений, является сокращение правового массива, т.е. прямое количественное уменьшение правовой информации. Это свойство кодексов в современном обществе имеет исключительно важное значение, поскольку является одним из действенных способов решения насущной проблемы переизбытка правовой информации. О том, насколько серьезны проблемы глобального информационного перепроизводства, можно узнать из работ современных философов, исследующих эту тематику. В качестве примера можно привести работы профессора А.Д. Елякова [4, с. 114–121].

Кодексы второго типа представляют собой документы без действующих юридических «корней», письмо с чистого листа. При этом не исключается рецепция недействующих исторических источников или действующих аналогов зарубежных стран. С таких кодексов, как правило, принимаемых в период смены социально-экономических формаций, начинается, а не заканчивается формирование правовых систем. Если использовать для иллюстрации изначальные латинские ботанические значения, можно представить кодексы первого типа в виде дерева, ствол которого опирается на корни (старый правовой массив). Кодексы второго типа представляют собой семена, из которых впоследствии вырастают и корни, и де-

ревья. В геометрических символах это скорее пирамиды, при этом вторая является перевернутой.

Таким образом, в зависимости от целей и задач, решаемых законодателем в той или иной ситуации, все кодексы можно разделить на «оформляющие» (первый тип) и «формирующие» (второй тип). Классификации кодексов по этому основанию в теории права нет. Вместе с тем при оценке материала указанные отличия имеют определяющее значение, поскольку от них в конечном итоге зависит и выбор методики исследования.

Вторым, уже не малоизученным, а спорным моментом, на наш взгляд, является принятое в современном российском правоведении представление о том, что кодексами могут являться не только одноименные нормативные правовые акты, но и всевозможные положения, основы, своды, уставы и т.д. Это так называемые формы кодификации. В диссертационных исследованиях, посвященных этим вопросам, чаще всего употребляются фразы типа: «Субъекты Российской Федерации, на наш взгляд, могут осуществлять кодификацию материальных административно-правовых норм в формах законов, уставов, положений и правил» [6, с. 325].

То есть, если где-то мы сознательно разделяем понятия, «охота» и «рыбалка» к примеру, то в теории кодификации отдельные понятия, напротив, объединяются и в результате мы имеем что-то по типу «охоты в форме рыбалки». Справедливости ради надо сказать, что этот подход реализован не только в национальном, но и в международном праве. Например, Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте 1928 г.) – кодекс в форме конвенции и т.д. [8, с. 3–40].

Вместе с тем кодекс, на наш взгляд, является самостоятельной и довольно специфической формой выражения норм права. И это правило должно стать общим для юридической техники. Исключениями могут быть отдельные случаи присвоения документам, являющимся по своей юридической природе кодексами, наименований, традиционно используемых в качестве синонимов. В силу традиции в российском за-

конодательстве кодексами с «чужими» синонимичными названиями являются транспортные и воинские уставы. Все они попадают под классическое определение кодифицированного источника, но носят «чужое» синонимичное имя.

В остальных случаях считать кодексами основы, своды, положения, уставы неверно, поскольку в этом случае форма не будет соответствовать содержанию.

Существующую в правоведении путаницу усиливает ситуация, когда кодексами называют не конечный результат кодификации (собственно кодекс), а его побочные или незаконченные итоги. Ими как раз вполне могут быть своды, законы, уставы, положения, конвенции и т.д. Это – «некодексы» или «недокодексы». Например, кодификация Сперанского закончилась, как известно, отнюдь не кодексом, а Сводом законов.

Иногда получение дополнительных продуктов кодификации является желаемым и планируемым результатом. В международном праве применяется термин «частичная кодификация», когда в результате работы какого-нибудь международного органа «рождается», к примеру, не вся отрасль, а отдельный институт международного гражданского права (Гаагские конференции по кодификации международного частного права 1893, 1894, 1900, 1904 гг.).

Таким образом, ситуации и причины могут быть разные. Объективные и субъективные, случайные и запланированные и т.п. И это совершенно нормально. Ведь получаем же мы из молока сметану, масло и творог. Все это молочные продукты. Но не молоко. Поэтому для упорядочения информации по этому вопросу необходимо отличать реальные, действительные или натуральные «кодексы» от «продуктов кодификации» и не ставить между ними знак равенства. За эталон формы «натуральных» кодексов в современных условиях целесообразно принимать правовые источники в пандектном варианте, учитывая их более позднюю хронологию и теоретическое превосходство по сравнению с институциональным видом выражения результатов кодифицирования.

Итоги региональных кодификаций в РФ

Теперь, с обозначенных позиций, попробуем оценить результаты кодификационных работ в субъектах РФ, проводившихся в период с 1993 г. по настоящее время. Учитывая невозможность в рамках настоящей работы провести детальный, содержательный анализ этих источников, попробуем составить представление о них исходя из чисто формальных и количественных показателей.

Пользуясь информационно-правовой системой, например «КонсультантПлюс: Высшая школа», выпуск 20, можно обнаружить 57 нормативных актов интересующего вида. Их средний объем – 283 Кб, что почти в два с лишним раза ниже аналогичного показателя федеральных кодифицированных актов. Для сравнения: средний объем федерального кодекса по данным той же системы – 692 Кб.

Самый лаконичный из региональных «кодексов» (10 Кб) – «Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Приморского края», который состоит из 5 статей! Краткость, как известно, сродни таланту. Видимо, именно поэтому события, происходящие в Приморье сегодня, благодаря «пятистатейной этике» местной элиты, зачастую действительно напоминают чудеса. Так, в 2010 году доходы жены губернатора Приморья перевалили за отметку в один миллиард. Как актриса краевого театра умудрилась заработать в два раз больше Анджелины Джоли, исследователям так и не удалось объяснить [3].

Самый объемный акт из региональных кодексов – «Избирательный кодекс Владимирской области» (889 Кб). По этому показателю он превосходит даже Трудовой кодекс РФ (в ред. от 02.07.2013) – 734 Кб. Сравнивая масштабы применения этих источников, представляется, что столь объемное регулирование избирательных процедур во Владимирской области сопоставимо со «стрельбой из пушки по воробьям».

Из 57 «кодексов» 29 не содержат в своем тексте списков нормативных актов, отмененных в результате региональной «кодификации», и формально не могут претендовать на обозначенный в их названии ста-

тус. При более пристальном изучении оставшихся 28 «кодексов со списками» выясняется, что и они заменили либо одноименные, ранее действовавшие законы с их многочисленными изменениями и дополнениями, т.е. являются попросту новой редакцией этих законов либо подменили собою нормативные акты равного или меньшего объема. То есть никаких функций кодифицирования, в том числе и функции реального количественного сокращения правовой информации, они не выполняли.

Являются ли все эти документы результатами кодификации и собственно кодексами? Нет. Название «кодекс» в них использовано для «красоты» или еще по каким-то непонятным причинам. Представляется, что в субъектах РФ в силу их законотворческой «молодости» и узкой правотворческой компетенции сегодня попросту нет достаточного правового материала, который мог бы служить основой для классической кодификации. Таким образом, «оформляющими» кодексами они, по определению, быть не могут.

Теперь, для объективности, необходимо проверить их на возможную принадлежность к «формирующим» нормативным правовым актам. Для этого мы должны перейти в рассуждениях от формы и количества к сущности и качеству и использовать другой критерий оценки.

Предположим, что все эти акты «выбиваются» из классического понимания «оформляющих» источников и являются «формирующими». Тогда необходимо согласиться с тем, что основным содержательным признаком таких документов должно являться наличие в них разработанного понятийного аппарата, поскольку именно он позволяет таким источникам играть роль базового, системообразующего элемента. А есть ли вообще в региональных кодексах так называемая «общая часть» и самостоятельный, базовый для других правовых актов, понятийный аппарат?

По наличию или отсутствию понятийного аппарата, т.е. общей части, все региональные «кодексы» можно дифференцировать на три группы: разработанные, отсылочные и стерильные.

В первой группе – 23 источника. Формально они имеют общую часть. Остальные, т.е. подавляющая часть (34 источника), обходятся без нее.

Региональные кодексы второй, «отсылочной», группы принимаются субъектами РФ чаще всего по вопросам совместного ведения (как правило, это сфера административного права). Ничего нового к общей, теоретической, части одноименных федеральных источников они, естественно, не добавляют, а лишь путают потребителей правовой информации введением сходных, до степени смешения, названий. Как под копирку в этих видах источников повторяются фразы, представляющие собой отсылочные нормы: «В настоящем кодексе основные понятия используются в соответствии с Кодексом Российской Федерации...» К таким актам относятся, к примеру, Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях (ст. 1.4); Градостроительный кодекс Орловской области (ст. 1); Избирательный кодекс Республики Татарстан (п. 3, ст. 2).

Особенностью третьей группы – «стерильных» кодексов является то, что в них вообще нет общей части, ни собственной, ни заимствованной, даже через посредничество отсылочных норм. Так же они не отменяют и не систематизируют предшествовавший им массив. Таким образом, кодексами они не являются ни по форме, ни по содержанию. Примером «кодексов» этой группы является «Кодекс о государственных должностях Омской области и государственной гражданской службе Омской области».

Отдельно надо отметить «кодексы», принятые по вопросам самостоятельного, а точнее, факультативного ведения. Учитывая, что практически все серьезные направления составляют федеральную или совместную компетенцию, найти пробелы и отрегулировать их, да еще на уровне правовой кодификации, практически невозможно. Поэтому удивительными в этом случае являются сами сегменты общественных отношений, избранные регионами для правового регулирования.

Таким документом из серии «голь на выдумку хитра» является упоминавшийся

уже «Кодекс о государственных должностях Омской области...» За неимением лучшего законодатели этого региона употребляют слово «кодекс» в значении слова «перечень» или «список».

Чукотка пошла дальше и взялась за создание самостоятельной теории государства и права. Она обогатила нас самостоятельными легальными определениями «законодательного» и «нормативного правового акта». В этом регионе действует «Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа».

Таким образом, в отличие от описанной выше ситуации, когда кодексам, по сути, могут присваиваться не соответствующие им названия – устав, основа, положение и т.д., в случае с региональными кодексами мы имеем обратную ситуацию – набор суррогатов, хотя и названных кодексами, но не являющихся таковыми ни по форме, ни по содержанию. Это квази-, или псевдо, кодексы венчают или опосредуют собой процесс имитации законотворческой деятельности.

Есть еще один архиважный количественный показатель рассматриваемых процессов – частота изменений. У кодексов она должна быть в разы ниже текущего законотворчества, ибо кодексы – это основа. Если строители будут ежемесячно перестраивать фундамент вашего дома, жить в нем будет просто невозможно. Российские законодатели считают такую ситуацию допустимой. Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях, к примеру, за 12 лет с момента его принятия в 2003 г. к марту 2015 г. «изменился» 93 раза! То есть нормативный акт, призванный являться основой, фундаментом правового массива подвергается перестройкам в среднем 8 раз в году! Хорошо, что работники сельского хозяйства не следуют подобному алгоритму и не выкапывают картофель из земли с той же завидной частотой. Как представляют себе законотворцы процесс правового регулирования в этих условиях, можно только гадать.

А вместе с тем законы доводятся до большинства граждан посредством печати. Это конституционная позиция. Поэтому не мешало бы депутатов всех уровней, прежде чем они начнут извергать свои правовые

инициативы, знакомить с основами издательского дела и книжной торговли. Тогда бы им было известно, за какой срок готовится к печати, выпускается в свет, продается и, главное, усваивается печатная продукция. И если все эти неизбежные временные затраты сложить, получаем срок не менее года. За пределами этого рубежа простирается нескончаемая зона нулевого или отрицательного эффекта от высокооплачиваемой и «продуктивной» законотворческой деятельности.

Выводы

Знакомство с результатами столь многочисленных кодификаций в большинстве своем приводит к мысли о необходимости введения прямого запрета на использование этого инструмента на уровне регионов в силу теоретической несостоятельности, абсолютной неэффективности и совершенной бессмысленности проведения этих работ.

Истинный кодекс – это основа отраслевых, межотраслевых систем, что соответствует государственному, федеральному уровню. Кодекс есть характеристика целого, а не части. Поэтому никакого «глобуса Брянской области» или «теории государства и права Чукотской АО» быть не может. И если на федеральном уровне есть кодекс, то ни о каких кодексах в регионах, включая республики, не должно быть и речи.

В масштабах страны необходимо выстроить понятную всем, логичную иерархию нормативно-правовых источников. Существующую конституционную норму, которая при желании позволяет принимать в границах федерации до 86 одноименных кодексов по любой из имеющихся отраслей, вряд ли удастся объяснить с разумных позиций. Во всяком случае повышению правовой грамотности населения, обеспечению единства страны это положение явно не способствует.

Кроме того, тиражирование «местечковых» кодексов в рамках отдельных отраслей при наличии одноименных федеральных источников есть ничем не оправданное кратное увеличение правовой информации, что противоречит самой сути и функциональному смыслу кодификации.

Количественной предпосылкой процесса кодификации должен являться право-

вой массив избыточного объема, уже не позволяющий эффективно его использовать. Необходимость неукоснительного следования этому правилу позволит купировать необоснованные устремления региональных законотворцев, которые в подавляющем большинстве случаев не имеют не только для кодификации, но и, для законотворчества вообще, достаточного материала или каких-либо других разумных причин.

Схема, согласно которой законопослушный гражданин, к примеру, путешествующий по стране, должен приобрести и усвоить 85 кодексов об административных правонарушениях, не считая федерального, а затем практически ежемесячно отслеживать вносимые в них изменения, является юридическим идиотизмом, приводящим к социально-адаптивной и нормативной дисфункции.

Библиографический список

1. *Бартошек М.* Римское право. (Понятия, термины, определения). М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
2. *Борзунова О.А.* Кодификация налогового законодательства России: научно-практические аспекты. М.: Юстицинформ, 2010. 368 с.
3. *Викторова Л.* Актриса Приморского театра заработала в два раза больше Анджелины Джоли // Комсомольская правда. 2011. 30 апр. URL: <http://webdiscover.ru/v/31210> (дата обращения: 24.01.2014).
4. *Еляков А.Д.* Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5.
5. *Кодификация* российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. 336 с.
6. *Костенников М.В.* Теоретические проблемы кодификации административного права России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 355 с.
7. *Крашенинников В.П.* Кодификация законодательства в новой России. Смена вех. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-21/15%20Let/Krashennnikov.pdf> (дата обращения: 22.01.2014).
8. *Международное частное право.* М.: БЕК, 1997. 370 с.

9. *Никишин И.Г.* Направления совершенствования законодательства субъекта Российской Федерации на примере Тамбовской области // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 12(128).
10. *Online-Переводчик* латинского языка (латыни). URL: <http://radugaslov.ru/latin1.htm> (дата обращения: 23.12.2013).
11. *Потапов М.Г.* Право субъекта Российской Федерации в правовой системе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 20 с.
12. *Чертков А.Н.* Законодательное регулирование совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. М.: Юстицинформ, 2005. 224 с.
13. *Шановал Е.А.* Источники российского трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 219 с.
14. *Юридический словарь.* М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. 687 с.
6. *Kostennikov M.V.* *Teoreticheskie problemy kodifikatsii administrativnogo prava Rossii: avtoref. dis. ... doktora jurid. nauk.* [Theoretical Problems of the Administrative Law Codification in Russia: Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2001. 355 p. (In Russ).
7. *Krasheninnikov V.P.* *Kodifikatsiya zakonodatel'stva v novoy Rossii. Smena vekh* [Codification of Legislation in New Russia. The Change of Landmarks]. URL: [http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-21/15% 20Let/Krasheninnikov.pdf](http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-21/15%20Let/Krasheninnikov.pdf) (data obrashcheniya: 22.01.2014). (In Russ).
8. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. Moscow: BEK, 1997. 370 p. (In Russ).
9. *Nikishin I.G.* *Napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva sub"ekta Rossiyskoy Federatsii na primere Tambovskoy oblasti* [Directions of Perfection of Legislation of Subjects of the Russian Federation through the Example of the Tambov Region] // *Vestnik TGU – Tambov State University Bulletin.* 2013. Vyp. 12(128). (In Russ).
10. *Online-Perevodchik latinskogo yazyka (latyni)* [The Latin Language Online Translator]. URL: <http://radugaslov.ru/latin1.htm> (data obrashcheniya 23.12.2013). (In Russ).
11. *Potapov M.G.* *Pravo sub"ekta Rossiyskoy Federatsii v pravovoy sisteme Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The Russian Federation Subject Law in Legal System of Russia: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 20 p. (In Russ).
12. *Chertkov A.N.* *Zakonodatel'noe regulirovanie sovmestnogo vedeniya Rossiyskoy Federatsii i ee sub"ektov* [Legislative Adjusting of Joint Conduct of the Russian Federation and Its Subjects]. Moscow: Yustitsinform, 2005. 224 p. (In Russ).
13. *Shapoval E.A.* *Istochniki rossiyskogo trudovogo prava: dis. ... kand. jurid. nauk* [The Sources of Russian Labour Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. dis.]. Moscow, 2002. 219 p. (In Russ).
14. *Yuridicheskiy slovar* [Juridical Dictionary]. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1956. 687 p. (In Russ).

References

1. *Bartoshek M.* *Rimskoe pravo. (Ponyatiya, terminy, opredeleniya) / per. s chesh.* [Roman Law: (Concepts, Terms, Definitions)]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989. 448 p. (In Russ).
2. *Borzunova O.A.* *Kodifikatsiya nalogovogo zakonodatel'stva Rossii: nauchno-prakticheskie aspekty* [Codification of Tax Law in Russia: Research and Practice Aspects]. Moscow: Yustitsinform, 2010. 368 p. (In Russ).
3. *Viktorova L.* *Aktrisa Primorskogo teatra zarabotala v dva raza bol'she Andzheliny Dzholi* [An Actress of the Primorsky Theatre twice as much as Angelina Jolie] // *Komsomolskaya pravda.* 2011. 30 apr. URL: [http://webdiscover.ru/v/31210_\(data obrashcheniya: 24.01.2014\).](http://webdiscover.ru/v/31210_(data obrashcheniya: 24.01.2014).) (In Russ).
4. *Elyakov A.D.* *Informatsionnaya peregruzka lyudey* [Information Overload of People] // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Researches.* 2005. № 5. (In Russ).
5. *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava / pod red. D.A. Medvedeva* [Codification of Russian Private Law / ed. by D.A. Medvedev]. Moscow: Statut, 2008. 336 p. (In Russ).

REGIONAL CODIFICATIONS IN RUSSIA: LEGAL NONSENSE OR NECESSITY

S.G. Vorontsov

Perm State University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: medeo2006@mail.ru

Introduction: the USSR did not have laws in form of codes at level below than republic. The Constitution of Russia 1993 gave such opportunity to all subjects of Federation. Now about a half of regions using such acts in Russian Federation. The attitude to this type of legal acts in the modern juridical literature in Russia is ambiguous. It is possible to meet opposite opinions. Therefore discussion on this subject matter is necessary. In this article a juridical acts of Russian regions were analysed. **Methods:** a methodological basis of research is a scientific dialectics method. Similarly in this work were used and other methods of research for example statistical, formally-logical and other methods. **Results:** as a result a new classification of a codes have been formulated. Also author think that the modern theory of codification do not see difference between code and product of codification. It is not correctly. **Conclusions:** according the author opinion a regions of Russia – a subjects of Federation must not use a codes as means of legal regulation. For this level of juridical technique they are have not enough legal material.

Keywords: constitutional reforms; questions of codification; regional lawmaking; the Russian Federation subjects codes; regional codification; efficiency of law

Информация для цитирования:

Воронцов С.Г. Региональные кодификации России: юридический нонсенс или оправданная необходимость // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 15–23.

Vorontsov S.G. Regional'nye kodifikatsii Rossii: yuridicheskiy nonsens ili opravdannaya neobkhodimost' [Regional Codifications in Russia: Legal Nonsense or Necessity] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 15–23. (In Russ).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА

Ю.С. Решетов

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, ауд. 305а
E-mail: theory_of_law@kpfu.ru

Введение: статья посвящена рассмотрению правового регулирования и реализации права как граней функционирования права. **Цель:** установить единство и дифференциацию правового регулирования и реализации права. **Задачи:** рассмотреть взаимодействие правового регулирования и реализации права; показать место правового регулирования и реализации права в правовой жизни общества. **Методы:** исследование строится на основе диалектического подхода; в работе для решения различных задач использовались общенаучные и специальные методы познания права: системный метод, уровневый подход, анализ, синтез, восхождение от абстрактного к конкретному. В методологии познания исследуемых процессов был применен плюралистический подход. **Выводы:** правовое регулирование и реализация права – это не часть и целое, а самостоятельные грани функционирования права. Правовое регулирование и реализацию права нельзя противопоставлять, ибо они «работают» друг на друга. Проведен анализ правотворческой и правоприменительной деятельности, показано их соотношение как нормативного и индивидуального правового регулирования. Выделены уровни правового регулирования и реализации права: структурный (на уровне диспозиции и санкции правовой нормы), уровни материально-правовых и процессуально-процедурных норм права. В работе проанализированы уровни правотворческой деятельности с точки зрения юридической силы норм права.

Ключевые слова: норма права; право; правовое регулирование; правоотношение; применение права; реализация права; уровни правового регулирования; уровни правореализации

Введение

Правовое регулирование и реализация права представляют собой отдельные, обладающие специфическими чертами грани правовой жизни, связанные с функционированием права. Благодаря этому они тесно связаны друг с другом. Нормы права, являясь средством юридического воздействия на людей, реализуются через внешние и внутренние формы регуляции поведения субъектов права. Поэтому действия участников реализации права, которые завершаются изданием индивидуальных правовых актов, входят в правовое регулирование. Поведение же участников реализации правовых норм, которое не получает институционального воплощения в виде средств правового воздействия и характеризуется саморегулированием, не входит в правовое регулирование.

В реализации права концентрируются результаты как специально-юридического (правового), так и информационного, воспитательного и ценностно-ориентационного воздействия права. Это нужно учитывать при анализе правового регулирования и реализации права, их связей.

Важной характеристикой правового регулирования и реализации права является их системность. При этом системность проявляет себя и при их взаимодействии, при регулировании общественных отношений (см. [2, с. 54–77]), осуществлении субъектами права определенного юридически значимого поведения. Без этого элементы механизма правового регулирования и механизма реализации права не смогут выполнять своего предназначения.

Реализации права присуща регулятивность. В отечественной теории права реализация прав и обязанностей нередко рассматривается в качестве элемента, стадии правового регулирования [1]. Существует и иное

мнение, в соответствии с которым сводить реализацию права к элементу механизма правового регулирования будет ошибкой, так как этот механизм в целом и есть реализация права [4]. Однако правовое регулирование и реализация права не выступают в качестве части и целого. Так, соблюдение правовых норм, связанное с выполнением правовых запретов, представляет собой пассивное правомерное поведение, которое нельзя отнести к правовому регулированию, являющемуся всегда активным поведенческим процессом.

Правовое регулирование и реализация права в их взаимодействии довольно сложно соотносятся с предметом правового регулирования. Предметом правового регулирования является то, на что оно направлено. Поэтому можно предположить, что предмет находится вне правового регулирования, отделен от него. Но это можно принять применительно к общественным отношениям, которые в результате правового регулирования становятся правовыми, приобретают юридическую форму, оставаясь фактически экономическими, семейными, управленческими, трудовыми и т.д. Иное происходит с общественными отношениями (налоговыми, пенсионными, процессуальными и др.), существование которых трудно представить без права. Порождаемые государственно-правовой действительностью, эти отношения предстают как чисто юридические. Здесь правовое регулирование осуществляется изнутри. А это сказывается на взаимодействии реализации права с правовым регулированием. Такая трактовка предмета правового регулирования позволяет понять, каким образом правовая деятельность становится относительно самостоятельным видом человеческой деятельности, выявить ее место в системе общественных отношений.

Во взаимодействии правового регулирования и реализации права свою роль играет правотворчество. В ходе правотворчества происходит нормативное правовое регулирование, устанавливаются, изменяются и отменяются нормы права. Реализация же права охватывает собой поведение людей и их организаций по претворению норм права в жизнь. Это позволяет размежевать право-

творчество и реализацию права. Но значимо и то, что это постоянно взаимодействующие процессы. Их нельзя представить друг без друга. Правотворчество создает нормы права для их реализации, так как только в ней они обретают смысл и действенность.

Главный канал, в рамках которого происходит воздействие на реализацию права со стороны правотворческой деятельности, связан с ее итогом, результатом. Этот результат выражается в установленных правовых нормах. Будучи относительно стабильной системой, правовые нормы призваны отражать постоянное развитие общественных отношений. Но это лишь одно из проявлений реагирования системы правовых норм на изменения в жизни общества. Такое реагирование выражается также в совершенствовании реализации норм права. Реализация правовых норм обладает и своими, относительно самостоятельными, возможностями в преобразовании общества. Не случайно в системе норм права существуют разные по качеству правовые нормы. Выделяются даже специализированные нормы права, а именно системообразующие, системоупрощающие, системосохраняющие (см. [3, с. 28–35]).

В отечественной теории государства и права существуют два мнения о роли в реализации права правовых отношений. Первое: право, как специфическое средство регулирования, обладает единственной формой реализации – правовыми отношениями. Второе: реализация права происходит в рамках правоотношений и вне правоотношений. Следует отметить следующее. В понятии реализация норм права вне правоотношений мыслится не отрицание признаков соотносительного положительного понятия «реализация норм права» посредством правоотношений, а только отличие видового признака первого от видового признака второго при наличии одного и того же родового признака у обоих понятий. Реализация норм права вне правоотношений – это первичная часть механизма осуществления права. Видная роль здесь принадлежит саморегулированию. И это не случайно, так как лишь через саморегулирование можно непосредственно воплотить в жизнь нравственно-правовые программы, воздейству-

ющие на людей по каналам прямой связи (см. [6]). Так, глубокую нравственную основу имеет под собой поведение людей, реализующих диспозиции запретительных норм права. Назначение правовых запретов – в общем предупреждении асоциальных поступков. Это достигается путем установления всеобщих юридических обязанностей не совершать определенных действий. Реализация такого вида обязанности не предполагает конкретной, индивидуализированной связи между лицами, наделенными определенными правами и обязанностями. При трактовке реализации диспозиций запрещающих норм права через правоотношения практически нельзя определить отраслевую принадлежность таких правоотношений. Так, нельзя утверждать, что при воздержании от запрещенных нормами уголовного права деяний люди вступают в уголовно-правовые отношения.

«Понять характер деятельности, представляющей собой индивидуальное правовое регулирование, вне правоотношений нельзя. Индивидуальное правовое регулирование взаимодействует с разными правоотношениями. Регулятивными и охранительными, горизонтальными и вертикальными, договорными и правоприменительными, отраслевыми и межотраслевыми. Раскрытие особенностей правоприменительных правоотношений позволяет отграничить их от правоотношений, существование которых связано с индивидуально-договорным правовым регулированием. Здесь правоотношения возникают между субъектами, положение которых отличается их юридическим равенством, автономией. Уполномоченное лицо в таких случаях не обладает властью, а обязанный субъект не подчинен уполномоченному и связан лишь его правом. Субъекты, находящиеся в автономном положении по отношению друг к другу и заключающие разного рода договоры, регулируют не только собственное положение, но и устанавливают в рамках правовых норм взаимные права и обязанности. Все это позволяет утверждать, что в этих случаях происходит индивидуальное правовое регулирование» [5, с. 21].

Правовое регулирование и реализация права не локализируются в одной из сфер

жизни общества – они проникают в экономическую, социальную, политическую, духовную сферы жизни общества. В современных условиях связи основных сфер жизни общества и функционирования права предстают во всей своей сложности и многогранности. Главным же источником движения правового регулирования и реализации права выступают противоречия экономической сферы общества. Они непосредственно или опосредованно определяют характер и направление всей системы правового регулирования и реализации права, воплощают их первичный уровень. Особенно ярко это прослеживается при анализе указанных процессов с позиции материалистического правопонимания. В.М. Сырых неоднократно подчеркивает это, характеризуя конкретное право как результат действия правового регулирования и правореализации в их единстве (см. [7, с. 445–450]). Так, обновление процессов правового регулирования и реализации права во многом зависит от разных форм собственности, существования различных организационно-правовых форм предпринимательской деятельности, наличия сложной структуры рынка.

Функционированию права присущи разнообразные связи его компонентов, примечательными из которых являются координация и субординация. При этом координация выражает упорядоченность компонентов системы по горизонтали (речь здесь идет о взаимодействии частей одного уровня организации). Субординация же есть вертикальная упорядоченность, выражающая подчинение и соподчинение компонентов, то есть взаимодействие компонентов различных уровней.

Рассмотрим вначале структурные уровни реализации права. Для этого выделим следующие направления воздействия норм права на поведение людей: 1) закрепление в диспозициях правовых норм правил требуемого или дозволяемого поведения; 2) установление в нормах права мер юридического воздействия (санкций) в случае нарушения диспозиции. Правовые нормы не действуют в поведении людей автоматически непреложно. Напротив, их структура свидетельствует, что субъект права может

отклоняться от требуемых от него норм поведения. Тем самым норматив как способ детерминации поведения предполагает его альтернативность (предписано поступать так, но может произойти и другое). К социальным нормам общество прибегает тогда, когда имеет место отклонение от социальной направленности в поведении его членов, т.е. когда совершаются асоциальные поступки. Соответственно, можно выделить две стороны в реализации права. Первая предстает как осуществление диспозиций правовых норм, а вторая – реализация санкций, причем ведущей является первая сторона. Нормы права воздействуют на поведение людей прежде всего своими диспозициями. Связи между этими сторонами реализации права носят субординационно-структурный характер.

Выделение реализации диспозиций и реализации санкций правовых норм позволяет представить реализацию права в вертикальном срезе.

Реализация диспозиций правовых норм и осуществление правовых санкций – противоречивые составляющие. Важной формой существования этой противоречивости является взаимосвязь непрерывности и прерывности процесса реализации права. Прерывность воплощается в делимости и относительно самостоятельном существовании реализации диспозиций и реализации санкций правовых норм как качественно определенных сторон осуществления права. Единство же этих сторон, их взаимообусловленность выражают непрерывность реализации права, представляющей собой целостное образование. Выделение реализации диспозиций и санкций правовых норм обусловлено противоправным поведением. Это поведение – антипод правомерного поведения, составляющего содержание реализации права. Граница между правомерным и противоправным поведением проходит там, где начинается невыполнение субъектами права своих обязанностей. Противоправное поведение сказывается на реализации права. Но это отнюдь не означает, что оно может быть включено в содержание реализации права. Характерная черта совокупности правонарушений – иррегулятивность. Правовое регулирование и реализация права

стремятся к достижению определенного результата, они функционируют для достижения одной цели – установления правопорядка.

Реализация права представляет собой единство социальной предметности и правомерности в деятельности людей. При этом правомерность есть не сама деятельность в ее субстанциональном виде, а ее нормативное свойство или сторона. С помощью правомерности утверждаются четкость, устойчивость, государственная обеспеченность, определенная направленность в поведении людей. Правомерная деятельность, составляющая содержание реализации санкций правовых норм, направлена на обеспечение оптимального течения реализации диспозиций правовых норм.

Уровневый подход позволяет верно определить место в реализации права процедурно-процессуальной юридической деятельности. Понять эту деятельность нельзя без соотнесения ее с реализацией материального права. Реализация материально-правовых и реализация процедурно-процессуальных норм права представляют собой такие стороны единого процесса право-реализации, которые воплощают субординационно-функциональные связи ее компонентов. Зависимость, существующая между материально-правовыми и процессуально-правовыми нормами права, выражается в следующем: процедурно-процессуальная право-реализующая деятельность производна от деятельности, составляющей содержание реализации материально-правовых норм.

Важнейшей чертой реализации современного российского права является ее демократизация. А этого не достичь без совершенствования процессуальных гарантий реализации прав и свобод, законных интересов личности. Юридическая процессуальная форма рассчитана на воплощение в жизнь подлинно демократических принципов государственного управления обществом. Она предстает в качестве конструктивного фактора предупреждения и разрешения противоречий между интересами управляющих и управляемых.

Реализация процедурно-процессуальных норм права не ограничива-

ется юрисдикционной правоприменительной деятельностью, а распространяется и на иные правовые формы государственной деятельности. Это наблюдается в деятельности, связанной с формированием, ликвидацией или преобразованием органов государства, должностных лиц, иных субъектов права, в организационно-исполнительной и контрольно-надзорной деятельности. Действие процедурно-процессуальных норм права должно в той или иной степени затрагивать всю правотворческую и правоприменительную деятельность. Конечно, процедурно-процессуальная деятельность, существование которой связано с применением диспозиций правовых норм, отличается от деятельности, сопряженной с применением санкций правовых норм. Однако в юрисдикционной процедурно-процессуальной деятельности возможно усматривать лишь видовую разновидность реализации процедурно-процессуальных норм.

Уровневый подход целесообразно использовать при характеристике российской правотворческой деятельности. С точки зрения юридической силы правотворческую деятельность возможно разделить на законодательную и подзаконную. Российский федерализм знает правовое регулирование на следующих уровнях: федеральном, региональном и местном.

При характеристике правового регулирования и реализации права нужно учитывать присущие им взаимосвязи внутренних и внешних побудительных сил. Внутренние побудительные силы должны стать более значимыми. Но раз существует право, будут сохраняться и внешние формы государственного контроля за правовым регулированием и реализацией права. В современных условиях эти формы преобразуются, открывают больший простор для инициативы и самостоятельности участников правового регулирования и реализации права. Такое развитие предопределяется потребностями перехода к оптимальной экономике, гражданскому обществу, правовому государству.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Избранное: Наука права. Общесоциальные проблемы. Публицистика. М.: Статут, 2003. 480 с.
2. *Воронин М.В.* Основания и проявления системности права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. 223 с.
3. *Кузнецова О.А.* Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 430 с.
4. *Раянов Ф.М.* Проблемы теории государства и права (юриспруденции). М.: Право и государство, 2003. 304 с.
5. *Решетов Ю.С.* Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 2. С. 17–22.
6. *Решетов Ю.С.* Саморегулирование и регулирование в механизме реализации права // Правовое государство: теория и практика. 2009. № 17. С. 5–11.
7. *Сырых В.М.* Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 552 с.

References

1. *Alekseev S.S.* *Izbrannoe: Nauka prava. Obshchesotsial'nye problemy. Publitsistika* [Favorites: Science of Law. General Social Problem. Reading]. Moscow: Statut, 2003. 480 p. (In Russ).
2. *Voronin M.V.* *Osnovaniya i proyavleniya sistemnosti prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Grounds and Systemic Manifestations Rights: a PhD Thesis in Law]. Kazan, 2013. 223 p. (In Russ).
3. *Kuznetsova O.A.* *Spetsializirovannye normy rossiyskogo grazhdanskogo prava: teoreticheskie problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Special Rules of Russian Civil Law: Theoretical Problems: a Doc. Thesis in Law]. Yekaterinburg, 2007. 430 p. (In Russ).
4. *Rayanov F.M.* *Problemy teorii gosudarstva i prava (yurisprudentsii)* [Problems of the Theory of State and Law (Jurisprudence)]. Moscow: Pravo i gosudarstvo, 2003. 304 p. (In Russ).
5. *Reshetov Yu.S.* *Normativnoe i individual'noe pravovoe regulirovanie* [Normative and Individual Legal Regulation] // *Vestnik*

- Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. Vyp. 2. Pp. 17–22. (In Russ).
6. *Reshetov Yu.S. Samoregulirovanie i regulirovanie v mekhanizme realizatsii prava* [Self-regulation and Regulation in Mechanism Realization of the Right] // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* – The Legal State: Theory and Practice. 2009. № 17. Pp. 5–11. (In Russ).
7. *Syrykh V.M. Materialisticheskaya filosofiya chastnogo prava* [Materialist Philosophy of Private Law]. Moscow: Yurlitinform, 2014. 552 p. (In Russ).

LEGAL REGULATION AND ENFORCEMENT OF LAW

Yu.S. Reshetov

Kazan (Volga region) Federal University,
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008
E-mail: theory_of_law@kpfu.ru

Abstract: the article is dedicated to research of legal regulation and law enforcement as bounds of functioning of law. **The Aim** of the article is to establish integrity and differentiation of legal regulation and enforcement of law. **The Objectives** of the research are to give consideration to interaction between legal regulation and law enforcement; demonstrate a role which legal regulation and enforcement of law play in the legal life of society. **Methods:** the research is conducted on the basis of dialectic approach; for solutions of different problems general scientific methods and specific methods of cognition of law were used, such as: systemic method, level method, analysis, synthesis, transition from the abstract to the concrete. In methodology of cognition of the processes in question pluralistic approach was used. **Conclusions:** legal regulation and enforcement of law are not a whole or a part, but the independent bounds of functioning of law. Legal regulation and law enforcement must not be opposed, because they ‘work’ on each other. Analysis of lawmaking and law-enforcement activity was conducted; their correlation as normative and individual regulators was demonstrated. Levels of legal regulation and enforcement of law are highlighted: structural (on a level of disposition and sanction of a legal norm), levels of substantive and procedural legal norms. In the research levels of lawmaking activity were analyzed from the point of view of legal force of a legal norm.

Keywords: legal norm; law; legal regulation; legal relations; application of law; enforcement of law; levels of legal regulation; levels of enforcement of law

Информация для цитирования:

Решетов Ю.С. Правовое регулирование и реализация права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 24–29.

Reshetov Yu.S. Pravovoe regulirovanie i realizatsiya prava [Legal Regulation and Enforcement of Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 24–29. (In Russ).

II. КОНСТИТУЦИОННОЕ, МУНИЦИПАЛЬНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73(470)

ПУБЛИЧНЫЕ ДОХОДЫ – НОВАЯ КАТЕГОРИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Н.В. Васильева

Кандидат юридических наук, доцент заведующий кафедрой предпринимательского и финансового права Байкальский университет экономики и права 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: nativi@yandex.ru

Введение: статья посвящена исследованию категориального аппарата финансового права в трансформирующихся условиях осуществления финансовой деятельности государства и муниципальных образований, связанных с появлением новых публичных денежных фондов (фондов негосударственных пенсионных фондов, государственных корпораций и др.). **Цели и задачи:** рассмотрение категории «публичные доходы», определение ее признаков и содержания. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы как общенаучные методы исследования (диалектический метод, методы анализа и синтеза, абстрагирования и конкретизации), так и частнонаучные методы исследования (формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, технико-юридический метод). **Результаты:** автор настаивает на необходимости использования в российском финансовом праве новой категории – «публичные доходы», которой охватываются доходы всех фондов денежных средств, используемых в публичных целях. На основании исследования денежных фондов, используемых в целях удовлетворения публичного интереса, анализа понятия публичного интереса применительно к финансово-правовым конструкциям обосновывается авторское определение категории «публичные доходы», выявляется круг входящих в нее элементов. **Заключение:** автор полагает, что применение в финансовом праве категории «публичные доходы» позволит, прежде всего, выработать концепцию правового регулирования всех общественных отношений, возникающих в процессе аккумуляирования публичных фондов денежных средств, используемых для удовлетворения публичного интереса. Данная концепция, распространяя на возникающие при этом общественные отношения императивный метод правового регулирования, позволит не допустить излишнего волеусмотрения и злоупотребления со стороны частных субъектов, а также усилит контроль за поступлением и целевым расходованием поступающих в такие денежные фонды доходов.

Ключевые слова: бюджет; денежные фонды; децентрализованные доходы; публичность; публичные доходы; публичные финансы; публичные фонды; публичный интерес; финансовое право

Введение

Происходящее в настоящее время усложнение финансовой деятельности государства, ее децентрализация, появление относительно новых для российской правовой системы, используемых государством для удовлетворения общего интереса, публичных фондов денежных средств, находящихся в частной собственности, делает невоз-

можным применение в отношении всех публичных фондов термина «государственные доходы», поскольку государственными в полном смысле этого слова можно признать доходы, принадлежащие государству, т.е. те доходы, собственником которых является государство или полномочия по распоряжению которыми принадлежат государству. Это предопределяет рассмотрение

категориального аппарата финансового права на новом качественном уровне.

Основное содержание

Используемый наукой финансового права термин «государственные доходы» как совокупность денежных средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и государственных унитарных предприятий и учреждений не отражает в полной мере всех реалий финансовой деятельности государства на данном этапе развития российской экономики. Е.А. Рыжкова справедливо обращает внимание на тенденцию проникновения частноправового элемента в регулирование публичных финансов [11, с. 168]. И, полагаем, здесь дело не только в использовании частных финансов как источника финансов государственных (уплата налогов и иных обязательных платежей частными лицами и др.), но и иное использование частных финансов в публичных целях.

Прежде всего это связано с ограниченностью бюджетных средств, невозможностью удовлетворения за их счет всех общественных потребностей. В этой связи государство стремится избавить бюджет от «непроизводительных» расходов, создавая и наделяя государственным имуществом различные юридические лица, которые будут действовать от своего имени и практически за свой счет, однако выполняя при этом некие публичные функции. Свидетельствует об этом проведенная реформа правового статуса государственных учреждений и появление их трех типов: казенных, бюджетных и автономных, из которых только первые финансируются из бюджета на основе сметы, а бюджетным и автономным выделяются субсидии на выполнение государственных заданий.

Более того, в публичных целях используются и денежные фонды, традиционно относимые к частным. В настоящее время создаются различные фонды денежных средств, которые могут быть использованы в публичных целях. Это и фонды государственных корпораций и компаний, в том числе агентства по страхованию вкладов, Внешэкономбанка, фонды негосударствен-

ных пенсионных фондов и т.п. В силу гражданско-правовых конструкций и негосударственные пенсионные фонды, и государственные корпорации обладают обособленным имуществом на праве собственности, вместе с тем действуют не в частных интересах собственника, а в неких общих, групповых, коллективных интересах (пенсионное обеспечение, защита вкладов и т. п.).

Поскольку данные фонды используются для удовлетворения не частных потребностей отдельных лиц, а для осуществления коллективных потребностей, удовлетворения публичного интереса, рассмотрение их с финансово-правовых позиций как частных фондов не вполне оправданно. Ведь «частные юридические лица ищут прибыль», тогда как защита общественных интересов относится к государственным функциям [11, с. 170]. Возможность «осуществления некоторых прерогатив публичной власти» частными или наполовину частными организациями отмечал П.М. Годме, указывая, что в этих случаях денежные средства, используемые такими организациями в процессе осуществления функций публичной власти, не являются частными денежными средствами: «они используются в процессе осуществления государственной власти и в данном случае не подчиняются законам рыночной экономики, характеризующей частные финансы» [3, с. 55].

Вместе с тем при рассмотрении таких фондов с публично-правовых позиций использование в отношении их доходов термина «государственные доходы», по нашему мнению, не представляется возможным. Полагаем необходимым и оправданным употребление более емкого и широкого термина – «публичные доходы».

Здесь необходимо обратить внимание, что за рубежом применительно к нечастной сфере финансов употребляется термин «*publique, public*», который на русский язык переводится как «государственный», что является как лингвистически, так и содержательно неточным. Так, во французском праве относительно финансовых категорий используется термин «*publique*» («*finances*

publiques», «depenses publiques» и т.п.) [18; 15, с. 4; 16, с. 11; 20, с. 6]. При этом, как следует из анализа литературы, «finances publiques» (публичные финансы) включают в себя государственные финансы, местные финансы, финансы органов социального обеспечения, финансы публичных учреждений и финансы всех других юридических лиц публичного права [19, с. 21; 17, с. 105; 14, с. 34], из чего следует, что «finances publiques» значительно шире финансов государственных.

Мнение о возможности применения категории «публичное» применительно к различным правовым категориям неоднократно высказывалось в юридической литературе. Так, оценивая категорию «публичные финансы», Е.В. Покачалова указывает, что проблемы правового регулирования публичных и частных финансов являются сложными и не могут быть решены по схеме «публичные финансы регулируются публичным правом, частные – частным», основой должно служить наличие публичного или частного интереса [9, с. 83–84]. По мнению А.А. Нечай, публичные финансы представляют собой общественные правоотношения, которые связаны с удовлетворением всех видов публичного интереса и возникают в процессе образования, управления, распределения (перераспределения) и использования публичных фондов средств и осуществления контроля за этим процессом [5, с. 15–16]. М.В. Карасева предлагает под публичной финансовой деятельностью понимать деятельность государства, его уполномоченных органов, муниципальных образований, а также негосударственных субъектов права, наделенных государством обязанностью осуществлять публичные задачи в сфере финансов [4, с. 153].

Прежде всего публичность связана с направленностью на обеспечение публичного интереса. Как правило, в научной литературе отмечается, что публичный интерес представляет собой признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования [12, с. 55]. Публичный интерес

как суммарный, усредненный социальный интерес в каждой из сфер общественной жизни рассматривается А.А. Нечай [7, с. 62].

Ю.А. Тихомировым указывается, что понятие «публичный интерес» является родовым, включающим в себя более конкретные интересы [12, с. 59–65]. При этом, как правило, выделяются государственный, территориальный и общественный публичные интересы. Говоря о видах публичных интересов, необходимо отметить нечеткость границ между ними и частными интересами, обусловленную многими факторами. Ведь, если с государственными и территориальными интересами более-менее все ясно, поскольку их носителями являются государство и местное самоуправление как публичные субъекты, то пределы общественного интереса представляются достаточно размытыми, грань между общественными и частными интересами провести трудно, поскольку частный интерес становится публичным и наоборот, в зависимости от решения публичной власти (признания нормативными правовыми актами частных интересов различных групп общественными интересами).

В частности, в пример подвижности границ публичных и частных интересов можно привести страхование. Н.М. Артемов и И.Б. Лагутин справедливо указывают на то, что «современная система страховых правоотношений имеет частно-публичный характер», при этом отмечая отсутствие единого подхода к разграничению частных и публичных отношений в области страхования [1, с. 105]. Страхование осуществляется в целях покрытия неких непредвиденных расходов, как правило, чрезвычайного характера. Частный субъект, осуществляя страхование, несомненно, преследует личные интересы (защита имущества, ограничение гражданско-правовой ответственности и т.п.). Вместе с тем одновременно при страховании преследуются и публичные цели. Так, страхование вклада в кредитной организации помимо защиты имущественного интереса вкладчика содействует в том числе укреплению доверия к банковской системе

Российской Федерации. Страхование имущества от обстоятельств непреодолимой силы (пожаров, наводнений и проч.) не только компенсирует непредвиденные расходы собственника, но и снижает расходы бюджета по предотвращению чрезвычайных ситуаций. Однако рассмотрение страховых фондов как публичных неосуществимо по ряду причин, в том числе и невозможностью определения того, какая часть фондов используется в публичных целях, а какая в частных. Поэтому, несмотря на наличие публичных интересов в страховании, страховые фонды традиционно рассматриваются не как публичные, а как частные денежные фонды.

Размытость границ между публичными и частными интересами предопределяет нахождение критериев их разграничения. Несомненно, «не надо нивелировать регулируемую роль государства, обусловленную необходимостью реализации публичных, общезначимых задач и функций» [8, с. 6]. А.М. Черноверхским верно отмечается, что «Российская Федерация берет на себя организацию механизмов реализации признанных ею общественных интересов, а также определяет источники и правила осуществления финансирования с целью их реализации» [13, с. 37]. В то же время кроме субъективного критерия необходимо определиться, какими объективными мерами следует руководствоваться для признания неких общественных интересов публичными. Ю.А. Тихомиров выделяет такие правовые средства обеспечения публичного интереса, как нормативные признаки, закрепление приоритета, установление порядка и гарантий обеспечения, закрепление способов охраны и защиты, мер ответственности [12, с. 59–65]. Полагаем, что установление и порядка, и гарантий обеспечения, и способов охраны и защиты, и мер ответственности – признаки вторичные. Наделение общественного интереса признаками публичности, регламентирование их публично-правовыми нормами предполагает распространение на них публично-правового режима, заключающегося в том числе и в спо-

собах охраны и защиты и установления мер ответственности.

Что касается определения приоритетов, то здесь мы солидарны с Ю.А. Тихомировым в том, что это позволяет выявить задачи, решение которых дает возможность удовлетворения наиважнейших интересов как отдельно взятого человека, так и общества в целом [12, с. 59–65]. В частности, решающее влияние на признание интересов публичными, на наш взгляд, оказывают приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации, среди которых на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов названы повышение устойчивости национальной финансовой системы и снижение инфляции, улучшение инвестиционного климата, развитие конкуренции и снижение административного давления на бизнес и адаптация национальной экономики к требованиям ВТО [10]. Установление данных приоритетов не только позволяет выявить наиболее важные, нуждающиеся в государственной поддержке общественные интересы, но и подталкивает к поиску новых форм и методов финансового обеспечения, в том числе при помощи государственных корпораций и компаний, а также иных форм привлечения средств частных субъектов для удовлетворения публичных нужд.

Кроме того, полагаем, что для определения границ между публичными и частными интересами необходимо обратить внимание на различия между публичными и частными финансами. Наиболее полно различия между государственными и частными финансами описал французский ученый П.М. Годме, по мнению которого отличия частных и государственных финансов можно свести к возможности государства в принудительном порядке обеспечить свои доходы посредством налогов при отсутствии принудительного исполнения в отношении самого государства; связанности государственных финансов с денежной системой, управляемой государством, и не зависящей от воли частного собственника, распоряжающегося своими финансами; ориентированности частных финансов на получение

прибыли, а государственных – на осуществление так называемого общего интереса; большим объемом государственных финансов по сравнению с частными финансами отдельных лиц [3, с. 41–42]. Приведенные различия позволяют помимо направленности на достижение публичного интереса для отнесения доходов к публичной сфере учитывать и иные характеристики, в частности императивность, обязательность, принудительный характер, что подтверждает и складывающаяся правоприменительная практика. Например, фонд страхования вкладов формируется за счет обязательных, императивно установленных платежей кредитных организаций.

В этой связи выглядят совершенно справедливыми выводы о том, что к публичным финансам могут быть отнесены публичные финансы государства, субъектов Федерации, местного самоуправления и общественного назначения (публичные фонды денежных средств, за счет которых удовлетворяются общественные интересы, признанные государством независимо от формы собственности этих фондов) [5, с. 242–243; 13, с. 44].

Результаты

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам. «Публичность» – понятие многоаспектное, содержание которого нельзя сводить только к принадлежности государству и муниципальным образованиям. Публичность связана с направленностью на обеспечение публичного интереса, под которым необходимо понимать интерес социальной общности, признанный государством и обеспеченный правом. По нашему мнению, в настоящее время с публичных позиций необходимо рассматривать не только традиционные публичные денежные фонды – бюджеты и внебюджетные фонды, входящие в бюджетную систему Российской Федерации, фонды государственных учреждений и унитарных предприятий, но и иные фонды денежных средств, отвечающие признакам публичности.

Проведенный анализ показал, что к признакам публичности с финансово-правовых позиций необходимо отнести: наличие публичного интереса; целенаправленность на осуществление публичных функций; императивный метод правового регулирования.

Необходимо отметить, что традиционно выделяется как основополагающий для разделения публичного и частного признаков собственности. На наш взгляд, от него необходимо отказаться, поскольку он препятствует исследованию проблем публичности. Полагаем, что основной проблемой является то, что при финансово-правовых исследованиях, как правило, опираются на цивилистическую концепцию права публичной собственности как государственной и муниципальной. А.В. Винницким справедливо отмечается, что в настоящее время в российской науке доминирует субъективный подход, происходит определение публичной собственности по субъектному составу, а не функциональному критерию [2, с. 13]. Данный подход автоматически всех иных лиц, за исключением Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, причисляет к частным собственникам. Это приводит к многочисленным проблемам при правоприменении. В частности, в связи с преобладающим мнением о том, что государству и муниципальным образованиям может принадлежать только то имущество, которое используется в публичных целях, возникает вопрос о невозможности нахождения в их собственности иного имущества, которое, например, временно не используется в публичных целях. Осложнен контроль за целевым использованием внебюджетных средств государственными юридическими лицами, так как, хотя они и используют государственное имущество, однако в гражданском обороте выступают от своего имени. Вместе с тем и государственные унитарные предприятия, и государственные учреждения, и государственные корпорации, и компании используют свое имущество в публичных целях, осуществляют в той или иной степени публичные функции,

их деятельность регламентируется в режиме императивных норм, т.е. их денежные фонды отвечают всем признакам публичности.

На основании выделенных признаков публичности полагаем необходимым к публичным денежным фондам относить централизованные фонды, входящие в бюджетную систему Российской Федерации и децентрализованные фонды (иные денежные фонды, отвечающие всем признакам публичности). Соответственно, и аккумулируемые в них доходы являются публичными доходами.

Выделенные черты публичности позволяют рассматривать публичные доходы с материальной точки зрения как дефицитные денежные средства, поступающие безвозмездно и безвозвратно в процессе распределения и перераспределения национального дохода в публичные денежные фонды для использования в целях удовлетворения публичного интереса. С экономической точки зрения публичные доходы представляют собой экономические отношения, возникающие в процессе формирования публичных фондов денежных средств.

Выделение категории «публичные доходы» позволяет по-новому взглянуть на многие финансово-правовые проблемы и прогнозировать развитие финансово-правовой науки. Согласимся с А.А. Нечай в том, что развитие науки финансового права в настоящее время в целом имеет рефлекторный характер: она реагирует на уже произошедшие перемены в регулировании общественных отношений [6, с. 297]. Более того, можно привести многочисленные примеры правового регулирования общественных отношений «вдогонку», что в настоящее время происходит с частными фондами, используемыми в публичных целях. Наука финансового права вынужденно реагирует на возникшие правоотношения и пытается их осмыслить при помощи существующего понятийного аппарата. Однако «правильно развивающаяся научная теория должна описывать законы появления новых феноменов общественного бытия и давать методы наиболее эффективного регулирования новых отношений, а не только описы-

вать уже появившиеся отношения, рассматривая постфактум ошибки их правового регулирования» [6, с. 298].

Заключение

Применение категории «публичные доходы» позволяет сформировать концепцию правового регулирования всех общественных отношений, возникающих в процессе аккумулирования публичных денежных фондов, используемых для удовлетворения публичного интереса, которая позволит распространить на них императивный метод правового регулирования, что позволит не допустить излишнего волеусмотрения и злоупотребления со стороны частных субъектов, а также усилить контроль за их поступлением и целевым расходованием.

Библиографический список

1. *Артемов Н.М., Лагутин И.Б.* Публичное страхование в российском финансовом праве: вопросы теории и практики // Государство и право. 2014. № 6. С. 104–108.
2. *Винницкий А.В.* Публичная собственность: проблемы формирования административно-правовой доктрины: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 58 с.
3. *Годме П.М.* Финансовое право. М.: Прогресс, 1978. 428 с.
4. *Карасева М.В.* Некоторые правовые проблемы государственных доходов и расходов в Российской Федерации // Правове регулювання державних доходів та видатків: доповіді та виступи на міжнарод. наук.-практ. конф., 24–26 вересня 1998 р. Х.: Акад. правових наук України, 1998. С. 152–158.
5. *Нечай А.А.* Правові проблеми регулювання публічних видатків у державі: дис. ... д-ра юрид. наук. Київ, 2005. 579 с.
6. *Нечай А.А.* Проблемы правового регулирования публичных расходов // Очерки фин. -правовой науки современности: монография / под общ. ред. Л.К. Вороновой и Н.И. Химичевой. М.; Харьков: Право, 2011. 592 с.

7. *Нечай А.А.* Публічні фонди та публічні видатки як категорії фінансового права // *Право України*. 2004. № 4.
8. *Покачалова Е.В.* Принцип соблюдения публичных интересов как базовый принцип функционирования публичных финансов // *Вопросы экономики и права*. 2008. № 2. С. 3–7.
9. *Покачалова Е.В.* Публичный долг: теоретические и практические аспекты Российского финансового права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 602 с.
10. *Прогноз* социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. *Рыжкова Е.А.* Публичное и частное в финансовом праве // *Lex Russica*. 2014. № 2. С. 168–175.
12. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М.: Изд-во БЕК, 1995. 496 с.
13. *Черноверхский А.М.* Финансово-правовое регулирование публичных расходов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 222 с.
14. *Baziadoly S.* Les Finances publiques. Paris: Éditions PUF, 2008. 128 p.
15. *Bouvier M., Esclassan M.-C., Lassale J.-P.* Finances publiques. Paris: L.G.D.J, 2013. 880 p.
16. *Douat E., Badin X.* Finances publiques. Paris: Presses Universitaires de France, 2006. 504 p.
17. *Finances publiques / Sous la dir. de Roux A.* 3e éd. Paris: Documentation française, 2011. 381 p.
18. *Monner J.-M.* La politique fiscale: objectifs et contraintes [ressource électronique] // halshs.archives-ouvertes.fr/file/index/docid/277221/filename/La_politique_fiscale.pdf (дата обращения 11.05.2015 г.).
19. *Mordacq F.* Les Finances publiques. Paris: Éditions PUF, Paris, 2011. 128 p.
20. *Oliva E.* Finances publiques. Paris: Sirey, 2008. 528 p.

References

1. *Artemov N.M., Lagutin I.B.* *Publichnoe strakhovanie v rossiyskom finansovom prave: voprosy teorii i praktiki* [Public Insurance in Russian Finance Law: the Issues of Theory and Practice] // *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2014. № 6. Pp. 104–108 (In Russ).
2. *Vinnitskiy A.V.* *Publichnaya sobstvennost': problemy formirovaniya administrativno-pravovoy doktriny: avto-ref. dis... d-ra yurid. nauk* [Public Property: the Problems of Formation of the Administrative and Legal Doctrine: Synopsis of Doc. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2013. 58 p. (In Russ).
3. *Godme P.M.* *Finansovoe pravo* [Finance Law]. Moscow: Progress, 1978. 428 p. (In Russ).
4. *Karaseva M.V.* *Nekotorye pravovye problemy gosudarstvennykh dokhodov i raskhodov v Rossiyskoy Federatsii* [Some Legal Problems of Government Revenue and Expenditure in the Russian Federation] // *Pravove reguluyannya derzhavnykh dokhodiv ta vidatkiv: dokladi ta vystupi na mizhnarod. nauk.-prakt. konf., 24–26 veresnya 1998 r.* Kiev.: Akad. pravovykh nauk Ukraïni, 1998. Pp. 152–158. (In Ukrainian).
5. *Nechay A.A.* *Pravovi problemi reguluyannya publichnykh vidatkiv u derzhavi: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Problems of Regulation of Public Expenditure of the State: Doc. jurid. sci. diss.]. Kiev, 2005. 579 p. (In Ukrainian)
6. *Nechay A.A.* *Problemy pravovogo regulirovaniya publichnykh raskhodov* // *Ocherki finansovo-pravovoy nauki sovremennosti: monografiya / pod obshch. red. L.K. Voronovoy i N.I. Khimichevoy* [The Problems of Legal Regulation of Public Expenditure // Essays on Financial and Legal Science of Modernity / ed. by L.K. Voronova, N.I. Khimicheva]. Moscow; Kharkov: Pravo, 2011. 592 p. (In Russ).
7. *Nechay A.A.* *Publichni fondi ta publichni vidatki yak kategorii fi-nansovogo prava* [Public Funds and Public Expenditure as

- Categories of Finance Law] // *Pravo Ukraini* – The Law of Ukraine. 2004. № 4. (In Ukrainian).
8. Pokachalova E.V. *Printsip soblyudeniya publichnykh interesov kak bazovyy printsip funktsionirovaniya publichnykh finansov* [The Respect of the Public Interests Principle as a Basic Principle of Public Finances] // *Voprosy ekonomiki i prava* – The Issues of Economics and Law. 2008. № 2. Pp. 3–7 (In Russ).
 9. Pokachalova E.V. *Publichnyy dolg: teoreticheskie i prakticheskie aspekty Rossiyskogo finansovogo prava: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Public Debt: the Theoretical and Practical Aspects of the Russian Financial Law: Doc. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2007. 602 p. (In Russ)
 10. *Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na 2015 god i na planovyy period 2016–2017 godov (razrabotan Minekonomrazvitiya Rossii)* [The Forecast of Socio-Economic Development of the Russian Federation for 2015 and for the target period 2016-2017]. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus». (In Russ).
 11. Ryzhkova E.A. *Publichnoe i chastnoe v finansovom prave* [Public and Private Issues in Finance Law] // *Lex Russica – Lex Russica*. 2014. № 2. Pp. 168–175 (In Russ)
 12. Tikhomirov Yu.A. *Publichnoe pravo* [Public Law]. Moscow: BEK, 1995. 496 p. (In Russ).
 13. Chernoverkhskiy A.M. *Finansovo-pravovoe regulirovanie publichnykh raskhodov v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Financial Legal Regulation of Public Expenditure in the Russian Federation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2010. 222 p. (In Russ).
 14. Baziadoly S. *Les Finances publiques* [Public Finance]. Paris: Éditions PUF, 2008. 128 p. (In French).
 15. Bouvier M., Esclassan M.-C., Lassale J.-P. *Finances publiques* [Public Finance]. Paris: L.G.D.J, 2013. 880 p. (In French).
 16. Douat E., Badin X. *Finances publiques* [Public Finance]. Paris: Presses Universitaires de France, 2006. 504 p. (In French).
 17. *Finances publiques / Sous la dir. de Roux A.* [Public Finance]. Paris: Documentation française, 2011. 381 p. (In French).
 18. Monner J.-M. *La politique fiscale: objectifs et contraintes [ressource électronique]* [The Fiscal Policy Objectives and Constraints] // Available at: halshs.archives-ouvertes.fr/file/index/docid/277221/filename/La_politique_fiscale.pdf (data obracshenia 11.05.2015 g.). (In French).
 19. Mordacq F. *Les Finances publiques* [Public Finance]. Paris: Éditions PUF, Paris, 2011. 128 p. (In French).
 20. Oliva E. *Finances publiques* [Public finance]. Paris: Sirey, 2008. 528 p. (In French).

PUBLIC REVENUES AS A NEW CATEGORY OF FINANCE LAW

N.V. Vasiljeva

Baikal National University of Economics and Law
11, Lenina st., Irkutsk, 664003
E-mail: nativi@yandex.ru

Introduction: the article is devoted to study of finance law categories in the context of the conditions of the state and municipalities' financial activities being transformed, which is related to emergence of new public money funds (those of non-state pension funds, public corporations, and others). **Purpose:** the study considers the category "public revenue", gives definition to its features and content. **Methods:** the methodological framework of this study is based on a set of methods of scientific cognition, among which the dialectic method is the major one. The author uses both general scien-

tific methods (dialectical method, analysis and synthesis, abstraction and concretization) and methods specific to legal science (formal, technical, comparative legal). **Results:** the author insists on the necessity to use the category of public revenues, which cover all revenues of funds used for public purposes, in the Russian finance law. The author's definition of the category «public revenue» and identification of its main elements is based on the research of funds used for meeting public interests and on the analysis of the concept of public interest with regard to financial legal structures. **Conclusions:** the author believes that use of the category "public revenue" in finance law will make it possible to develop the conception of legal regulation of social relations occurring in the process of accumulation of public funds used to meet public interest. In the framework of this conception, the imperative method of legal regulation will be applied to the arising social relations, which will make it possible to avoid excessive will and misuse on the part of private actors, as well as tighten the control over receipt and appropriate expenditure of revenues coming into these funds.

Keywords: budget; money funds; decentralized revenue; publicity; public revenues; public finances; public funds; public interest; finance law

Информация для цитирования:

Васильева Н.В. Публичные доходы – новая категория финансового права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 30–38.

Vasil'yeva N.V. *Publichnye dokhody – novaya kategoriya finansovogo prava* [Public Revenue as a New Category of Financial Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 30–38 (In Russ).

III. ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 340.134:330.322(575.3)

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН ОБ ИНВЕСТИЦИЯХ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Р.Б. Бозоров

Кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и коммерческого права
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, просп. Рудаки, 17
E-mail: bozorov.61@mail.ru

Введение: статья посвящена теоретическим проблемам правового регулирования инвестиций в Республике Таджикистан. Анализу многоправовых проблем в сфере правового регулирования инвестиций, которое требует адекватного их разрешения, посвящена данная статья. Поскольку в условиях рынка подъем экономики республики прямо связан с привлечением инвестиций, другого выбора или альтернативы в решении экономических и социальных задач просто нет. **Цель:** цель статьи заключается в том, чтобы с теоретической стороны изучить и проанализировать состояние правового регулирования инвестиций в Республике Таджикистан и обосновать необходимость внесения дополнений и изменений в действующее инвестиционное законодательство республики. **Методы:** методологическую основу данной статьи составляет как общенаучные методы познания – анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, обращение от абстрактного к конкретному, системный анализ и т. д., так и специальные методы юридического исследования – формально-юридический, исторический и сравнительно-правовой. **Выводы:** с учетом анализа точек зрения о правовой природе инвестиций, господствующих в юридической литературе, автор предлагает определение понятия инвестиций, согласно которому, инвестиция – это ценность материального и интеллектуального характера, принадлежащая инвестору и вкладываемая в объект инвестиционной деятельности с целью получения прибыли или иного положительного эффекта, сопряженной с определенным риском и ограниченной во времени. Данное определение понятия инвестиции содержит основополагающие его признаки как многогранного и сложного явления. В этой связи инвестициями может быть как материальная (т.е. капитал, имущество, деньги), так и интеллектуальная собственность (например, вложение инвестиций в человеческий капитал). Далее инвестиция должно направляться в объекты инвестиционной, а не предпринимательской деятельности – этот вывод непосредственно вытекает из положений закона Республики Таджикистан «Об инвестиции». Законодатель, формулируя определение понятия инвестиции, совершенно обосновано установил, что инвестиция должна вкладываться в объекты инвестиционной деятельности. Таким образом, инвестиция в первую очередь должна признаваться как ценность, которая инвестором вкладывается в экономику государства-реципиента, которое заинтересовано в ее вложении.

Ключевые слова: инвестиция; иностранная инвестиция; капиталовложения; собственность; капитал; инвестор

Введение

С переходом к рыночным отношениям возникли новые общественные отношения, которые требовали адекватного их регулирования; речь идет об инвестиции и инвестиционной деятельности. Значимость ин-

вестиций заключается в том, что государство заинтересовано в привлечении инвестиций в целях нормального функционирования и развития собственной экономики. Они необходимы для совершенствования производства путем обновления технологии и создания на этой основе совместных предприятий, для реализации ценных бумаг,

в том числе для решения проблемы занятости населения и т.д.

Формирование инвестиционного законодательства в Республике Таджикистан

В Республике Таджикистан вопросы правового регулирования иностранных инвестиций возникли только с обретением независимости. 10 марта 1992 года был принят закон Республики Таджикистан «Об иностранных инвестициях в Республике Таджикистан» [13, с. 408–417], предусматривающий возможность вложения иностранных инвестиций в экономику страны, согласно которому были предоставлены благоприятные условия иностранным инвесторам для осуществления инвестиционной деятельности. Закон закрепил совокупность гарантий иностранным инвесторам, определил порядок создания предприятий с иностранными инвестициями, установил правовой режим иностранных инвестиций на территории Республики Таджикистан, не менее благоприятный, чем соответствующий режим для имущества и имущественных прав, а также инвестиционной деятельности предприятий, организаций и граждан Республики Таджикистан. В те годы принятие такого Закона, с широкой правовой гарантией иностранным инвесторам, не было легкой задачей. Установить гарантии иностранным инвесторам – значит обеспечить их реальность. Этот нормативный правовой акт в республике действовал до 2007 года.

Ныне в Республике Таджикистан принят новый закон «Об инвестициях» от 12 мая 2007 года [14], где закреплены правовые гарантии и преимущества инвестиций в сфере экономики республики. Значение этого закона нельзя недооценивать, поскольку в период постепенного перехода к рынку он регулирует инвестиционную сферу в экономике республики и является гарантией реализации политики открытых дверей.

Определение понятия инвестиций в праве и правовой доктрине

В соответствии с законом Республики Таджикистан «Об инвестициях», инвестициями являются все виды права на имущество (кроме имущества личного пользования или связанного с деятельностью по продаже то-

варов без их переработки), включая денежные средства, ценные бумаги, производственно-технологическое оборудование и результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие инвестору на праве собственности и вкладываемые им в объекты инвестиционной деятельности в целях получения прибыли (дохода) и (или) достижения иного значимого результата [14]. Преимущество действующего инвестиционного законодательства республики состоит в том, что оно приравнило правовой статус отечественных предпринимателей к правовому статусу иностранных инвесторов. Законодатель определил объект инвестирования, указал на объекты инвестиционной деятельности, что является одним из основных преимуществ действующего инвестиционного законодательства республики.

В юридической литературе иностранная инвестиция определяется по-разному. Одни указывают на экономическую сущность иностранных инвестиций, другие делают акцент на их правовую природу. Действительно, инвестиция по своему содержанию и значимости более всего относится к экономическим категориям, в связи с этим имеется множество точек зрения в экономической науке по поводу понятия данной категории. По этому поводу Дж. Кейнс подчеркивает: «Инвестиция, как текущий прирост ценности капитального имущества, в результате производственной деятельности данного периода или как та часть дохода за данный период, которая не была использована для потребления» (цит. по [2, с. 8]). Относительно этой проблемы еще К. Маркс писал, что «купить, чтобы продать, или, точнее, купить, чтобы продать подороже», представляет собой всеобщую формулу капитала [8, с. 147].

С правовой точки зрения понятия инвестиции существенно разнятся. Признанный специалист в области инвестиций А.Г. Богатырев, исследуя сущность данной категории, приходит к выводу, что «... иностранные инвестиции являются иностранным капиталом-собственностью в различных видах и формах, вывезенным из одного государства и вложенным в предприятие (или дело) на территории другого государства» [2, с. 12–13]. Инвестиция по своей

сущности является многогранным понятием. В связи с этим автор подчеркивает, что инвестиция – это собственность, которая принадлежит иностранному инвестору, и последний вкладывает ее в дело предприятия на территории другого государства. Иначе говоря, иностранные инвестиции – это капитал, собственником которого является иностранный инвестор, и последний вкладывает его в экономику другого государства. В определении, выдвинутом А.Г. Богатыревым, отсутствует основной признак инвестиции – получение прибыли или достижение иного положительного эффекта, тогда как указанные критерии, на наш взгляд, представляются значимым как для инвестора, так и для государства-реципиента. Иностраный инвестор, вкладывая капитал, в первую очередь рассчитывает на получение дохода, иначе теряется смысл капиталовложения, а для предприятий государства должен дать социальный эффект. Поэтому государство, экономика которого ориентирована на рынок, всегда заинтересовано в притоке инвестиций на его территорию.

С точкой зрения А.Г. Богатырева соглашается и Б.Б. Самарходжаев [12, с. 10–24]. По мнению Б.Б. Самарходжаева, иностранные инвестиции – это ценности в различных видах (движимая, недвижимая, интеллектуальная собственность и др.) и доходы от них (прибыль, проценты, дивиденды, роялти, лицензирование и комиссионные вознаграждения, платежи за техническую помощь, техническое обслуживание и другие формы вознаграждений), вкладываемые иностранными государствами, юридическими (иными) образованиями и физическими лицами в различные объекты деятельности страны-реципиента преимущественно с целью последующего получения прибыли [12, с. 22].

М.С. Евтеева рассматривает инвестиции (капиталовложения) как вложения в промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли экономики с целью получения прибыли [6, с. 8]. Точка зрения автора страдает следующими недостатками. Во-первых, инвестиция вкладывается не только в сфере производства, хотя существование этого трудно отрицать; в то же время инве-

стиция направляется и в интеллектуальную сферу, например для подготовки кадров в сфере образования, инвестиция в человеческий капитал. Во-вторых, непонятны суждения автора, что следует понимать под определением инвестиций: например, это собственность, это имущество, это капитал или это ценность. И, в-третьих, не совсем понятна мысль автора о том, что, если инвестор решил вложить или вкладывает инвестиции в определенные отрасли народного хозяйства, в подобных ситуациях речь должна идти об инвестиционной деятельности, а не о капиталовложениях.

Анализ точек зрения, имеющихся в гражданско-правовой литературе, дает основание полагать, что инвестиция – это сложное и многогранное явление или инвестиция – это капитал, принадлежащий другому лицу (иностранному или отечественному), который он вкладывает, а точнее, направляет в экономику другого государства в целях получения прибыли. Далее подчеркивается, что инвестиции – это долгосрочное вложение. Вряд ли такое категоричное утверждение является оправданным, поскольку в зависимости от срока вложения инвестиции могут быть и краткосрочными.

В гражданско-правовой литературе существуют и другие точки зрения, определяющие инвестицию как правоотношения между иностранным инвестором и государством реципиентом инвестиций [1, с. 49–50].

В соответствии с точкой зрения Н.Г. Дорониной, определение иностранной инвестиции как отношений, возникающих в результате допуска иностранной инвестиции, позволяет выделить сферу регулируемых отношений как отношений, возникающих между государством и иностранным лицом в связи с осуществлением последним инвестиций. В этой связи широкое определение понятия инвестиций может быть сужено до указания конкретных действий лица, а также до указания перечня соглашений, признаваемых инвестицией [5, с. 6–7]. Безусловно, специалист в области инвестиционного права определяет правовую природу инвестиции исходя из ее государственной регистрации, при этом автор ссылается на положения и закона иностранного

государства об инвестициях (закона Канады об инвестициях от 1986 года.). Позиция автора, на наш взгляд, является дискуссионной, поскольку капиталовложения никак нельзя отнести к инвестиционным правоотношениям, ибо последнее может возникнуть только после заключения инвестиционного договора. Далее, те сущностные критерии, которые свойственны инвестиционным правоотношениям (субъект, объект и содержание), мы не обнаружили в определении понятия и правовой природы инвестиций.

С.П. Мороз определяет: «инвестиция – это капиталовложения, направленные на создание материальных или духовных благ с целью получения прибыли и (или) достижение положительного эффекта, осуществляемые инвестором от своего имени и под свой риск, ограниченные временем действия договора (контракта) и (или) лицензии» [9, с. 59]. Данное определение, на наш взгляд, охватывает основные и определяющие критерии такого сложного явления, как инвестиция. Автор достаточно четко сформулировала свое видение данной проблематики. Под капиталовложением имеются в виду не только иностранные инвестиции, но и отечественные, что представляется вполне оправданным. Это и понятно, поскольку в развитии экономики республики огромную роль играют и отечественные инвесторы. Далее С.П. Мороз, определяя инвестицию, указывает, что она действует в течение определенного времени. Поведение иностранного инвестора наряду с правовыми актами должно регулироваться и инвестиционным договором, который устанавливает субъективные права и юридические обязанности сторон. Вместе с тем действие договора, как правило, ограничивается определенным временем.

В современных условиях появились и иные определения понятия «инвестиция». Так, А.А. Никушева, анализируя законодательства разных стран, а также точки зрения ученых в отношении понятия «инвестиция», приходит к выводу: «во-первых, иностранные инвестиции рассматриваются как имущество, собственность..., во-вторых, как определенный процесс предпринимательской и иной деятельности» [10, с. 286–289]. Данная точка зрения справедливо поддер-

живается и А.А. Джаналиевой. Она подчеркивает, что «инвестиция – это вообще не имущество. К имуществу относится только то, что включает в себя понятие "капитал". Инвестиция – это вложение капитала в объекты предпринимательской деятельности с целью получения прибыли» [4, с. 6].

Инвестиция как правовое явление

Предпочтительной, на наш взгляд, представляется точка зрения, согласно которой инвестиция – это имущество, капиталовложения, средства, собственность, ценность и т.п. Что касается второго вывода А.А. Никушевой, он скорее относится к инвестиционной деятельности, а не к инвестиции, поскольку процесс вложения имеет место после принятия соответствующего решения о вложении инвестиции в объект предпринимательской деятельности. В связи с этим представляется преждевременным данный процесс называть инвестицией, поскольку нет самого вложения. Для того чтобы признать инвестицией ту или иную вещь, она должна обладать определенным свойством. Как правило, «определенный процесс», о котором говорит автор, не обладает таким свойством, как имущество, и поэтому, на наш взгляд, он является инвестиционной деятельностью.

А.А. Джаналиева в определении понятия «инвестиция» правильно подчеркивает, что инвестиция – это вложение капитала в объект предпринимательской деятельности, и указывает мотив, ради чего осуществляется инвестиция, – это получение прибыли. Однако в позиции А.А. Джаналиевой, на наш взгляд, отсутствует один из основных критериев определения понятия «инвестиция» – достижение иного значимого результата. Данный признак инвестиции непосредственно закреплен в ст. 1 закона Республики Таджикистан «Об инвестициях», не исключается он и в законодательствах стран СНГ, в том числе Российской Федерации [4, с. 3–4].

Разумеется, если вкладывается капитал в объекты предпринимательской деятельности на территории другого государства, то он должен принести определенный положительный эффект. Иными словами, государство, на территории которого осуществляются инвестиции и ради них созда-

ется необходимый инвестиционный климат, устанавливаются приоритетные направления, вправе рассчитывать на получение определенного социального эффекта в течение периода инвестирования. В связи с этим мы вполне солидарны с высказыванием в гражданской правовой литературе, согласно которому «...в процессе ее осуществления возможно и желательно достижение социального эффекта, улучшение материального благосостояния населения страны, сокращение безработицы и т.д.» [9, с. 56].

Поэтому государство – получатель инвестиции заинтересовано в притоке капиталовложений в его экономику, для чего создает благоприятный инвестиционный климат, устанавливает преференции как налогового, так и таможенного характера. Забегая вперед, хотелось бы отметить, что государство, которое создает инвестиционный климат в первую очередь для иностранных инвесторов, должно принимать во внимание два немаловажных фактора: во-первых, государство должно создавать такой инвестиционный климат, при котором инвесторы не ощущали бы дискомфорта при вложении инвестиции и совершении практических действий по реализации инвестиции; во-вторых, нормативно-правовая база, с помощью которой создается инвестиционный климат для иностранных инвесторов, должна быть лучше, чем законы других государств, регулирующих инвестиционные отношения, иначе поток инвестиций может резко сократиться.

Далее автор говорит, что имущество не может быть признано в качестве инвестиции и, с точки зрения автора, скорее всего имущество относится к понятию «капитал», поэтому автор определяет инвестиции как вложение капитала [4, с. 6] в объект предпринимательской деятельности. Из этих суждений вытекает, что если имущество относится к капиталу и капитал является инвестицией, то имущество следует признать в качестве инвестиции. Б.В. Муравьев подчеркивает, что «отождествление инвестиции с имуществом не позволяет отделить их от другого имущества, которое к инвестициям никакого отношения не имеет и приводит к терминологической путанице, поскольку в данном

случае приходится рассматривать любой договор, направленный на приобретение имущества, как инвестиционный, поскольку он предусматривает распоряжение собственностью».

Для разрешения данной проблемы необходимо обратиться к содержанию ст. 140 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, согласно которой объектами гражданских прав могут быть имущественные и личные неимущественные блага и права. К имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, ценные бумаги, работы и услуги, результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделия, имущественные права и другое имущество.

Из содержания данной статьи ГК вытекает, что имуществом следует признать вещи, ценные бумаги, деньги и имущественные права. Сюда нужно отнести и неимущественные права, связанные с имущественными правами, подлежащие денежной оценке. Возникает вопрос: какое имущество может выступать в качестве инвестиции? Статья 1 закона Республики Таджикистан «Об инвестиции» подробно указывает на ценности, которые могут быть в качестве инвестиции, из чего вытекает, что законодатель оставил открытым перечень ценностей, т.е. объекты гражданских прав, которые могут быть признаны в качестве инвестиции. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что законодатель при определении понятия инвестиции и ее правовой природы исходит из широкого понимания объектов гражданских прав, которых можно признать в качестве инвестиции. Полагаем, такое развернутое определение понятия инвестиции исключает путаницу при выявлении существенных критериев капиталовложения.

По своей сущности инвестиция – это многогранное понятие, поэтому возникает объективный вопрос: какое имущество следует признать инвестицией, а какое – нет? В этом контексте нужен однозначный подход, чтобы отделить имущество разного рода от имущества, вложенного в качестве капиталовложения. По этому вопросу справедливо подчеркивается в юридической литературе,

что имущество становится инвестициями только с момента вовлечения его в инвестиционный процесс [5, с. 73], что, на наш взгляд, является правильным.

С учетом анализа точек зрения о правовой природе инвестиции, функционирующих в юридической литературе, предлагаем определение понятия инвестиции следующим образом: **инвестиция – это ценность материального и интеллектуального характера, принадлежащая инвестору и вкладываемая в объект инвестиционной деятельности с целью получения прибыли или иного положительного эффекта, сопряженной с определенным риском и ограниченной во времени.**

По нашему мнению, такое определение понятия инвестиции содержит определяющие его признаки как многогранного и сложного явления, так как инвестициями могут быть материальная (т.е. капитал, имущество, деньги) и интеллектуальная собственность (например, вложение инвестиций в человеческий капитал). Куда вкладывается капиталовложение? Считаем, что оно должно направляться в объекты инвестиционной, а не предпринимательской деятельности, ответ непосредственно вытекает из положений ст. 1 закона Республики Таджикистан «Об инвестиции» [14]. Законодатель, формулируя определение понятия инвестиции, совершенно обосновано установил, что инвестиция должна вкладываться в объекты инвестиционной деятельности. В связи с этим вышеизложенное определение понятия инвестиции не претендует на окончательность, тем не менее мы думаем, что инвестицией в первую очередь должна признаваться ценность, которая со стороны инвестора направляется в экономику государства-реципиента, которое заинтересовано в ее привлечении.

Библиографический список

1. *Антипова О.М.* Правовое регулирование инвестиционной деятельности (анализ теоретических и практических проблем). М.: Волтерс Клувер, 2007. 567 с.
2. *Богатырев А.Г.* Инвестиционное право. М.: Рос. право, 1992. 272 с.
3. *Гущин В.В., Овчинников А.А.* Инвестиционное право: учебник. М., 2006. 684 с.
4. *Джаналиева А.А.* Инвестиционный контракт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2003. 23 с.
5. *Дороница Н.Г.* Проблемы правового регулирования иностранных инвестиции // Законодательства и экономика. 1996. № 5–6.
6. *Евтеева М.С.* Международные двусторонние соглашения (понятие и предмет регулирования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.
7. *Инвестиционное законодательство: сб. нормат. актов / сост. Ю.В. Лазарева.* М.: НЦПИ: Велби, 2006. 475 с.
8. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: ОАО «ЦСЭ», 2001. 800 с.
9. *Мороз С.П.* Теоретические проблемы инвестиционного права: гражданско-правовой аспект. Алматы, 2003. 343 с.
10. *Никушева А.А.* К вопросу о понятии иностранных инвестиций // Объекты гражданских прав / отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы, 2004. 485 с.
11. *Потанова Ю.В.* Правовое регулирование инвестиционной деятельности в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.
12. *Самарходжаев Б.Б.* Инвестиция в Республике Узбекистан. Ташкент, 2003. 238 с.
13. *Свод Законов Республики Таджикистан.* Душанбе, 2003. Т. 2.
14. *Свод Законов Республики Таджикистан.* Душанбе, 2007. Т. 5.

References

1. *Antipova O.M.* *Pravovoe regulirovanie investicionnoj dejatel'nosti (analiz teoreticheskikh i prakticheskikh problem)* [Legislative Regulation of Investment Activity (Analyze of Theoretical and Practical Problems)]. Moscow: Wolters Kluver, 2007. 567 p. (In Russ).
2. *Bogotirjonova A.G.* *Investicionnoe pravo* [Investment Law]. Moscow: Ros. pravo, 1992. 272 p. (In Russ).
3. *Gushin A., Ovchinikov A.A.* *Investicionnoe pravo: uchebnik* [The Investment Basic]. Moscow: Delo, 1997. 684 p. (In Russ).
4. *Janaliev A.A.* *Investicionnyj kontrakt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Invest-

- ment Contract: a Summary of a PhD Thesis in Law]. Almata, 2003. 23 p. (In Russ).
5. *Doronina N.G.* Problemy pravovogo regulirovaniya inostrannyh investicii // [The Problems of Legal Regulation of Foreign Investment] // *Zakonodatel'stva i jekonomika* – Legislation and economic. 1996. № 5–6. (In Russ).
 6. *Evteeva M.S.* *Mezhdunarodnye dvustoronnie soglasheniya (ponjatie i predmet regulirovaniya): avtoref dis. ... kand. jurid. nauk* [International Bilateral Agreement (Notion and the Subject of Regulation): a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2002. 23 p. (In Russ).
 7. *Investicionnoe zakonodatel'stvo: sb. normat. aktov / sost. Ju.V. Lazareva* [Investment Legislation: Collection of Regulatory Acts, in: Ju.V. Lazareva (ed.)]. Moscow: NCPI: Velbi, 2006. 475 p. (In Russ).
 8. *Marx K.* *Kapital. Kritika politicheskoj jekonomii* [Capital Criticism of Political Economy]. Moscow: OAO «CSE», 2001. 800 p. (In Russ).
 9. *Moroz S.P.* *Teoreticheskie problemy investicionnogo prava: grazhdansko-pravovoj aspekt* [Theoretical Problems of Investmens Law Civil-Legal Aspect]. Almata, 2003. 343 p. (In Russ).
 10. *Nikusheva A.A.* *K voprosu o ponjatii inostrannyh investicij // Obekty grazhdanskih prav / otv. red. M.K. Sulejmenov* [To the Problems about Conception of Foreign Investment, in: M.K. Sulejmenov (ed.)]. Almati, 2004. 485 p. (In Russ).
 11. *Potopova U.V.* *Pravovoe regulirovanie investicionnoj dejatel'nosti v sub#ektah Rossijskogo Federacii* [Legal Regulation of Investment Activity in the Regions of Russian Federation): a Summary of a PhD Thesis in Law]. Moscow, 2003. 25 p. (In Russ).
 12. *Samarkhojaev B.B.* *Investicija v Respublike Uzbekistan* [Investment in Republic of Uzbekistan]. Tashkent, 2003. 238 p. (In Russ).
 13. *Svod Zakonov Respubliki Tadjikistan* [Code of Laws of Republic of Tajikistan]. Dushanbe, 2003. Vol. 2. (In Russ).
 14. *Svod Zakonov Respubliki Tadjikistan* [Code of Laws of Republic of Tajikistan]. Dushanbe, 2008. Vol. 5. (In Russ).

DEVELOPMENT OF LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN ON INVESTMENT: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

R.B. Bozorov

Tajik National University.
17, Rudaki av., Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025
E-mail: bozorov.61@mail.ru

Introduction: *article devoted to the theoretic problems of legal regulation of investments in the Republic of Tajikistan. As it is existed many legal problems in the sphere of legal regulation of investments which requires adequate their solutions, to which given article devoted because in the conditions of market the growth of economy of the republic directly connected with the attract of investment there is no simply another choice or alternative in solution of economic and social tasks. Aim:* the aim of the article is to learn and to analyze from theoretic point of view the state of legal regulation of investment in the Republic of Tajikistan and necessity of introduction of amendments in acting investment legislation of the republic methods: the bases of mythology of the given article is as general scientific methods of knowledge (understanding) analysis and synthesis, induction and deduction, abstracting, rising from abstract to the concrete, systematic analysis and so on, including also special methods of juridical research – formal-juridical, historic and comparative-legal. **Conclusion:** taking in to account analysis of points of views on legal nature of investment, existing in juridical literature, the author suggests the definition of idea of investment, according to which investment is value of material and intellectual character, belonging to investor and mak-

ing contribution to the object of investment activity with the aim of dotting profit or another positive effect with the definite risk and limited in time. Given definition of notion of investment contains defining its signs as many side and complex phenomenon, in this connection investments can both material (i.e. capital, property, money) and intellectual ownership (for example, introducing investment into the man's capital. Further investment must be directed to the objects of investment but not to the entrepreneurship activity, this conclusion directly comes out from regulation of the law of the Republic of Tajikistan "On investment". Legislator forming definite notion of investment established perfectly that investment must be introduced to the objects of investment activity. Making conclusion investment in the first turn must be recognized as value which from side of investor introduced to the economy of receiving state, which the latter (last) interested in its investing.

Keywords: investment; foreign investment; capital investment; owner-ship capital; investor

Информация для цитирования:

Бозоров Р.Б. Развитие законодательства Республики Таджикистан об инвестициях: проблемы реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 39–46.

Bozorov R.B. Razvitie zakonodatel'stva Respubliki tadzhikistan ob investicijah: problemy realizacii [Development of legislation of the Republic of Tajikistan on investments: problems of implementation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 39–46. (In Russ).

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**А.В. Захаркина**

Старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Пермский институт экономики и финансов
614000, г. Пермь, ул. Куйбышева, 98а
E-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

Введение: с 1 июня 2015г. вступили в силу изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), которыми впервые в отечественной истории факультативные обязательства были закреплены в общей части обязательственных права (ст. 308.2, 320.1 ГК РФ). Однако этого недостаточно. Только правильное понимание законодательной конструкции факультативных обязательств позволит эффективно использовать посвященные им гражданско-правовые нормы и избежать противоречивой судебной практики. **Цель** заключается в решении имеющей значение для развития российского гражданского права задачи – раскрытие особенностей механизма прекращения факультативных обязательств. **Результаты:** ряд принципиальных вопросов о факультативных обязательствах не получил надлежащего разрешения в гражданско-правовой доктрине. К числу таких вопросов относится и проблема определения круга оснований прекращения факультативных обязательств. **Методы:** при проведении исследования использовались следующие методы: общенаучный диалектический, универсальные научные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование, формально-логический, системно-структурный), специально-юридические методы (сравнительно-правовой, метод системного толкования, метод правового моделирования). **Выводы:** при прекращении факультативного обязательства невозможностью исполнения теоретически мыслимы три возможные ситуации, отличающиеся юридическими последствиями: 1) должник не может предоставить основное исполнение, так как оно стало невозможно по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает; 2) должник не может предоставить основное исполнение, так как оно стало невозможно по обстоятельствам, за которые отвечает кредитор; 3) должник не может предоставить основное исполнение, так как оно стало невозможно по обстоятельствам, за которые отвечает.

Ключевые слова: факультативные обязательства; основания прекращения обязательств; новация; отступное; зачет; прощение долга; невозможность исполнения обязательства

Введение

Прекращение гражданско-правового обязательства есть необходимый и ожидаемый юридический результат, к которому стремятся стороны обязательства. Нельзя не отметить, что наступление такого результата всегда связано с действием определенного юридического факта. Однако прекращение обязательства «не может расцениваться в качестве юридического факта» [4, с. 4] в силу того, что само является «неотвратимым юридическим последствием при наличии юридического факта, служащего его предпосылкой» [6, с. 33].

Обратим внимание на то, что факультативное обязательство может быть прекращено по основаниям, предусмотренным ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором. Так, нет никаких законодательных препятствий для прекращения факультативного обязательства отступным, зачетом, новацией или прощением долга.

Прекращение факультативного обязательства исполнением

Не вызывает сомнений, что прекращение факультативного обязательства надлежащим исполнением – это наиболее желательное для сторон обязательства основание

его прекращения. Напомним, что надлежащим исполнением факультативного обязательства следует признать предоставление как основного, так и факультативного исполнений.

Прекращение факультативного обязательства зачетом

М.А. Егорова осуществила комплексное исследование такой гражданско-правовой категории, как «зачетоспособность», и пришла к выводу, что это комплексное понятие, содержание которого «определяется элементарным составом юридических условий, которые регламентированы ст. 410 ГК РФ и к числу которых относятся: однородность требований; встречность требований; наличность реально существующих требований» [5, с. 124].

При этом Пленум ВАС РФ сделал важное замечание: «...нормы статьи 410 ГК РФ, устанавливающие предпосылки прекращения обязательства односторонним заявлением о зачете, не означают запрета соглашения договаривающихся сторон о прекращении неоднородных обязательств...» [10, с. 88].

Не вызывает сомнений, что данные юридические условия актуальны и для прекращения зачетом факультативного обязательства. Однако здесь вновь необходимо сделать оговорку: по общему правилу, говорить о «зачетоспособности» мы можем только в отношении основного, но не факультативного исполнения. При этом если должник, воспользовавшись своим правом, все-таки приступит к факультативному исполнению, то в таком случае можно говорить и о «зачетоспособности» факультативного исполнения.

Прекращение факультативного обязательства новацией

Новация как специфический механизм прекращения первоначального обязательства может быть применена только после заключения соглашения о новации, т.е. после согласования сторонами первоначального обязательства воли на прекращение прежнего и возникновение нового обязательства.

Важно обратить внимание на то, что из ст. 414 ГК РФ было исключено следующее положение: новация не допускается в отношении обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, и по уплате алиментов. Это означает, что ранее установленный запрет в отношении новации алиментных обязательств и обязательств из причинения вреда был законодателем снят.

Для того чтобы новация считалась состоявшейся, необходимо наличие ряда условий, предусмотренных ст. 414 ГК РФ: 1) существование первоначального обязательства; 2) соглашение сторон о замене этого обязательства другим; 3) новое обязательство; 4) намерение обновить.

Существование первоначального обязательства. Юридический эффект новации возможен «лишь при существовании и действительности первоначального (новируемого) обязательства» [11, с. 4].

Если обязательство прекратилось или признано недействующим, его новировать нельзя. Так, в постановлении Девятого арбитражного суда указано: принимая во внимание, что обязательство ООО по выплате действительной стоимости доли А.Б. не возникало и является ничтожным, Договор новации, заключенный между ООО и А.Б., который, в свою очередь, стал результатом исполнения Соглашения о выплате в пользу А.Б. действительной доли вышедшего из общества участника, также является ничтожным, как сделка, не соответствующая обязательным требованиям закона (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.04.2013 № 09АП-8810/2013 по делу № А40-83247/12-78-238Б 12).

Требование действительности основания возникновения первоначального обязательства объясняется тем, что новация исходит из презумпции наличия обязательства.

Соглашение сторон о замене этого обязательства другим. К числу существенных условий соглашения о новации следует относить:

указание на новируемое обязательство, однозначное определение цели соглашения – прекращении первоначального обязательства, идентификация нового обязательства (его предмета и иных существенных условий). В случае отсутствия хотя бы одного из названных условий соглашение не запускает механизм новации.

Так, Семнадцатый Арбитражный апелляционный суд указал: представленный ответчиком договор купли-продажи транспортного средства не содержит ссылки на заключение между сторонами соглашения о новации. Само по себе заключение между этими же сторонами нового договора о том же предмете не освобождает стороны от исполнения обязательств по предшествующему договору, поскольку из существа вновь заключенного договора иное не вытекает (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2014 № 17АП-11804/2014-ГКу по делу № А50-9423/201413).

Намерение обновить. Принцип римского права «новация не предполагается» сохраняет свое значение и в настоящее время практически во всех развитых правовых системах (ст. 1273 ФГК, ст. 1874 ГК Латвии, ст. 665 ГК Молдовы и т.д.). При этом отмечается, что данный принцип известен законодательству государств не только романо-германской правовой семьи, но и англо-саксонской.

Таким образом, факультативное обязательство может быть новировано при соблюдении условий, предусмотренных ст. 414 ГК РФ: 1) существование и действительность факультативного обязательства; 2) соглашение сторон о замене факультативного обязательства другим; 3) возникновение нового обязательства; 4) явно выраженное намерение сторон обновить факультативное обязательство, а не внести в него изменения.

Прекращение факультативного обязательства прощением долга

В соответствии с п. 1 ст. 415 ГК РФ, «обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на

нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора».

Как верно отметил В.В. Витрянский, «во-первых, непонятно, в какой момент обязательство можно считать прекращенным, а должника освобожденным от обязанностей по этому обязательству; во-вторых, остается неясным, имеет ли правовое значение согласие самого должника на прекращение обязательства прощением долга. Очевидно, что освобождение должника от его обязанностей помимо его воли вряд ли правомерно» [2, с. 254].

Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ был введен п. 2 ст. 415 ГК РФ, согласно которому «обязательство считается прекращенным с момента получения должником уведомления кредитора о прощении долга, если должник в разумный срок не направит кредитору возражений против прощения долга». Таким образом, кредитор факультативного обязательства вправе освободить должника от лежащих на нем обязанностей путем направления последнего уведомления, если должник не направит в разумный срок возражений против прощения долга.

Прекращение факультативного обязательства невозможностью исполнения

Краеугольным камнем конструкции факультативного обязательства является проблема невозможности исполнения, решение которой имеет глобальное правоприменительное значение для корректного использования данной конструкции в имущественном обороте, особенно с учетом официального признания законодателем ее самостоятельности.

При этом нетипичность факультативного обязательства, на которую уже обращалось внимание, заключается в том, что гибель предмета факультативного обязательства, т.е. гибель предмета основного исполнения, не является препятствием к исполнению факультативного обязательства в натуре, однако при условии, что должник располагает предметом факультативного

исполнения и желает воспользоваться своим правом на замену основного исполнения факультативным.

Справедливым будет отметить, что причины невозможности предоставления предмета факультативного обязательства оказывают различное влияние на судьбу факультативного обязательства, а также права и обязанности его сторон.

Следует обратить особое внимание на то, что основаниями возникновения факультативных обязательств могут быть как возмездные, так и безвозмездные сделки. Это, казалось бы, понятное любому исследователю обязательственного права замечание имеет принципиальное практическое значение. Как верно отметил И.Б. Новицкий, «практическое значение деления договоров на возмездные и безвозмездные заключается главным образом в различии подхода к определению размеров ответственности сторон по договору, самого характера и условий этой ответственности. Ответственность лица, не извлекающего из договора никакой имущественной выгоды, естественно должна быть менее строгой по сравнению с ответственностью стороны, заключающей договор в своем интересе» [9, с. 130]. Таким образом, отметим, что к факторам, влияющим на судьбу факультативного обязательства, помимо причин невозможности предоставления основного исполнения, относится также возмездная или безвозмездная природа возникшего между сторонами такого обязательства правоотношения.

Итак, теоретически мыслимы три возможные ситуации невозможности предоставления основного исполнения.

Первая ситуация: должник не может предоставить основное исполнение, так как оно стало невозможно по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает.

В силу п. 1 ст. 416 ГК РФ, обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана наступившим после возникновения обязательства обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает.

Буквальное толкование данной нормы позволяет заключить, что прекращение обязательства вследствие невозможности исполнения имеет место только в том случае, если такая невозможность вызвана обстоятельствами, не связанными с нарушением обязательства одной из сторон.

Полагаем, что в возмездных обязательствах, когда кредитор «оплатил» основное исполнение, после чего наступила невозможность такого исполнения по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не несет ответственности, у должника возникает неосновательное обогащение и ему выгоднее предоставить кредитору факультативное исполнение, чем быть должником в кондикционном обязательстве.

Если же аналогичная ситуация возникает в безвозмездных обязательствах, в которых должник не получает встречного предоставления, то факультативное обязательство прекращается невозможностью исполнения.

Вторая ситуация: должник не может предоставить основное исполнение, так как оно стало невозможно по обстоятельствам, за которые отвечает кредитор. Подчеркнем, что данная ситуация, которая вполне возможна, не подвергалась подробному изучению в юридической литературе по обязательственному праву.

При данных обстоятельствах самым важным вопросом является решение судьбы исполненного в случае невозможности исполнения. Так, согласно п. 2 ст. 416 ГК РФ, «в случае невозможности исполнения должником обязательства, вызванной виновными действиями кредитора, последний не вправе требовать возвращения исполненного им по обязательству».

Обратимся к методу правового моделирования с целью иллюстрации данного нормативного установления в механизме факультативного обязательства. Предположим, по факультативному обязательству должник обязан предоставить кредитору картину, но вправе заменить указанное основное исполнение факультативным – уплатой 100 000 руб. Вследствие виновного поведения кредитора происходит уничтоже-

ние картины, что приводит к невозможности исполнения должником обязательства по передаче картины.

Из данного примера следуют два значимых вывода: во-первых, поскольку невозможность исполнения вызвана виновными действиями кредитора, последний не вправе требовать того, что им было исполнено в рамках данного обязательства. Во-вторых, возможность предоставления в такой ситуации факультативного исполнения не оказывает никакого влияния на судьбу факультативного обязательства, которое является однопредметным и в случае гибели этого единственного предмета прекращается невозможностью исполнения.

Третья ситуация: должник не может предоставить основное исполнение, так как оно стало невозможно по обстоятельствам, за которые отвечает должник.

Если единственный предмет факультативного обязательства погиб по обстоятельствам, за которые отвечает должник, то должник вправе приступить к факультативному исполнению либо возместить кредитору убытки, вызванные неисполнением обязательства [8].

По этому сложному вопросу, О.С. Иоффе отметил следующее: «...если совершение действия, служащего единственным объектом факультативного обязательства, станет объективно невозможным (например, указанная в завещании вещь случайно погибла), обязательство прекращается. Если же невозможность исполнения наступит по вине должника, то, произведя замену исполнения, он освобождается от ответственности за возникшую невозможность совершения того действия, которое выступает в качестве объекта факультативного обязательства» [7, с. 268].

Прекращение факультативного обязательства на основании акта органа государственной власти или органа местного самоуправления

О факультативных обязательствах писал М.И. Брагинский. Он приводил следующий небезынтересный пример: «...например, в договоре одной из москов-

ских фирм на поставку ей горючего предусмотрено, что речь идет о бензине марки "72", но с правом замены его бензином марки "93". Завод производит бензин марки "72" в этилированном варианте. Между тем уже после подписания договора мэром г. Москвы принято Постановление, запрещающее заправку автомашин этилированным бензином [3]. Поскольку при таком обязательстве есть только единственный предмет, у поставщика возникает возможность выбрать один из двух вариантов: либо поставлять бензин марки "93", либо расторгнуть договор по причине невозможности исполнения обязательства. Настаивать на поставке ему бензина марки "93" в этих условиях покупатель не вправе» [1, с. 428–429].

Как видим из анализа данного примера, акт органа государственной власти или органа местного самоуправления может явиться основанием прекращения факультативного обязательства.

Выводы

В случае гибели предмета факультативного обязательства возможны три ситуации, отличающиеся юридическими последствиями: 1) если предоставление основного исполнения стало невозможно по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает, то факультативное обязательство прекращается невозможностью исполнения, при этом должник обязан возратить исполненное кредитором по обязательству либо вместо этого должник вправе прекратить факультативное обязательство надлежащим исполнением, предоставив кредитору предмет факультативного исполнения; 2) в случае невозможности предоставления основного исполнения должником, вызванной виновными действиями кредитора, обязательство прекращается, даже если предоставление факультативного исполнения возможно, при этом кредитор не вправе требовать возвращения исполненного им по обязательству; 3) если должник не может предоставить основное исполнение, так как оно стало невозможно по обстоятельствам, за которые отвечает должник, то последний вправе приступить к факультативному ис-

полнению либо возратить исполненное кредитором по обязательству, а также возместить убытки, вызванные неисполнением обязательства.

Библиографический список

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
2. Витрянский В.В. Проектируемые новые общие положения об обязательствах в условиях реформирования гражданского законодательства // Кодификация российского частного права / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. 447 с.
3. Голубцов В.Г. Публично-правовые элементы в отношениях, регулируемых гражданским законодательством: теория вопроса // Правоведение. 2006. № 5(268). С. 79–86.
4. Егорова М.А. Правовая природа основания прекращения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12. С. 3–13.
5. Егорова М.А. Правовой режим зачета в гражданско-правовых обязательствах. М.: Дело, 2012. 240 с.
6. Иванова З.Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 31–39.
7. Иоффе О.С. Комментарий к статье 178 // Комментарий к ГК РСФСР / под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. М.: Юридическая литература, 1970. 824 с.
8. Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4 (18). С. 97–103.
9. Новицкий И.Б. Договоры возмездные и безвозмездные // Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 416 с.
10. О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС. 2014. № 5. С. 85–91.
11. Павлов А.А. Условия и последствия новации // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8. С. 4–18.

References

1. Braginsky M. I., Vitryanski V. *Dogovornoe pravo. Obshhie polozhenija*. [Contract Law. General Provisions]. Moscow: Statut, 2001. Book 1. 848 p.
2. Vitryansky V. *Proektiruemye novye obshhie polozhenija ob objazatel'stvah v uslovijah reformirovanija grazhdanskogo zakonodatel'stva* [Projected New General Provisions on the Obligations in the Conditions of Reforming of the Civil Law] // *Kodifikacija rossijskogo chastnogo prava / pod red. P.V. Krasheninnikova* – Russian Private Law Codification, in P.V. Krasheninnikov (ed.)]. Moscow: Statut, 2015. 447 p.
3. Golubtsov V.G. *Publichno-pravovye jelementy v otnoshenijah, reguliruemym grazhdanskim zakonodatel'stvom: teorija voprosta* [Public Law Elements in Relations Regulated by Civil Legislation: the Theory of the Problem] // *Pravovedenie* – Jurisprudence. 2006. № 5 (268). Pp. 79–86.
4. Egorova M.A. *Pravovaja priroda osnovani-ja prekrashhenija objazatel'stv* [The Legal Nature of the Grounds for Termination of Obligations] // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2010. № 12. Pp. 3–13.
5. Egorova M.A. *Pravovoj rezhim zacheta v grazhdansko-pravovyh objazatel'stvah* [The Legal Regime of Credit in Civil Law Obligations]. Moscow: Delo, 2012. 240 p.
6. Ivanova Z.D. *Juridicheskie fakty i voz-niknovenie subektivnyh prav grazhdan* [Legal Facts and the Emergence of the Subjective Rights of Citizens] // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1980. № 2. Pp. 31–39.
7. Ioffe O.S. *Kommentarij k stat'e 178* [The Commentary to article 178] // *Kommentarij k GK RSFSR / pod red. E.A. Flejshic, O.S. Ioffe* – The Comment to the Civil Code of RSFSR, in E.A. Vlasic, O.S. Ioffe

- (ed.]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1970. 824 p.
8. Kuznetsova O.A. *Primenenie mer grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti* [Application of Civil and Legal Liability] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2012. № 4(18). Pp. 97–103.
 9. Novitsky I.B. *Dogovory vozmezdnye i bezvozmezdnye* [Contracts Compensated and Uncompensated] // *Novitskiy I.B., Lunc L.A. Obshhee uchenie ob objazatel'stve* – Novitsky I.B., Lunts L.A. General the Doctrine About the Obligation]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literaturi, 1950. 416 p.
 10. *O svobode dogovora i ee predelah: postanovlenie Plenuma VAS RF ot 14.03.2014 № 16* [Freedom of Contract and its Limits: the Resolution of Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation from 14.03.2014 № 16] // *Vestnik Visshego arbitrajnogo suda Rossiiskoi Federacii* – The Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2014. № 5. Pp. 85–91.
 11. Pavlov A.A. *Uslovija i posledstvija novacii* [Conditions and consequences of innovations] // *Vestnik Visshego arbitrajnogo suda Rossiiskoi Federacii* – The Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2006. № 8. Pp. 4–18.

WAYS OF THE CLOSURE FACULTATIVE OBLIGATIONS

A.V. Zakharkina

Perm Institute for Economy and Finance
98a, Kuibysheva st., Perm, 614000
E-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

Introduction: from 1 June 2015 entered into force amendments to the Civil Code of the Russian Federation (further – GK the Russian Federation), which for the first time in Russian history the facultative obligation were enshrined in the General Part of the law of obligations (articles 308.2, 320.1 of the Civil Code). However, this is not enough. Only a proper understanding of the legislative structure of the facultative obligation will effectively use a dedicated civil legal norms, and to avoid contradictory judicial practice. **The purpose** is to address relevant for the development of Russian civil law tasks in uncovering the mechanism of the facultative termination of obligations. **Results:** a number of fundamental questions on the facultative obligations have not received proper authorization in the civil law doctrine. Among these issues is the problem of determining the range of grounds for termination of the facultative obligations. **Methods:** the study used the following methods: general scientific dialectic, universal scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, abstraction, formal-logical, systematic and structural), exclusively legal methods (comparative-legal method, a system of interpretation, legal method of modeling). **Conclusions:** when the facultative termination of an obligation by impossibility of performance is theoretically conceivable three possible situations, different legal consequences: 1) the debtor is unable to provide the basic design, as it has become impossible due to circumstances for which neither party is not responsible; 2) the debtor is unable to provide the basic design, as it has become impossible due to circumstances for which the lender is responsible; 3) the debtor is unable to provide the basic design, as it has become impossible due to circumstances for which the debtor is responsible.

Keywords: facultative obligation; grounds for termination of obligations; innovation; resignation; credit; debt forgiveness; the impossibility of performance of the obligation

Информация для цитирования:

Захаркина А.В. Основания прекращения факультативных обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 47–54.

Zakharkina A.V. Osnovaniya prekrashheniya fakul'tativnyh objazatel'stv [Ways of the Closure Facultative Obligations] // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 47–54. (In Russ).

ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

А.О. Казаков

Аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: alexkazak.ak@gmail.com

Введение: в статье рассматривается гражданско-правовой статус участников государственно-частного партнерства (ГЧП), который является одним из самых малоизученных явлений в науке российского гражданского права. **Цель:** определить понятие и структуру гражданско-правового статуса участников государственно-частного партнерства. **Методы:** эмпирические методы сравнения, измерения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** автором статьи делается вывод о том, что на законодательном уровне понятие «правовой статус» упоминается лишь применительно к отдельным субъектам гражданского права, следовательно эта категория не раскрывается. **Выводы:** под гражданско-правовым статусом участников государственно-частного партнерства следует понимать совокупность элементов, определяющих правовое положение его участников как субъектов гражданско-правовых отношений в рамках государственно-частного партнерства. Гражданско-правовой статус участника ГЧП является разновидностью специального (родового) правового статуса, ибо в силу закона его может получить лишь ограниченный круг субъектов гражданских правоотношений, установленный в законодательстве. Структура гражданско-правового статуса участников ГЧП представляет собой комплексный характер и включает в себя две группы элементов: регулятивные и охранительные. В состав регулятивных элементов гражданско-правового статуса участников государственно-частного партнерства входит порядок заключения, изменения и прекращения соглашения о государственно-частном партнерстве, а также гражданские права и обязанности участников ГЧП. Охранительные элементы гражданско-правового статуса участников государственно-частного партнерства включают в себя гражданско-правовую ответственность участников ГЧП, а также гарантии гражданско-правовой защиты прав участников ГЧП.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; правовой статус; участники государственно-частного партнерства

Введение

В переводе с латинского слово «status» означает положение, состояние, позицию объекта в какой-либо системе или структуре элементов. При этом сам по себе термин «статус» является многозначным и многоаспектным. Одним из его значений является термин «правовой статус», получивший широкое закрепление в российском праве. В настоящий момент в отечественном законодательстве можно найти несколько сотен упоминаний об этой категории.

При этом раскрытие такого понятия сложно назвать всеобъемлющим и полным. В ГК РФ прямо упоминается лишь о статусе публичного общества (п. 2 ст. 97 ГК РФ), статусе органов государственной власти (п. 1 и 2 ст. 125 ГК РФ) и статусе организации в качестве юридического лица (п. 2 ст. 1202 ГК РФ). Однако основополагающей нормой о правовом статусе в гражданском законодательстве следует считать п. 1 ст. 2 ГК РФ. В нем устанавливается, что гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота. Кроме того, в п. 4 ст. 49 ГК РФ говорится о том, что гражданско-правовое по-

ложение юридических лиц и порядок их участия в гражданском обороте регулируется ГК РФ, а гражданско-правовое положение отдельных организационно-правовых форм, видов и типов юридических лиц – другими законами и нормативно-правовыми актами.

Следует упомянуть также ряд статей и пунктов ГК РФ, в которых термин «правовое положение» употребляется применительно к отдельным субъектам гражданского права. В частности, п. 7 ст. 66 ГК РФ указывает на правовое положение отдельных видов коммерческих корпоративных организаций, а п. 1 ст. 66.2 ГК РФ – на правовое положение отдельных видов хозяйственных обществ (например, п. 3 ст. 87 ГК РФ регламентирует правовое положение общества с ограниченной ответственностью, п. 3 ст. 96 ГК РФ – правовое положение акционерного общества и т.д.).

Хотя упоминания о правовом положении в ГК РФ довольно многочисленны, содержательно эта категория недостаточно раскрыта. В связи с этим в юридической литературе существует множество точек зрения относительно того, как определять правовой статус и что закладывать в его содержание.

Основное содержание

По нашему мнению, особого внимания заслуживают представители гражданско-правовой науки. Н.В. Летова, обращая внимание на неоднозначность толкования понятий «правовой статус» и «правовое положение» (а также их соотношения), классифицирует высказанные в литературе мнения относительно правового статуса гражданина на две основных точки зрения. Если первая трактует правовой статус в узком значении (как простую совокупность прав и обязанностей гражданина), то вторая – в широком, так как включает в него и иные элементы (правовые нормы, правосубъектность, гражданство, ответственность и т.п.) [3, с. 78]. По мнению ученого, узконормативное понимание правового статуса, является более предпочтительным (так как широкое понимание правового статуса затрудни-

тельно на практике, а также не позволяет определить основной элемент в его содержании) [3, с. 79].

С указанной точкой зрения согласиться сложно. Во-первых, основным элементом содержания правового статуса всегда выступали права и обязанности его носителя. Это признается практически всеми учеными-юристами, поэтому определить основной элемент в содержании правового статуса даже при большом количестве его составляющих не должно вызывать особого труда. Во-вторых, широкое понимание правового статуса может быть действительно затруднительным, но не из-за количества входящих в его состав элементов, а от их качества, т.е. того смысла, что будет в них закладываться законодателем.

В этом смысле оригинальностью отличается подход А.В. Богданова относительно гражданско-правового статуса и его элементов на примере единоличного исполнительного органа акционерного общества. Автор исходит из положения о том, что наличие правового статуса у участника правоотношений не обусловлено обязательностью отнесения его к субъектам права [1, с. 65]. Следовательно, категория «гражданско-правовой статус» характеризует не столько субъекта права, сколько участника гражданско-правовых отношений [1, с. 61]. По мнению автора, правовой статус единоличного исполнительного органа акционерного общества включает в себя: 1) порядок образования и прекращения полномочий; 2) функции, задачи; 3) компетенция, права и обязанности, акты; 4) ответственность единоличного исполнительного органа [1, с. 65].

Таким образом, правовой статус можно определить как определенное правовое состояние, положение, основной элемент которого составляют права и обязанности субъекта права. Однако вопрос относительно дальнейшей структуры правового статуса до сих пор остается не разрешенным в современной российской юридической науке.

Во многом именно поэтому правовой статус участника государственно-частного

партнерства до сих пор не стал объектом специального правового исследования. В юридической литературе лишь подчеркивалось, что «участники государственно-частного партнерства действительно различны и по организационно-правовым формам, и по правовому (административно-правовому) статусу в целом» [6, с. 81].

По нашему мнению, под гражданско-правовым статусом участников государственно-частного партнерства следует понимать совокупность элементов, определяющих правовое положение его участников как субъектов гражданско-правовых отношений в рамках государственно-частного партнерства. Гражданско-правовой статус участника ГЧП по своей характеристике является разновидностью специального (родового) правового статуса, ибо в силу закона его может получить лишь ограниченный круг субъектов гражданских правоотношений, установленный в законодательстве.

Структура гражданско-правового статуса участников ГЧП представляет собой сложный, комплексный характер и включает в себя две группы элементов:

1. Регулятивные элементы гражданско-правового статуса участников государственно-частного партнерства.

1. Порядок заключения, изменения и прекращения соглашения о государственно-частном партнерстве.

Этот элемент включает в себя этапы и процедуры заключения, изменения и прекращения соглашения о государственно-частном партнерстве как в действующем федеральном, так и региональном законодательстве о ГЧП.

2. Гражданские права и обязанности участников ГЧП.

Безусловно, это центральный элемент гражданско-правового статуса участников ГЧП, его ядро и сердцевина. Перечень прав и обязанностей партнеров, финансирующего лица устанавливается в федеральном и региональном законодательстве о ГЧП, а также в нормативно-правовых актах органов местного самоуправления. Права и обязанности конкретного участника ГЧП устанавливаются в самом соглашении о ГЧП,

заключаемом между частным и публичным партнером, а также в прямом соглашении между частным партнером, публичным партнером и финансирующим лицом в соответствии с ГК РФ и законодательством о государственно-частном партнерстве. Во многом именно в правах и обязанностях участников ГЧП проявляется регулятивное правоотношение в его классическом виде – когда правам одного участника ГЧП корреспондируют обязанности другого.

II. Охранительные элементы гражданско-правового статуса участников государственно-частного партнерства.

1. Гражданско-правовая ответственность участников ГЧП.

Права и обязанности участников ГЧП не могут быть реализованы без работающего механизма их гражданско-правовой ответственности по своим обязательствам (например, гражданско-правовая ответственность частного партнера в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязательств по соглашению о ГЧП перед публичным партнером). При этом такую ответственность в определенных случаях будет нести не только частный, но и публичный партнер, а также финансирующее лицо в случае невыполнения им условий прямого соглашения. Особое значение будет иметь финансовая ответственность участников ГЧП за осуществление финансирования ГЧП-проекта в рамках установленных объемов и сроков. Все это отвечает сути охранительных правоотношений в сфере государственно-частного партнерства, направленных на охрану интересов участников ГЧП и общества в целом.

2. Гарантии гражданско-правовой защиты прав участников ГЧП.

Права и законные интересы участников ГЧП нуждаются в повышенной защите, поэтому законодатель и стремится установить соответствующие правовые механизмы. К примеру, таковыми являются государственные или муниципальные гарантии, которые вправе взять на себя публичный партнер в соответствии с действующим законодательством. Ими могут быть также особые гарантии защиты прав частного

партнера от принятия новых правовых норм, ухудшающих его положение в случаях, если он лишается того, на что был вправе рассчитывать при заключении соглашения (т.н. стабилизационная, или «дедушкина», оговорка). Они детально регламентируются и осуществляются исключительно в рамках законно установленных процедур. Необходимо также внедрить в российское законодательство такие распространенные в мировой практике механизмы, как освобождение соглашений о ГЧП от требований отраслевого законодательного регулирования на региональном уровне, а также определение специального порядка установления тарифов и стандартов оказываемых услуг для проектов ГЧП. Кроме того, следует создать единую систему гарантий, предоставляемых участникам государственно-частного партнерства как в рамках законодательства о государственно-частном партнерстве, так и в рамках инвестиционного законодательства.

Результаты

Предложенная нами совокупность элементов существенно отличается от большинства точек зрения на структуру правового статуса. В числе выделяемых нами элементов отсутствует выделяемые многими учеными принципы правового статуса и правосубъектность. По нашему мнению, включать их в число элементов правового статуса не следует по ряду причин.

Во-первых, принятый 1 июля 2015 года Государственной Думой федеральный закон о ГЧП в ст. 4 содержит в себе принципы государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства, в число которых включает: 1) открытость и доступность информации о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, за исключением сведений, составляющих государственную тайну и иную охраняемую законом тайну; 2) обеспечение конкуренции; 3) отсутствие дискриминации, равноправие сторон соглашения и равенство их перед законом; 4) добросовестное исполнение сторонами соглашения обязательств по соглашению;

5) справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами соглашения; 6) свобода заключения соглашения. Принципы государственно-частного партнерства предусмотрены и в региональных законах о ГЧП (см. ст. 3 закона Санкт-Петербурга «О государственно-частных партнерствах» [4], ст. 4 закона Республики Татарстан «О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан» и др. [6], ст. 5 Закона Самарской области «Об участии Самарской области в государственно-частных партнерствах» [5]).

Так как действие указанных принципов должно распространяться на весь объем правоотношений государственно-частного партнерства, выделять отдельные принципы правового статуса участников ГЧП мы считаем излишним. Такие принципы характеризовали бы не существенные особенности правового положения участников государственно-частного партнерства, а их наиболее типичные свойства как субъектов гражданско-правовых отношений, которые, в свою очередь, вытекают из отдельных элементов их правового статуса (в первую очередь соответствующих прав и обязанностей).

Во-вторых, правосубъектность является основанием возникновения правового статуса, правовой предпосылкой обретения каким-либо лицом статуса субъекта права. По своей юридической природе правосубъектность означает правовую возможность потенциального участия в конкретных правоотношениях. Следовательно, правосубъектность – это только предпосылка к обладанию статусом, его правообразующая основа. Поэтому попытки выделения правосубъектности в качестве элемента правового статуса, по сути, не позволяют выйти за рамки общепринятых представлений о правовом статусе как правовом положении его носителя.

В-третьих, наличие большого количества различных элементов делает конструкцию правового статуса чрезмерно объемной и от этого малоприменимой. В то же время выделение только одного центрального элемента – прав и обязанностей субъекта

права также нельзя признать верным вследствие существенного сужения содержания этой важной гражданско-правовой категории. Поэтому нами была предпринята попытка классифицировать элементы правового статуса участников ГЧП на две группы: регулятивные и охранительные.

Выводы

Предложенная нами классификация построена на делении основных функций права на регулятивную и охранительную. Правоотношения в сфере государственно-частного партнерства возникают на основе юридических фактов, а именно в результате действий его участников. Действия таких лиц (правомерные или неправомерные) порождают регулятивные или охранительные правоотношения, которые, в свою очередь, позволяют соответствующе классифицировать элементы правового статуса участников государственно-частного партнерства. Кроме того, нормы права, посвященные регулированию правового положения участников государственно-частного партнерства, также по своему содержанию можно подразделить на регулятивные и охранительные.

Поскольку регулятивные элементы правового статуса участников ГЧП призваны должным образом упорядочить общественные отношения в области государственно-частного партнерства, в том числе деятельность его участников, в их состав следует включать: 1) порядок возникновения и прекращения гражданско-правового статуса участников ГЧП; 2) гражданские права и обязанности участников ГЧП. Такие элементы основаны на правомерных действиях участников ГЧП и не нуждаются в участии принудительной силы со стороны государства. В свою очередь, так как охранительные элементы обеспечивают поддержание стабильности гражданского оборота в рамках государственно-частного партнерства, а также служат охране, защите и восстановлению прав участников государственно-частного партнерства, к их числу мы отнесли: 1) гражданско-правовую ответственность участников ГЧП; 2) гарантии

гражданско-правовой защиты прав участников ГЧП. Присутствие указанных элементов во многом обусловлено необходимостью принудительного вмешательства государства в деятельность участников ГЧП для осуществления должных мер принуждения в связи с нарушением ими положений действующего законодательства и (или) соглашения о ГЧП.

Таким образом, установленная нами совокупность элементов в полной мере отражает сущность правового статуса участников государственно-частного партнерства.

Библиографический список

1. *Богданов А.В.* Понятие и элементы гражданско-правового статуса единоличного исполнительного органа акционерного общества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Вып. 4(14).
2. *Игнатюк Н.А.* Государственно-частное партнерство в Российской Федерации. М.: Эксмо, 2009. 398 с.
3. *Летова Н.В.* Правовой статус ребенка // Государство и право. 2010. № 11.
4. *Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах: закон Санкт-Петербурга от 25 дек. 2006 г. № 627-100.* URL: <http://gov.spb.ru/law?d&nd=8442332&nh=0> (дата обращения: 01.12.2014).
5. *Об участии Самарской области в государственно-частных партнерствах: закон Самар. обл. от 2 июля 2010 г. № 72-ГД.* URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/doc20140122_57 (дата обращения: 01.12.2014).
6. *О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан: закон Респ. Татарстан от 1 авг. 2011 г. № 50-ЗРТ.* URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/doc20140122_53 (дата обращения: 01.12.2014).

References

1. *Bogdanov A.V.* *Ponyatie i elementy grazhdansko-pravovogo statusa edinolichnogo ispolnitel'nogo organa aktsionernogo ob-*

- shchestva* [The Concept and Elements of the Civil and Legal Status of the Sole Executive Body of a Joint Stock Company] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2011. № 4 (14). (In Russ).
2. Ignatyuk N.A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossiyskoy Federatsii* [Public-Private Partnership in the Russian Federation]. Moscow: Eksmo, 2009. 398 p. (In Russ).
 3. Letova N.V. *Pravovoy status rebenka* [The Legal Status of a Child] // *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2010. № 11. (In Russ).
 4. *Ob uchastii Sankt-Peterburga v gosudarstvenno-chastnykh partnerstvakh: Zakon Sankt-Peterburga ot 25.12.2006 № 627-100* [On St. Petersburg's Participation in Public-Private Partnerships: the Law of the City of Saint Petersburg of 25 December, 2006 No. 627-100]. URL: <http://gov.spb.ru/law? d&nd=8442332&nh=0> (data obrashcheniya: 01.12.2014). (In Russ).
 5. *Ob uchastii Samarskoy oblasti v gosudarstvenno-chastnykh partnerstvakh: Zakon Samarskoy oblasti ot 02.07.2010 № 72-GD* [On the Samara Region's Participation in Public-Private Partnerships: the Law of the Samara Region of 2 July, 2010 No. 72-GD]. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/doc20140122_57 (data obrashcheniya: 01.12.2014). (In Russ).
 6. *O gosudarstvenno-chastnom partnerstve v Respublike Tatarstan: Zakon Respubliki Tatarstan ot 01.08.2011 № 50-ZRT* [On the Republic of Tatarstan's Participation in Public-Private Partnerships: the Law of the Republic of Tatarstan of 1 August, 2011 No. 50-ZRT]. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/privgovpartnerdev/doc20140122_53 (data obrashcheniya: 01.12.2014). (In Russ).

THE CONCEPT AND ELEMENTS OF THE CIVIL STATUS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PARTICIPANTS

A.O. Kazakov

Perm State University

15, Bukirev st., Perm, 614990

E-mail: alexkazak.ak@gmail.com

Introduction: the article considers the civil law status of participants of public-private partnership (further — PPP), which is one of the most insufficiently explored phenomena in the Russian civil law science. **Purpose:** the research is aimed to determine the concept and elements of the civil status of public-private partnership participants. **Methods:** empiric methods of comparison measurement, description and interpretation, as well as theoretical methods of formal and dialectical logic are used. **Results:** the author draws a conclusion that at the legislative level the concept "legal status" is only mentioned in relation to certain subjects of civil law, however, this category is not revealed in terms of its actual meaning. **Conclusions:** the author states that the civil status of public-private partnership participants is a set of elements defining the legal status of its members as subjects of civil relations in the framework of public-private partnerships. The civil status of a PPP participant is a kind of special (patrimonial) legal status since under the law it can only be received by the limited circle of civil legal relationship subjects established in the legislation. The structure of the civil status of a PPP participant is of a complex nature and includes two groups of elements: regulatory and protective. Regulatory elements of civil legal status of PPP participants include the order of contracting, amending and termination of agreement on PPP as well as civil rights and

duties of participants. Protective elements contain civil responsibility of PPP participants and a guarantee of civil protection of the rights of PPP participants.

Keywords: public-private partnership; civil status; participants of public-private partnership

Информация для цитирования:

Казаков А.О. Понятие и элементы гражданско-правового статуса участников государственно-частного партнерства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 55–61.

Kazakov A.O. *Ponyatie i elementy grazhdansko-pravovogo statusa uchastnikov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva* [The concept and elements of the civil status of public-private partnership participants] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 55–61. (In Russ).

УДК 347.78

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

И.Ю. Мирских

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: gloriaday@mail.ru

Ж.А. Мингалева

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, г. Пермь, Комсомольский просп., 29
e-mail: mingal1@psu.ru

Введение: в статье анализируется правовое регулирование использования и охраны результатов интеллектуальной деятельности. Выявлены проблемы развития творческой инновационной активности. **Цель:** авторы анализируют действующее гражданское законодательство с целью разработать практические рекомендации по повышению эффективности охраны результатов интеллектуальной деятельности. **Методы:** в статье использованы методы анализа и синтеза, методы микро- и макроэкономического анализа в трактовке юридических фактов и явлений, а также методы междисциплинарного подхода. **Результаты:** необходимо проводить анализ существующего законодательства в сфере научно-технической деятельности и интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах. Такой анализ позволит выявить основные проблемы и пробелы в отечественном законодательстве и разработать предложения по совершенствованию правового регулирования интеллектуальной собственности. Существенным является формирование системы стимулов для более активного участия исследователей в трансферте технологий и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. Важным элементом выступает работа по упрощению и облегчению процедур передачи результатов интеллектуальной деятельности и имущественных прав на результаты научной и инновационной деятельности в опытно-промышленную эксплуатацию. **Выводы:** необходимо формирование и внедрение в широкую юридическую практику комплексного подхода к решению существующих проблем с акцентом не только на усилиях федеральных и региональных органов исполнительной власти, но и всех заинтересованных субъектов инновационной деятельности. Результатом этого процесса должно стать формирование эффективного национального законодательства и позитивной практики правоприменения в сфере охраны и защиты интеллектуальной собственности, а также эффективного механизма правового регулирования интеллектуальной деятельности (РИД) и инновационного развития.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; результаты интеллектуальной деятельности; инновации; исключительные права

© Мирских И.Ю., Мингалева Ж.А., 2015

Работа выполнена на основе задания №2014/153 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России ПГНИУ (тема «Развитие инфраструктуры инновационной деятельности: вопросы правового регулирования и охраны результатов интеллектуальной деятельности»).

Введение

Правовое регулирование отношений, связанных с использованием и охраной РИД в Российской Федерации, является несовершенным, а практика – противоречивой, хотя принятие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации имело важное значение как признание на законодательном уровне особой роли и ценности интеллектуальной собственности. Вместе с тем отсутствие единой концепции и устойчивой теоретической базы в рассматриваемой сфере обуславливает недостатки действующего законодательства. Большими проблемами в области практического применения характеризуется и Федеральный закон № 127 [5]. Правовые нормы, регламентирующие порядок использования и охраны РИД, нуждаются в развитии и совершенствовании.

Активное внедрение новых знаний, полученных в ходе интеллектуальной деятельности во всех сферах общественной жизни, оказывает влияние на инновационность общества и экономики. Глобализация инновационной деятельности стимулирует распространение знаний и практики «открытых инноваций», активизирует инновационные процессы. Глобализация означает интенсивное взаимодействие в мировом разделении труда между производством товаров и услуг и высокими технологиями и инновациями [13, р. 25]. Ситуация в области экономического и технологического развития России характеризуется целым комплексом негативных явлений, связанных как с действием объективных мировых экономических и политических тенденций, так и с недостатками отечественной системы правового регулирования инновационной деятельности, охраны и коммерциализации [11, р. 1703; 12, р. 1060].

Основное содержание

В целях совершенствования правового регулирования в сфере научно-технической деятельности и интеллектуальной собственности необходимо провести анализ существующего законодательства в сфере научно-технической деятельности и интеллекту-

альной собственности в России и зарубежных странах. Такой анализ позволит выявить основные проблемы и пробелы в отечественном законодательстве и разработать предложения по совершенствованию правового регулирования интеллектуальной собственности.

Так, охрана интеллектуальной собственности в Великобритании базируется на принципах, сформулированных Дж. Локком. Согласно Дж. Локку, монополия, возникающая на интеллектуальную собственность, базируется на сочетании двух основных тезисов: 1. Каждый имеет право собственности на свою рабочую силу (работу своего тела и ума). 2. Применение труда к вещи, не имеющей собственника (переработка), создает право собственности на эту вещь. Рассмотрение данной теории в контексте прав интеллектуальной собственности позволяет объяснить, почему именно автор, а не кто-либо другой приобретает авторские права на произведение и почему именно изобретатель получает соответствующий патент [10, р. 47; 3, с. 139].

Следует принять во внимание на зарубежную практику охраны творческих идей и замыслов, использования терминов ноу-хау и коммерческой тайны, правового регулирования коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

Особым направлением в этой области должно стать приведение в соответствие с мировой практикой и современными тенденциями инновационного развития содержания системообразующих правовых норм в области интеллектуальной собственности, а также учет особенностей регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданных за счет бюджетных средств (особенно федерального бюджета).

Как показал зарубежный опыт, именно возможность закрепления за рядом получателей федеральной поддержки (в первую очередь малыми фирмами и университетами) права становиться правообладателями изобретений, профинансированных государством, в значительной степени активизировало инновационную деятельность в таких отраслях, как биотехнология, меди-

цинские исследования, изучение наук о жизни и т.д. Например, в США законодательная система существенно стимулирует проведение исследований и разработок частными компаниями, университетами, научными центрами путем создания благоприятной правовой среды в области охраны результатов интеллектуальной деятельности ученых, разработчиков, университетов, научных и исследовательских центров [7, р. 26]. Так, согласно принятому в 1980 г. Акту Бэя-Доула, малые фирмы и университеты обладают возможностью зарегистрировать на себя права собственности на научные результаты, полученные в ходе проведения исследований за счет государственных субсидий. Право получить в собственность лицензии и патенты стало для многих компаний, особенно в области биотехнологий, серьезным стимулом инвестировать в разработки, поскольку обладание лицензиями дает преимущества в конкурентной борьбе. Закон Бэя-Доула совершил своеобразную революцию в сфере высоких технологий в Америке.

Данный закон регулирует исключительные права, которые могут возникнуть на объекты, созданные в процессе исследовательской деятельности, финансируемой из федерального бюджета. Закон Бэя-Доула включил исследовательские центры и университеты в процесс трансфера технологий. Университеты получили возможность создавать собственные программы трансфера и учитывать технологический потенциал, уникальные обстоятельства и т.п. Одной из задач данного закона является коммерциализация исследований, финансируемых государством. Благодаря данному закону количество патентов, выданных университетам и исследовательским центрам США, увеличилась более чем в два раза.

Некоторые похожие шаги предприняты и в Российской Федерации. Первым из них является Федеральный закон № 254 [6]. В ходе реформы действующего законодательства сформулированы предложения предоставить исследовательским центрам возможность регистрировать интеллектуальные права на свои разработки, в том

числе созданные при финансировании государством.

Минэкономразвития России и Минобрнауки России готовят обоснование для внесения изменений в законодательство Российской Федерации по вопросу регулирования процедуры закрепления за Российской Федерацией прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные в ходе работ по государственным контрактам. В рамках этой работы 30 мая 2013 г. было принято постановление Правительства Российской Федерации № 458, в котором определены механизмы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения [4]. Среди вносимых изменений предусмотрено обязательство не реже одного раза в год осуществлять рассмотрение вопроса о целесообразности сохранения исключительных прав Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения. По результатам рассмотрения данного вопроса могут быть приняты решения: об утрате необходимости сохранения права Российской Федерации на результат интеллектуальной деятельности; о заключении договора о безвозмездном отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности; о заключении договора о предоставлении безвозмездной простой (неисключительной) лицензии на использование результата интеллектуальной деятельности третьим лицам, а также о сохранении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности за Российской Федерацией.

Принятие этих и других изменений должно способствовать стимулированию инновационной деятельности в России.

Учитывая сложившуюся негативную ситуацию в области развития инноваций и формирования в России инновационной экономики, законодатель разработал пакет документов, вносящих изменения в существующее законодательство об охране интеллектуальных прав. В первую очередь изменения касаются положений Гражданского

кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в части регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности. 12 марта 2014 года был принят Федеральный закон РФ № 35-ФЗ о внесении изменений в положения Гражданского кодекса РФ о правах на результаты интеллектуальной деятельности, с были затронуты нормы ст. 1227, 1229, 1232-1234, 1236, 1266, 1270, 1366, 1460, 1427, а также ст. 421 и 438 ГК РФ.

Совершенствование действующего законодательства в сфере охраны и использования интеллектуальной собственности является необходимым условием устойчивого инновационного развития страны. В связи с этим изменения, вносимые в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, призваны способствовать более эффективной коммерциализации объектов интеллектуальной собственности. Новеллы гражданского права должны обеспечить стимулирование более широкого распространения результатов интеллектуальной деятельности на основе облегчения их трансферта при одновременной более надежной охране интеллектуальных прав, что, в конечном счете, должно способствовать активизации инновационной деятельности в России.

Россия обладает спецификой, но она сталкивается с теми же проблемами, что и зарубежные страны. Необходимо изучить международный опыт в целях расширения знаний и распространять информацию о возможностях центров трансфера технологий. Анализ зарубежного опыта позволяет выработать рекомендации по совершенствованию законодательства в целях содействия принятию правовых норм и стимулировать развитие инновационной деятельности.

Важное значение имеет правовое регулирование передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности по договорам. Интеллектуальная деятельность – это деятельность, связанная с созданием новых знаний, технологий, произведений, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и иных объектов. Она играет важную роль в осуществлении научно-

технического прогресса. С целью стимулирования интеллектуальной деятельности и охраны ее результатов во всем мире признаются имущественные (исключительные) права на интеллектуальную собственность [9, р. 12]. Эти права изначально принадлежат субъекту интеллектуальной деятельности, но могут переходить к иным правообладателям на основании договоров или при наследовании.

Исключительные права приобретают особое значение в условиях глобализации [8, р. 45]. Исключительное право включает в себя ряд правовых возможностей.

Правообладатель может распоряжаться исключительным правом по своему усмотрению. Как правило, основными способами распоряжения исключительными правами выступают гражданско-правовые договоры, такие как:

- договор об отчуждении исключительного права (ст. 1234 Гражданского кодекса Российской Федерации), по которому правообладатель передает или обязуется передать другому субъекту (приобретателю) исключительное право в полном объеме;

- лицензионный договор (ст. 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации), в соответствии с которым одна сторона – обладатель исключительного права (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в определенных договором пределах. Эти пределы могут быть количественными, временными, территориальными и т.д. По общему правилу лицензионный договор является возмездным, цена выступает в качестве существенного условия. Лицензиат обязуется уплатить лицензиару вознаграждение. Это может быть единовременное фиксированное вознаграждение, так называемый «паушальный» сбор, или процентные отчисления от объема производства и реализации, так называемая «роялти».

«Исключительность» заключается в том, что правообладатель по своему усмотрению может разрешать или запрещать дру-

гим лицам использование своих результатов интеллектуальной деятельности.

Использование объекта интеллектуальных прав без согласия обладателя исключительного права влечет гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность.

Законодатель также определил условия предоставления права безвозмездного использования объекта интеллектуальной собственности неограниченному кругу лиц в тех случаях, когда на него ранее был заключен лицензионный договор. В этом случае главным является тип лицензии, предоставленной по лицензионному договору – исключительная или неисключительная. В зависимости от этого различают последствия от заявления правообладателя.

Наконец, законодатель особо оговаривает ситуацию, когда правообладатель одновременно является и автором произведения (например, научного исследования). В том случае правообладатель, желающий разместить заявление о предоставлении права безвозмездного использования объекта интеллектуальной собственности неограниченному кругу лиц, имеет дополнительные права. В частности, он может оговорить условие возможности изменения произведения в будущем, если для этого возникает необходимость: например, произведение может быть сокращено или дополнено, снабжено пояснениями и иллюстрациями, или изменено иным способом, не искажающим замысел автора и не нарушающим целостность восприятия произведения, что определено статьей 1266 Гражданского кодекса РФ.

Эффективное развитие инновационной деятельности возможно при условии обеспечения государством гарантированной защиты исключительных прав. Подобная защита необходима в случае нарушения исключительного права, а также других интеллектуальных прав.

Часть 4 Гражданского кодекса РФ впервые в отечественном законодательстве ввела общие нормы о защите интеллектуальных прав и разрешения споров, связанных с их защитой. Статья 1248 Гражданско-

го кодекса устанавливает, что споры, связанные с защитой нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав, рассматриваются и разрешаются судом.

Исключительные права как права, имеющие гражданско-правовую природу, защищаются способами, предусмотренными ст. 12 Гражданского кодекса РФ и специальными статьями ч. 4 Гражданского кодекса – 1250, 1251, 1252, с учетом существа нарушенного права и последствий нарушения этого права.

В случае нарушения исключительных прав защита может осуществляться путем предъявления требования о возмещении убытков. В ряде случаев, указанных Гражданским кодексом, правообладатель вправе вместо возмещения убытков потребовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права.

В этом случае правообладатель освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков, что бывает крайне затруднительно, а иногда и невозможно. Часто основной размер убытков вообще составляет упущенная выгода.

Одним из самых действенных способов защиты исключительных прав является изъятие материального носителя или оборудования, которое использовалось в целях совершения правонарушения. Согласно п. 5 ст. 1252 Гражданского кодекса оборудование, прочие устройства и материалы, главным образом используемые или предназначенные для совершения нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, по решению суда подлежат изъятию из оборота и уничтожению за счет нарушителя, если законом не предусмотрено их обращение в доход Российской Федерации. Суд может наложить арест на такие материальные носители, оборудование и материалы.

Часть 4 Гражданского кодекса РФ ввела новую меру ответственности за нарушение исключительных прав. В соответствии с этой нормой юридическое лицо, неоднократно или грубо нарушающее исключительные права, может быть ликвидировано

судом по требованию прокурора. Также по решению или приговору суда может быть прекращена деятельность гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, допустившего указанные правонарушения.

С целью стимулирования интеллектуальной активности необходимо создать отлаженную и непротиворечивую систему государственной поддержки проведения научных исследований и коммерциализации результатов интеллектуальной собственности [2, с. 123; 4]. В этом контексте особое значение приобретает проблематика мотивации российских ученых в их научной и инновационной деятельности.

Одним из важнейших аспектов успешного функционирования инновационной деятельности является создание эффективной системы финансовой поддержки научно-исследовательской работы отдельных научных сотрудников и научных коллективов, исследовательских университетов, работников научно-исследовательских отделов промышленных предприятий и иных организаций, а также стимулирование стремления создателей интеллектуальной собственности коммерциализации результатов их деятельности и широкому трансферу нового знания. К сожалению, до сих пор в России доля добавленной стоимости, образующейся от оборота интеллектуальной собственности в ВВП страны, составляет менее 1%, в то время как в Финляндии – 20%, в США – 12%, в Германии – около 8% [3].

В свою очередь, значительное участие интеллектуальной собственности в создании валового национального продукта и добавленной стоимости опирается на эффективное функционирование в странах системы правового регулирования деятельности работников по созданию интеллектуальной собственности, мотивации и стимулированию работников к оформлению прав на нее, а затем и передачи объекта интеллектуальной собственности тому пользователю, который сможет использовать ее наиболее целесообразно. Для России эта проблема стоит чрезвычайно остро, поскольку, согласно официальным данным, в нашей стране из

265 полученных научных результатов в среднем только один становится объектом правовой охраны, а до уровня коммерциализации и инноваций доходят еще меньше.

Исследования показывают, что, например, Финляндия по Индексу экономики знаний занимает второе место в мире, а по Индексу знаний – третье место в мире, опережая многие развитые страны. Таких высоких результатов Финляндии удалось добиться в том числе благодаря созданию эффективного механизма охраны результатов интеллектуальной деятельности и трансфера интеллектуальной собственности, а также благодаря особой системе поддержки мотивации создателей интеллектуальной собственности к ее производству, к активизации оборота объектов интеллектуальной собственности в рамках общенациональной и региональных инфраструктур инновационной деятельности.

Поэтому для стимулирования инновационного развития и расширения внедрения результатов интеллектуальной деятельности в реальное производство необходимо разработать и внедрить комплекс мер, предусматривающих расширение участия в управлении объектами интеллектуальной собственности частных предприятий, а также активное развитие деятельности патентных служб на предприятиях и в вузах. Это тем более необходимо, что, как показывает опыт развития этой сферы в последние десятилетия, многие прорывные технологии, возникающие в России, реализуются в других странах, часто на незаконной основе. Они широко используются развитыми странами, при этом «закрепляя» отставание России в мировом научно-техническом развитии, а экономические и технологические потери от этого снижают конкурентоспособность многих российских товаров и сводят на «нет» перспективы их успешного вывода на зарубежные рынки, ослабляют техническую и технологическую безопасность страны, препятствуют развитию инновационных технологий в стране.

Выводы

В ходе исследования было выявлено, что для формирования и развития инновационной экономики особое значение приобретают вопросы обеспечения надежной охраны, защиты объектов интеллектуальной собственности и их эффективного использования.

С этой целью необходимо внести изменения в законодательные акты Российской Федерации, регламентирующие вопросы правового регулирования в сфере научно-технической деятельности и интеллектуальной собственности; упростить процедуры передачи результатов интеллектуальной деятельности и имущественных прав на результаты научной и инновационной деятельности в опытно-промышленную эксплуатацию; создать отлаженную и непротиворечивую систему государственной поддержки проведения научных исследований и коммерциализации результатов интеллектуальной собственности.

Библиографический список

1. Мингалева Ж.А. О формировании правового поля в области инновационной и интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4. С. 122–126.
2. Мингалева Ж.А., Мирских И.Ю. Развитие инфраструктуры инновационной деятельности – сравнительный анализ России и Финляндии // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1–5.
3. Мирских И.Ю. Охрана интеллектуальной собственности в условиях глобализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3(17).
4. О внесении изменений в Правила осуществления государственными заказчиками управления правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения: постановление Правительства Рос. Федерации от 30 мая 2013 г. № 458 // Российская газета. 2013. 10 июня.
5. О науке и государственной научно-технической политике: Федер. закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 1996. 3 сент.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»: Федер. закон от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ // Российская газета. 2011. 26 июля.
7. Ghadar F., Sviokla J., Stephan D.A. Why life science needs its own Silicon Valley // Harvard business rev. Boston, 2012. Vol. 90, № 7/8. Pp. 25–27.
8. Hard T., Fazzani L. Intellectual Property Law. New York: Palgrave, 2000. 155 p.
9. Holyoak J., Torremans P. Intellectual Property Law. London; Edinburg; Dublin: Butterworths, 1998. 596 p.
10. Locke J. The Second Treatise. Section 27 in Two Treaties of Government edited by Peter Laslett. Cambridge University Press. 1970. 464 p.
11. Mingaleva Zh., Mirskikh I. Globalization in Education in Russia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 47 (2012). P. 1702–1706.
12. Mingaleva Zh., Mirskikh I. The Protection of Intellectual Property in educational process. In Procedia – Social and Behavioral Sciences. 83 (2013). P. 1059–1062.
13. Stiglitz J. Making Globalization Work. New York; London, 2006. 355 p.

References

1. Mingaleva Zh.A. O formirovaniy pravovogo polya v oblasti innovatsionnoy i intellektual'noy deyatel'nosti [On the Forming of the Legal Environment in the Sphere of Innovation and Intellectual Activity] // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical sciences. 2010. Vyp. 4. (In Russ).
2. Mingaleva Zh.A., Mirskikh I.Yu. Razvitie infrastruktury innovatsionnoy deyatel'nosti – sravnitel'nyy analiz Rossii i Finlyandii [The Development of Innovation Activity Infrastructure – Comparative Analysis of Russia and Finland] // Ekonomika i predprinimatel'stvo Economy and Entrepreneurship. 2014. № 1–5. (In Russ).
3. Mirskikh I.Yu. Okhrana intellektual'noy sobstvennosti v usloviyakh globalizatsii [Intellectual Property Protection in the Conditions of Globalization] // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie

- nauki* – Perm University Herald. Yuridical sciences. 2012. № 3 (17). Pp. 138–144. (In Russ).
4. *O vnesenii izmeneniy v Pravila osushchestvleniya gosudarstvennymi zakazchikami upravleniya pravami Rossiyskoy Federatsii na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti grazhdanskogo, voennogo, spetsial'nogo i dvoynogo naznacheniya: postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 30 maya 2013 g. № 458* [On the Introduction of Amendments into the Rules of Realization by State Customers of the Right Management of the Russian Federation to the Results of the Intellectual Activity of Civil, Military, Special and Double Purpose] // *Rossiyskaya gazeta* – The Russian Gazette. 2013. 10 June. (In Russ).
 5. *O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike: Federal'nyy zakon RF ot 23.08. 1996 № 127-FZ* [On Science and State Scientific-Technical Policy: Federal Law of the Russian Federation of 23 August 1996 № 127-FZ]. // *Rossiyskaya gazeta* – The Russian Gazette. 1996. 3 September. (In Russ).
 6. *O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon «O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike: Federal'nyy zakon RF ot 21.07.2011 № 127-FZ* [On the Introduction of Amendments into the Federal Law «On Science and State Scientific-Technical Policy»: Federal Law of the Russian Federation of 21 July 2011 № 127-FZ] // *Rossiyskaya gazeta* – The Russian Gazette. 2011. 26 July. (In Russ).
 7. *Ghadar F., Sviokla J., Stephan D.A.* Why life science needs its own Silicon Valley // *Harvard business rev.* Boston, 2012. Vol. 90, № 7/8. P. 25–27. [In Eng].
 8. *Hard T., Fazzani L.* Intellectual Property Law. New York: Palgrave, 2000. 155 p. [In Eng].
 9. *Holyoak J., Torremans P.* Intellectual Property Law. London; Edinburg; Dublin: Butterworths, 1998. 596 p. [In Eng].
 10. *Locke J.* The Second Treatise. Section 27 in *Two Treatises of Government* edited by Peter Laslett. Cambridge University Press. 1970. 464 p. [In Eng].
 11. *Mingaleva Zh., Mirskikh I.* Globalization in Education in Russia. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 47 (2012). P. 1702–1706. [In Eng].
 12. *Mingaleva Zh., Mirskikh I.* The Protection of Intellectual Property in educational process // In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 83 (2013). Pp. 1059–1062. [In Eng].
 13. *Stiglitz J.* Making Globalization Work. New York; London, 2006. 355 p. [In Eng].

LEGAL REGULATION AND PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN RUSSIA AND ABROAD

I. Yu. Mirskikh

Perm State University
15, Bukirev st., Perm, 614990
E-mail: gloriaday@mail.ru

Zh. A. Mingaleva

Perm National Research Polytechnic University
29, Komsomolsky prospekt., Perm, 614990
e-mail: mingall@psu.ru

Introduction: the paper analyses legal regulation of use and protection of intellectual property. The problems of creative innovation activity are revealed. **Purpose:** the authors analyse current civil legislation in order to develop practical recommendations to make intellectual property protection more effective. **Methods:** the methods of analysis and synthesis, methods of micro- and macroeconomic analysis of legal facts and events, interdisciplinary approach are used in the paper. **Results:** it is important to

analyse legal regulation in the sphere of scientific and technical activity and intellectual property in Russia and foreign countries. Such analysis will allow to reveal the main problems of the Russian legislation and to work out recommendations to improve legal regulation of intellectual property. It is essential to form an incentive system fostering more active participation of researchers in technology transfer and intellectual property commercialization. Work on simplification of the procedures of putting intellectual property and exclusive rights of scientific and innovation activity results into industrial exploitation is an important element. **Conclusions:** it is necessary to develop and introduce into practice a complex approach to solving the existing problems of intellectual property protection with an emphasis on the efforts of not only federal and regional executive authorities but also all the subjects of innovation activity, which will make it possible to improve legal regulation in this sphere.

Keywords: intellectual property; intellectual activity results; innovation; exclusive rights

Информация для цитирования:

Мирских И.Ю., Мингалева Ж.А. Правовое регулирование прав на результаты интеллектуальной деятельности в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 62–70.

Mingaleva Zh.A., Mirskikh I.Yu. *Pravovoe regulirovanie prav na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti v Rossii i za rubezhom* [Legal Regulation and Protection of Intellectual Property Rights in Russia and Abroad] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 62–70. (In Russ).

IV. МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕГО ВСЕРОССИЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА М.Ю. ЧЕЛЫШЕВА)

УДК 347:001

КОНЦЕПЦИЯ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ПОЗИЦИИ КОМПОНЕНТОВ МЕТОДОЛОГИИ ЦИВИЛИСТИКИ

В.А. Бабаков

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: vladbabakov@yandex.ru

Введение: статья посвящена вопросам, связанным с участием государства в гражданских правоотношениях и ответственностью должностных лиц за причиненный государством ущерб. Анализируются проблемы, возникающие в связи с таким участием и связанные, прежде всего, с необходимостью создания механизма защиты государства как слабой стороны. **Цель:** с позиции компонентов методологии цивилистики провести анализ существующей ситуации в сфере гражданско-правовой ответственности государства и выработать предложения по оптимизации правового регулирования рассматриваемых правоотношений. **Результаты:** обоснован подход, в рамках которого государство, в определенных правоотношениях, может рассматриваться как слабая сторона, соответственно, весь механизм осуществления гражданско-правовой ответственности государства должен быть направлен не только на привлечение государства к ответственности, но и на его защиту. Рассматривается возможность наложения теоретической модели механизма осуществления и защиты гражданских прав на предлагаемую концепцию гражданско-правовой защиты государства, что предполагает выделение основных ее элементов, стадий и принципов. Предложен механизм осуществления гражданско-правовой ответственности государства, выполняющий одновременно и функцию защиты последнего от неправомерных действий должностных лиц, предопределивших наступление гражданско-правовой ответственности государства. **Методы:** использованы аналитический и системный методы, сравнительно-правовой, технико-юридический. **Выводы:** на сегодняшний день нельзя сказать о проработанном механизме осуществления гражданско-правовой ответственности государства, обеспечивающем баланс частных и публичных интересов, прежде всего самого государства и его контрагентов. В этой связи представляется актуальной разработка новых подходов, обеспечивающих как реализацию интересов лиц, которым причинен вред государством, так и защиту интересов самого государства через механизм привлечения к ответственности соответствующих должностных лиц.

Ключевые слова: гражданско-правовая защита государства; механизм осуществления гражданско-правовой ответственности государства; ответственность должностных лиц государственных органов

Введение

Актуальность выбранной тематики обусловлена необходимостью четкого определения законодательного вектора реформирования института участия государства в гражданских правоотношениях, поскольку,

при наличии общего мнения о важности формирования новых подходов к исследованию данной проблемы, в цивилистике не сформулировано единого концептуального ее решения.

В связи с этим исследование государства как слабой стороны само по себе будет

иметь оригинальное начало, которое становится возможным подтвердить, в частности, за счет нахождения грамотных методологических подходов и теоретически выверенного использования оптимальных методов исследования.

Соглашаясь с пониманием методологической науки как совокупности методов, методик, средств, способов познания [4, с. 256], мы также поддерживаем позицию Е.Г. Комиссаровой относительно необходимости выделения трех компонентов, образующих методологию цивилистики, а именно: 1) научный материал; 2) абстрактные понятия; 3) практические выводы и предложения, ориентированные на получение нового знания [3, с. 313]. Названные компоненты положены в основу структурного построения настоящей работы.

Основное содержание

Необходимость объективного освещения текущего состояния нормативного регулирования участия государства в гражданско-правовых отношениях предполагает обращение к вопросам осуществления и защиты гражданских прав как государства, так и лиц, вступающих с ним в соответствующие правоотношения.

Согласно классической теории механизма осуществления и защиты гражданских прав, сформулированной в цивилистике, основы гарантированного осуществления субъективных прав и исполнения обязанностей должны составлять механизмы их непосредственной реализации [1, с. 113].

В этой связи представляется возможным наложение теоретической модели механизма осуществления и защиты гражданских прав на предлагаемую концепцию гражданско-правовой защиты государства, что предполагает выделение основных ее элементов, стадий и принципов.

Нами разделяется точка зрения о том, что элементами рассматриваемого механизма являются субъективные права, субъективные обязанности, юридические факты, способы осуществления прав и исполнения обязанностей, формы осуществления.

Экстраполируя приведенную формулу на рассматриваемый круг правоотношений, проведем анализ указанных элементов на примере ответственности суда за неправо-

мерные действия при осуществлении им процедуры гражданского судопроизводства.

Теоретически гражданское законодательство предусматривает возможность возмещения вреда лицом, осуществляющим правосудие. Однако нормативная реализация данного института делает такую ответственность практически невозможной. В качестве примера рассмотрим следующий случай из судебной практики. В рамках рассмотрения гражданского дела суд назначил экспертизу, поставив на разрешение эксперта вопрос о наличии или отсутствии дефектов в товаре, несмотря на факт признания ответчиком соответствующих дефектов проданного истцу товара и письменное заявление ответчика о признании факта наличия дефекта в смартфоне (дело № 2-1694/2014, рассмотренное мировым судьей судебного участка № 2 Кировского района г. Саратова).

При этом действующее законодательство фактически исходит из того, что судья, неправоммерно назначив экспертизу в гражданском процессе, при проигрыше дела ответчиком не будет нести гражданско-правовой ответственности за свои действия, поскольку применить к данной ситуации ст. 1070 ГК РФ практически невозможно, так как вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

В то же время все остальные участники процесса (лица, участвующие в деле) имущественную ответственность несут в силу положений ст. 98 ГПК «Распределение судебных расходов между сторонами», согласно которой стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных частью второй статьи 96 ГПК РФ. В случае если иск удовлетворен частично, судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

Таким образом, при причинении вреда специальным субъектом, который должен

нести повышенную ответственность, фактически текущее состояние законодательства позволяет говорить об отсутствии его ответственности, остальные же участники процессуальных правоотношений несут ответственность на общих основаниях.

Рассмотрим еще один пример из судебной практики, позволяющий сделать вывод об аналогичном рассмотренному состоянию правового регулирования рассматриваемого института в сфере уголовного судопроизводства. Европейский суд по правам человека в своем постановлении от 3 марта 2011 г. по делу «Купцов и Купцова (Kuptsov and Kuptsova) против Российской Федерации» установил следующие факты. Заявители жаловались, в частности, что заявитель содержался под стражей в ужасающих условиях, предварительное заключение его под стражу было незаконным и чрезмерно длительным и не сопровождалось соответствующими процессуальными гарантиями и что уголовное разбирательство в отношении него было несправедливым. Определяя право, подлежащее применению, суд отметил, что пункт 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Согласно статье 1069 Гражданского кодекса, за вред, причиненный гражданину в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо должностных лиц этих органов, несут ответственность этот орган или должностное лицо. Вред возмещается за счет казны Российской Федерации или казны субъекта Российской Федерации. Статьи 151 и 1099–1101 Гражданского кодекса предусматривают компенсацию морального вреда. Статья 1099, в частности, устанавливает, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

В рамках пункта 65 рассматриваемого постановления отмечается, что власти Российской Федерации выдвигали доводы в отношении неисчерпания национальных средств правовой защиты в большом количестве дел, касавшихся условий содержания

под стражей в России. Европейский суд рассмотрел и отклонил их, установив неэффективность таких средств (см., например, постановление Европейского суда от 29 апреля 2010 г. по делу «Христофоров против Российской Федерации» (Khristoforov v. Russia), жалоба № 11336/06, § 18, и постановление Европейского суда от 12 марта 2009 г. по делу «Александр Макаров против Российской Федерации» (Aleksandr Makarov v. Russia), жалоба № 15217/07, § 84–91). Европейский суд не усматривает в доводах властей Российской Федерации оснований, которые вынудили бы его отступить от ранее сделанных выводов. Власти Российской Федерации указали такие средства, как жалоба прокурору и гражданско-правовой иск. Они, однако, не сослались на соответствующую правовую базу. Кроме того, власти Российской Федерации не привели примера устоявшейся позиции в национальной судебной практике, когда ущерб действительно был бы возмещен в случаях, сходных с обстоятельствами настоящего дела. Следовательно, данное возражение властей Российской Федерации должно быть отклонено [2, с. 50–65].

Указанный пример примечателен еще и тем, что в нем Европейский суд по правам человека демонстрирует, на наш взгляд, совершенно оправданный подход, основанный в том числе на учете личности лица (совершившего, в данном случае, ряд уголовных правонарушений), пострадавшего от действий государства, что дает возможность суду вынести постановление, которым он признал жалобу в части предположительно бесчеловечных условий содержания заявителя в камере для временно доставленных лиц, незаконности его содержания под стражей, чрезмерного срока его содержания под стражей, отсутствия процессуальных гарантий на слушаниях по вопросу о содержании под стражей, нарушения его права на безотлагательное рассмотрение вопроса относительно его содержания под стражей и незаконного формирования состава суда приемлемой, постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в части условий содержания под стражей заявителя в камере для временно доставленных лиц, установил другие нарушения Конвенции,

связанные со сроками проведения судебного разбирательства, незаконным составом суда и т.д., но решил не присуждать заявителю какой-либо суммы на основании статьи 41 Конвенции.

Представляется, что текущее состояние как законодательного регулирования ответственности государства за неправомерные действия, так и теории гражданско-правового права сводится к тому, что неправомерные действия государства либо не влекут гражданско-правовой ответственности вообще, либо к подобной ответственности привлекается непосредственно государство.

При этом должностные лица, чьи неправомерные действия и явились причиной нанесения вреда контрагенту, к гражданско-правовой ответственности фактически не привлекаются, что позволяет сделать вывод об отсутствии соответствующих средств гражданско-правовой защиты государства от их неправомерных действий. Иными словами, можно указать на отсутствие в законодательстве таких элементов механизма осуществления и защиты гражданских прав, как четкая регламентация обязанности соответствующего субъекта (суда) по возмещению вреда, юридических фактов, влекущих наступление ответственности, способов и средств осуществления.

Результаты

Использование первых двух из названных компонентов методологии цивилистики позволяет предложить новый теоретический подход к проблеме участия государства в гражданско-правовых отношениях, а именно концепцию прямой (непосредственной) ответственности должностных лиц за неправомерные действия, следствием которых является причинение вреда государству и контрагентам. Создание теоретической модели участия государства в гражданско-правовых отношениях, в рамках которой существовал бы институт непосредственной ответственности должностных лиц за действия государства, приводит к выводу, что подобный подход в большей степени отвечает интересам всех участников гражданских правоотношений.

Принцип персонализации ответственности должен являться одним из базовых принципов в контексте создания эффектив-

но действующего механизма гражданско-правовой защиты государства. Критерии же оценки деятельности и привлечения должностных лиц к ответственности должны быть четко разработаны и в целом соответствовать общим критериям подобного рода, принятым в гражданском законодательстве. Так, сравнительно-правовой анализ законодательства в сфере ответственности государственных (гражданских) служащих в отдельных зарубежных странах (Великобритании, США, ФРГ, Франции) позволяет сформулировать положения, связанные с возможностью заимствования следующих аспектов регулирования ответственности гражданских служащих: во-первых, необходимости разделения их на различные группы в зависимости от наделения их властными полномочиями в сфере принятия управленческих решений и дифференциации ответственности в рамках указанных групп и, во-вторых, четкой регламентации процедуры привлечения указанных лиц к ответственности. В качестве примера подобного подхода можно привести ФРГ, где указанные вопросы подробно регламентированы Положением о прохождении государственной службы в Федерации (1978) и, прежде всего, Федеральным дисциплинарным уставом (1967) [5, с. 48]. Отметим также, что немецкое законодательство предусматривает ответственность должностных лиц в подобных случаях при причинении ими вреда умышленно или по грубой неосторожности, причем, согласно ст. 826 ГК Германии, лицо, умышленно причинившее вред, обязано его возместить и исковые требования могут быть предъявлены непосредственно к нему.

Выводы

Стабильность гражданского оборота требует создания механизма, предусматривающего обязанность соответствующих органов (правоохранительных органов, судов и т.д.) по определению и привлечению к ответственности должностных лиц, виновных в причинении вреда государством. Одновременно лицу, перед которым государство несет гражданско-правовую ответственность, должны быть предоставлены гарантии осуществления соответствующей компенсаторной функции ответственности, однако в определенных случаях эти функции

должны реализоваться «напрямую», обеспечивая взыскание непосредственно с лица, чьи действия/бездействие повлекли убытки. Полагаем, что решение всех означенных вопросов возможно исключительно в рамках судебной формы защиты права.

Библиографический список

1. *Вавилин Е.В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2012. 364 с.
2. *Дело «Купцов и Купцова (Kuptsov and Kuptsova) против Российской Федерации»:* постановление Европейского суда по правам человека от 3 марта 2011 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 4.
3. *Комиссарова Е.Г.* Методологический потенциал гражданско-правовой науки // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4(22).
4. *Кузнецова О.А.* Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4(26).
5. *Россия и европейский опыт госслужбы /* под ред. М.Г. Носова. М.: Русский сувенир, 2008.
1. *Civil Law. The Mechanism of Realization and Protection of Civil Rights*. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ., 2012. 364 p. (In Russ).
2. *Delo «Kupcov i Kupcova (Kuptsov and Kuptsova) protiv Rossijskoj Federacii»:* *Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 3 marta 2011 g.* [“Kuptsov and Kuptsova Case (Kuptsov and Kuptsova) against the Russian Federation”]: Decision of the European Court of Human Rights of 3 March 2011] // *Byulleten' Evropejskogo suda po pravam cheloveka. Rossijskoe izdanie – Bulletin of the European Court of Human Rights. The Russian Edition.* 2012. № 4. (In Russ).
3. *Komissarova E.G. Metodologicheskij potencial grazhdansko-pravovoj nauki* [Methodological Potential of the Civil Science] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences.* 2013. Vyp. 4(22). Pp. 310–315. (In Russ).
4. *Kuznetsova O.A. Metody nauchnogo issledovaniya v civilisticheskix dissertacijah* [Methods of Scientific Research in Civil Dissertations] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences.* 2014. Vyp. 4(26). Pp. 254–270. (In Russ).
5. *Rossija i evropejskij opyt gossluzhby / pod red. M.G. Nosova.* [Russia and the European Experience of Public Service / ed. by M.G. Nosov]. Moscow: Russkij сувенир, 2008. (In Russ).

References

1. *Vavilin E.V. Principy grazhdanskogo prava. Mekhanizm osushchestvleniya i zashchity grazhdanskih prav* [Principles of

THE CONCEPT OF THE STATE INVOLVEMENT IN CIVIL LEGAL RELATIONS IN TERMS OF CIVIL LAW METHODOLOGY COMPONENTS

V.A. Babakov

Saratov State Academy of Law
1, Volskaya st., Saratov, 410056
E-mail: vladbabakov@yandex.ru

Introduction: the article is devoted to the issues connected with involvement of the state in civil legal relations and responsibility of officials for the damage caused by the state. The problems arising due to such involvement are analysed, primarily those associated with the necessity to create a mechanism of protection of the state as a blank side. **Purpose:** the article is aimed at the analysis of the existing situation in the sphere of civil liability of the state in terms of civil law methodology components, as well as at

development of proposals to improve the legal regulation of the relations considered. **Results:** the approach is justified, according to which in certain legal relations the state can be regarded as a blind side, so the whole mechanism of the state civil liability implementation should be oriented not only to bringing the state to responsibility, but also to its defence. We also consider the possibility to apply a theoretical model of civil rights implementation and protection mechanism on the proposed conception of civil protection of the state, which involves working out its major elements, stages and principles. A mechanism of the state civil liability implementation has been proposed, which can also protect the state from particular wrong acts of officials resulting in civil responsibility of the state. **Methods:** analytical, systemic methods, comparative legal and technical methods are used. **Conclusions:** at present one cannot say that a mechanism of the state civil responsibility implementation, which would provide the balance between private and public interests of the state and its contractors, has been worked out. In this regard, it is urgent to develop new approaches to meet the interests of those hurt by the state and to protect the interests of the state itself through the mechanism of bringing officials concerned to responsibility.

Keywords: civil protection of the state; mechanism of the state civil liability implementation; responsibility of state body officials

Информация для цитирования:

Бабаков В.А. Концепция участия государства в гражданско-правовых отношениях с позиции компонентов методологии цивилистики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 71–76.

Babakov V.A. *Kontseptsiya uchastiya gosudarstva v grazhdansko-pravovyyih otnosheniyah s pozitsii komponentov metodologii tsivilistiki* [The Concept of the State Involvement in Civil Legal Relations in Terms of Civil Law Methodology Components] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 71–76. (In Russ).

МЕТОДОЛОГИЯ УРОВНЕВОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ДОГОВОРНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Л.Т. Бакулина

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420018, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: bltkfu@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются возможности применения методологии уровневого подхода к исследованию договорного правового регулирования. **Цель:** автор анализирует и сопоставляет различные подходы к определению места договорного регулирования в структуре правового регулирования. **Задачи:** проанализировать основные подходы к правовому регулированию; выявить особенности договорного правового регулирования; обозначить возможности использования методологии уровневого подхода. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает уровневый подход. В работе также использованы общенаучные (системный, методы логики) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой). В ходе научного поиска особое внимание уделялось системному методу исследования в сопоставлении с уровневым подходом. **Результаты:** в статье обосновывается авторское определение договорного правового регулирования как самостоятельного уровня в структуре правового регулирования. Ставится проблема совершенствования методологического инструментария в исследовании государственно-правовых явлений и процессов. **Выводы:** договорное правовое регулирование имеет комплексный межотраслевой характер. Делается вывод о сложности построения его механизма без пересмотра существующих методологических позиций по проблеме правового регулирования, как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках.

Ключевые слова: методология уровневого подхода; системный подход; межотраслевой подход; договорное правовое регулирование; уровни, типы, виды правового регулирования

Введение

О кризисе социально-гуманитарных наук в целом и юриспруденции, в частности, в эпоху постнеклассического модерна дискуссии ведутся давно, но не безрезультатно. Значительное количество публикаций, появившихся за последнее десятилетие, в рамках обсуждаемой проблемы связано с обоснованием необходимости пересмотра методологического арсенала [6; 13], в том числе о возможности использования при изучении правовых явлений и процессов в качестве самостоятельного или в контексте системного подхода, или как части междисциплинарного подхода методологических приемов, способов и средств уровневого подхода [4; 5, с. 181–185].

Следует отметить, что категориально-понятийный аппарат как системного, так и уровневого подходов включает такие термины, как «уровень», «элемент», «структура» и другие, однако в рамках анализируемых подходов они трактуются по-разному [7, с. 524]. Несмотря на существующие различия в понимании исследователями содержания, системы способов, приемов, потенциала уровневого и системного подходов, в юридической науке достаточно давно и плодотворно используются оба указанных подхода.

О перспективах применения системного подхода еще в 70-е годы XX века неоднократно писали теоретики права С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, Л.С. Явич, С.В. Поленина и др. В последующий период развития теоретических знаний о государстве и праве уровневый подход применялся

в исследовании различных государственно-правовых явлений и процессов: методологии научного познания [3, с.143–144]; механизма правового регулирования [1; с.15]; правореализации [12]; системы права [9, с. 239–247]; функций права [11] и др. В ряде работ Д.И. Фельдмана, Г.И. Курдюкова, В.Н. Лихачева показаны возможности системного исследования при анализе важнейших теоретических и ряда практических аспектов науки международного права [16].

Поскольку вопрос о «статусе» уровневых подходов остается открытым, следует отметить, что отдельными авторами используются категория «междисциплинарный подход». Например, М.Ю. Челышев в контексте исследования межотраслевых связей гражданского права отмечал, что междисциплинарный подход отражается в межотраслевом методе юридических исследований, который, в свою очередь, сочетает в себе элементы сравнительно-правового и системного методов исследования [17, с. 119–145].

При сложной структуре явлений государственно-правовой действительности возможность использования методологического потенциала уровневого подхода в их исследовании носит объективный характер вне зависимости от того, определяется ли он как самостоятельный или выступает как элемент системного подхода, или в качестве метода в междисциплинарном подходе. Несмотря на то, что наличие различных уровней (элементов, связей и отношений между элементами и т.д.) обуславливает выделяемая многими авторами иерархичность системы, на наш взгляд, возможно обоснование и использование уровневого подхода в качестве самостоятельного при исследовании государственно-правовых явлений и процессов. Однако это потребует более глубокой теоретической проработки, поскольку «любые общенаучные методологические принципы и подходы, прежде чем они начнут играть конструктивную роль в специальных науках, должны пройти своеобразную переплавку, в результате которой они становятся не внешними той или иной конкретной дисциплине, а имманентными ее предмету и сложившейся в ней системе понятий» [18, с. 49]. В то же время неопре-

деленность методологического статуса уровневого подхода не препятствует его эффективному использованию в конкретно-научных исследованиях, в частности в изучении договорного правового регулирования.

В общей теории права правовое регулирование относят к разряду многоуровневых явлений, которое осуществляется различными субъектами, в разных сферах общества, неодинаковыми способами и при помощи отличающихся друг от друга правовых средств. В связи с этим в юридической литературе используют различные основания классификации правового регулирования, называя их видами, типами, сферами, уровнями (в частности, применительно к нормативному и индивидуальному правовому регулированию) и т.п.

Категория «договорное регулирование» чаще используется в цивилистических исследованиях, нежели в теории государства и права, да и законодатель редко прибегает к указанной конструкции. В этой связи интересна позиция Ю.С. Решетова, который считает, что правовое регулирование бывает односторонне властным (вертикальным) и договорным (горизонтальным) [10, с. 8–9]. В свою очередь, каждый из указанных уровней правового регулирования, на наш взгляд, также подразделяется на отдельные уровни (подуровни), виды и т.п.

Сложность исследования правового регулирования в определенной степени обусловлена плюралистичностью современного научного знания, в том числе в отношении понимания права. Кроме того, значительные изменения происходят и в юридической практике, где, несмотря на многообразие средств правового регулирования, прежний инструментарий явно нуждается в модернизации [14]. В этой связи обращает на себя внимание тенденция, с одной стороны, увеличения объема договорного регулирования в тех сферах, которые и ранее подвергались договорному регулированию (например, договорное регулирование имущественных отношений, алиментные обязательства и др.), с другой стороны, расширения сферы договорного регулирования общественных отношений, которые ранее договором не

регулировались (административные и финансовые отношения).

Использование методологии уровневого подхода образно представляет собой просмотр кинофильма в 3D-формате: «плоскостное» понимание видов правового регулирования, в частности нормативного и индивидуального, властного и автономного, федерального, регионального, муниципального, локального и др., преобразуется в многоуровневый процесс, где уровни имеют точки пересечения как по горизонтали, так и по вертикали. Например, на локальном уровне осуществляется как нормативное (правила, регламенты, положения), так и договорное (коллективный договор и соглашения по социальному партнерству в трудовом праве) регулирование общественных отношений. Поэтому в контексте выделяемых в науке нормативного и индивидуального, властного и автономного уровней правового регулирования локальное регулирование «пересекается» как с властным (вертикальным), так и автономным (горизонтальным) уровнями правового регулирования, где с первым приобретает нормативный характер, а со вторым – договорный характер [8, с. 11].

Анализ существующих в юридической науке позиций весьма авторитетных в области теории права ученых позволяет сделать вывод о многогранности категории «договорное правовое регулирование». Договорное правовое регулирование имеет комплексный межотраслевой характер. Полагаем, что применение уровневого подхода [2] будет способствовать наиболее точному определению места договорного регулирования в системе правового регулирования, выявлению его сущностных признаков, выделению подуровней и видов, формированию действенного механизма. Однако это вызовет необходимость пересмотра существующих методологических позиций по проблеме правового регулирования как в общей теории права, так и в отраслевых юридических науках.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. I. 361 с.
2. *Бакулина Л.Т.* Уровневый подход в исследовании правовых явлений и процессов // Правореализация и юрид. процесс: инновац. методы к построению моделей: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2011. С. 13–17.
3. *Васильев А.М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
4. *Гурьянов В.Н.* Системная природа социального бытия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 2 (7). С. 130–136.
5. *Кашанина Т.В.* Структура права. М.: Проспект, 2015. 584 с.
6. *Козлихин И.Ю.* О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31–40.
7. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.
8. *Левина М.В.* Договорное правовое регулирование в публично-правовой сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. 21 с.
9. *Общая теория государства и права: в 2 т. / ред. проф. М.Н. Марченко.* М.: Зерцало, 1998. Т. 2. 622 с.
10. *Правовое регулирование и правореализация / Л.Т. Бакулина, И.Г. Горбачев, Д.Н. Горшунов и др.; науч. ред. Ю.С. Решетов.* Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 164 с.
11. *Реутов В.П.* Функциональная природа системы права / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2002. 163 с.
12. *Решетов Ю.С.* Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. 167 с.
13. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. М.: Норма; Инфра-М, 2014. 464 с.
14. *Тихомиров Ю.А.* Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал рос. права. 2001. № 5. С. 3–12.
15. *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1987. 336 с.
16. *Фельдман Д.И., Курдюков Г.И., Лихачев В.Н.* О системном подходе в науке

международного права // Правоведение. 1980. № 6. С. 40–47.

17. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 206 с.
18. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. 391 с.

References

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava: v dvukh tomakh* [General Theory of Law: in Two Volumes]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1981. V. I. 361 p. (In Russ).
2. Bakulina L.T. *Urovnevyy podkhod v issledovanii pravovykh yavleniy i protsessov* [The Level Approach in Studying Legal Phenomena and Processes] // *Pravorealizatsiya i yuridicheskiy protsess: innovatsionnye metody k postroeniyu modeley: sb. statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* – Realization of Law and Legal Process: Innovative Methods to Build Models: Collected Articles of the International Research-to-Practice Conference. Kazan, 2011. Pp. 13–17. (In Russ).
3. Vasil'yev A.M. *Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava* [Legal Categories: Methodological Aspects of the Development of Categories of Theory of Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1976. 264 p. (In Russ).
4. Gur'yanov V.N. *Sistemnaya priroda sotsial'nogo bytiya* [Systemic Nature of Social Existence] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod: "Social Science". 2007. № 2(7). Pp. 130–136. (In Russ).
5. Kashanina T.V. *Struktura prava* [The Structure of Law]. Moscow: Prospekt, 2015. 584 p. (In Russ).
6. Kozlikhin I.Yu. *O netraditsionnykh podkhodakh k pravu* [On the Innovative Approaches towards Law] // *Pravovedenie – Jurisprudence*. 2006. № 1. Pp. 31–40. (In Russ).
7. Kerimov D.A. *Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of Legal Philosophy)]. Moscow: Avanta+, 2001. 560 p. (In Russ).
8. Levina M.V. *Dogovornoe pravovoe regulirovanie v publichno-pravovoy sfere: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Contractual Legal Regulation in Public Law: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2014. 21 p. (In Russ).
9. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law, in 2 vols. / ed. by M.N. Marchenko]. Moscow: Zertsalo, 1998. Vol. 2. 622 p. (In Russ).
10. *Pravovoe regulirovanie i pravorealizatsiya* [Legal Regulation and Realization of Law / ed. by L.T. Bakulina, I.G. Gorbachev, D.N. Gorshunov, Yu.S. Reshetov]. Kazan: Izdatelstvo kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 164 p. (In Russ).
11. Reutov V.P. *Funktsional'naya priroda sistemy prava* [Functional Nature of the Legal System]. Perm, 2002. 163 p. (In Russ).
12. Reshetov Yu.S. *Mekhanizm pravorealizatsii v usloviyakh razvitogo sotsializma* [The Mechanism of Legal Realization under the Conditions of Developed Socialism]. Kazan, 1980. 167 p. (In Russ).
13. Syrykh V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [The History and Methodology of Jurisprudence]. Moscow: Norma: Infra-M, 2014. 464 p. (In Russ).
14. Tikhomirov Yu.A. *Publichno-pravovoe regulirovanie: dinamika sfer i metodov* [Public Law Regulation: Dynamics of the Spheres and Methods] // *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2001. № 5. Pp. 3–12. (In Russ).
15. Fatkullin F.N. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [The Problems of the Theory of State and Law]. Kazan: Izd-vo Kazan. gos. un-ta, 1987. 336 p. (In Russ).
16. Fel'dman D.I., Kurdyukov G.I., Likhachev V.N. *O sistemnom podkhode v nauke mezhdunarodnogo prava* [On the Systemic Approach to the Science of International Law] // *Pravovedenie – Jurisprudence*. 1980. № 6. Pp. 40–47. (In Russ).
17. Chelyshev M.Yu. *Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava* [The Fundamentals of the Doctrine of Inter-branch Connections of Civil Law].

- Kazan: Kazan State University Publ., 2008. 206 p. (In Russ).
18. Yudin E.G. *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti* [The Systemic Approach and

the Principle of Activity]. Moscow: Nauka, 1978. 391 p. (In Russ).

METHODOLOGY OF THE TIERED APPROACH IN RESEARCH OF CONTRACTUAL LEGAL REGULATION

L.T. Bakulina

Kazan Federal University
18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008
E-mail: bltkfu@mail.ru

Introduction: the article considers the possibility of applying methodology of the tiered approach to study of contractual legal regulation. **Purpose:** the author analyses and compares various approaches to define the place of contractual regulation in the structure of legal regulation. **Objectives:** to analyse the main approaches to legal regulation; to identify peculiarities of contractual legal regulation; to define the possibility of using the tiered approach methodology. **Methods:** the methodological framework of this study is based on a set of methods of scientific cognition, among which the tiered approach is the major one. The author also uses general scientific methods (systemic method, methods of logics) and methods specific to legal science (formal, comparative). Special attention is paid to the systemic method of research, along with the tiered approach. **Results:** the article provides the author's definition of contractual legal regulation as an independent level of the legal regulation structure. The problem of improving methodological tools while studying state-legal phenomena and processes has been set. **Conclusions:** contractual legal regulation is of a complex interdisciplinary nature. The conclusion is drawn that it is difficult to construct its mechanism without reconsideration of the existing methodological positions on the legal regulation problem both in general theory of law and specific juridical sciences.

Keywords: methodology of the tiered approach; systemic approach; cross-sectoral approach; contractual legal regulation; tiers; types of legal regulation

Информация для цитирования:

Бакулина Л.Т. Методология уровневого подхода в исследовании договорного правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 77–81.

Bakulina L.T. *Metodologiya urovnevogo podkhoda v issledovanii dogovornogo pravovogo regulirovaniya* [Methodology of the Tiered Approach in Research of Contractual Legal Regulation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 77–81. (In Russ).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРИОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В.В. Васильев

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, доцент
Тверской государственной университет
170001, г. Тверь, ул. Желябова, 1
E-mail: pdvv@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются актуальные проблемы методологии исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве. Важность и актуальность избранной темы предопределяется недостаточной разработанностью выбранных для исследования проблем, необходимостью научного познания предпосылок функционирования структуры гражданского права, перспектив и тенденций ее развития. **Цели и задачи:** исследование методологических подходов направлено на определение оптимального научного метода познания сущности и значимости внутриотраслевых связей в гражданском праве, использование которого позволит на научном уровне обосновать целостную концепцию внутриотраслевых связей в гражданском праве, сформировав ряд предпосылок для ее всестороннего и объективного анализа. **Обсуждения:** познание значимости внутриотраслевых связей в гражданском праве на уровне цивилистических исследований может быть эффективным только в том случае, если оно основывается на строго научном методологическом подходе, позволяющем с помощью различных средств и методов познания выявить специфику и характер взаимодействия между различными элементами системы гражданского права, обосновать их обусловленность и зависимость. При этом один из таких методов является доминирующим, поскольку позволяет наиболее полно рассмотреть объект исследования. Научное познание внутриотраслевых связей предполагает использование структурно-системного метода исследования, заключающегося в анализе сущности и значимости связей между различными уровнями элементов системы: между общими нормами гражданского права; между институтами Общей части гражданского права; между элементами Общей части и институтами Особенной части. **Выводы:** предлагаемый структурно-системный методологический подход (метод) к исследованию внутриотраслевых связей в гражданском праве позволяет раскрыть сущность и значимость объекта исследования и использовать полученные результаты для решения одной из важнейших научных цивилистических проблем – обоснования целостности системы гражданского права и единства формирующих эту систему элементов.

Ключевые слова: структура гражданского права; методы исследования структуры; связи в гражданском праве; система гражданского права; целостность системы

Введение

Исследование проблем функционирования системы гражданского права и анализ взаимодействия структурных элементов отраслевой системы – важнейшие задачи современной цивилистической науки, решение которых может быть продуктивным только в случае исследования на высоком научном уровне внутриотраслевых связей в гражданском праве. При этом полнота тако-

го исследования и обоснованность полученных результатов зависят от выбранной методологии исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве.

Попытки научного анализа внутриотраслевых связей в системе гражданского права, предпринятые в цивилистической литературе, немногочисленны [7; 8]. Это актуализирует их дальнейшее исследование с целью формирования целостной концепции внутриотраслевых связей в гражданском праве Российской Федерации.

Основной контент

Методология исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве, как и анализ других правовых проблем, прежде всего предполагает выявление цели и задач исследования, поскольку их формирование будет играть решающую роль в выборе научных подходов к их исследованию.

Следует согласиться с О.А. Кузнецовой в том, что исследовательский процесс начинается с обнаружения и формулирования научной проблемы, разрешение которой представляет цель научной работы [2, с. 254]. Цель исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве обусловлена и вытекает из самой сущности гражданского права как регулятора частноправовых общественных отношений. Ее осмысление неразрывно связано с пониманием и оценкой гражданско-правовых средств, способствующих отраслевой системности, т.е. обеспечению целостности гражданского права и единства составляющих его элементов. Диалектика цели исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве и гражданско-правовых средств проявляется в том, что последние определяются в зависимости от выявленных целей и их сущность производна от них. В связи с этим решение вопроса о цели должно претворять определение задач исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве. Представляется обоснованным выделение пяти таких задач.

Во-первых, это исследование предпосылок функционирования внутриотраслевых связей в гражданском праве, а именно познание взаимодействия и взаимной обусловленности системообразующих факторов гражданского права – предмета, метода, принципов и функций гражданского права. Это позволит рассмотреть их в системной целостности, установив тенденции развития и совершенствования.

Во-вторых, одной из задач является исследование внутриотраслевых связей в гражданском праве с точки зрения обоснования справедливого баланса частных и публичных интересов в гражданских правоотношениях. По своей сути речь идет о

научном анализе соотношения и взаимодействия гражданско-правовых норм частноправовой и публично-правовой природы.

В-третьих, задачей исследования внутриотраслевых связей в системе гражданского права является определение или выявление нормативно-правового смысла, содержания, регулятивной и охранительной направленности структурных элементов отраслевой системы. Решение такой задачи может быть достигнуто только путем анализа взаимосвязей отдельных элементов системы с другими нормами и институтами гражданского права. Такая задача предопределяет практическую значимость исследования внутриотраслевых связей. На уровне гражданского законодательства правовой смысл нормы и ее регулятивный потенциал может быть определен исходя из имплементации в институты законодательства отсылочных норм, закрепляющих исключения из общего правила или предусматривающих регулирование определенных общественных отношений, нормами, расположенными в различных разделах и главах ГК РФ или иных актах гражданского законодательства. Например, по п. 1 ст. 160 ГК РФ, двусторонние (многосторонние) сделки могут совершаться способами, установленными пунктами 2 и 3 ст. 434 ГК РФ.

Выявление правового смысла путем анализа взаимосвязей между гражданско-правовыми нормами и институтами проявляется и на уровне конституционного нормотворчества, в том числе в результате выявления конституционно значимого содержания Конституционным Судом РФ. Так, Конституционный Суд РФ указал, что правовая оценка п. 2 ст. 782 ГК РФ не может быть осуществлена без учета взаимосвязи с иными нормами Гражданского кодекса РФ, а также положениями других нормативных актов, регулирующих отношения по оказанию медицинской помощи [3], а в других решениях определил конституционное содержание ст. 1084 ГК РФ как не нарушающее права граждан ввиду ее взаимосвязи с иными нормами гл. 59 ГК РФ [4; 5].

В-четвертых, к одной из задач исследования внутриотраслевых связей следует

отнести обоснование единства нормативного правового регулирования. При этом обоснование такого единства достигается двумя путями: во-первых, в результате выявления прямой связи Общей и Особенной частей, а, во-вторых, посредством исследования взаимосвязей гражданско-правовых норм, имплементированных в различные акты гражданского законодательства. Решение этой задачи в цивилистических исследованиях имеет практическую ценность, что подтверждается судебной практикой [6].

В-пятых, задачей исследования внутриотраслевых связей является анализ договорного и законодательного регулирования гражданских правоотношений, т.е. выявление соотношения норм гражданского права и норм гражданско-правовых договоров. При этом понятие «договорное регулирование» в исследуемом контексте следует толковать расширенно, включая и практику, установившуюся в деятельности сторон гражданского оборота. Решение этой задачи представляется важным, несмотря на то, что сами договорные нормы не обладают нормативной природой и соответственно не являются элементами системы. В силу этого на первый взгляд постановка такой задачи выходит за пределы исследования внутриотраслевых связей. Но представляется, что такой вывод был бы не корректным. Договорные нормы направлены на создание гражданско-правовых прав и обязанностей и в любом случае не находятся над системой гражданского права. Несмотря на определенную свободу участников гражданского оборота в выборе вариантов своего поведения, главным образом в обязательственных отношениях, основанных на договоре, условия договора, облеченные в договорные нормы, не могут существовать абстрагированно от системы гражданского права, от ее структурных элементов. Ценность исследования внутриотраслевых связей в этом случае проявляется именно в обеспечении взаимодействия гражданско-правовых норм, институтов и других элементов системы гражданского права, обеспечивающих координацию договорного регулирования, недопустимость злоупотребления правами и

использования доминирующего положения на рынке. Результатом разрешения этой задачи могут стать обоснование границ нормативного регулирования нормы и институты гражданского права частноправовой сферы договорных отношений.

По своей природе все предлагаемые задачи исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве имеют одну объединяющую цель исследования – обоснование целостности системы гражданского права. Качество целостности системы гражданского права в научных исследованиях часто рассматривают поверхностно, только используя это понятие. Целостность системы гражданского права является внутренним свойством правовой отрасли, проявляющимся в процессе правового регулирования общественных отношений, т.е. в результате взаимодействия гражданско-правовых норм, институтов и других элементов системы гражданского права. Следует согласиться с Д.А. Керимовым в том, что «системное правовое целое образует единство в результате структурной упорядоченности его частей, определяющей их функциональные зависимости и взаимодействия» [1, с. 234]. Целостность же является неизменным условием существования любой правовой системы, в том числе и системы гражданского права. При этом целостность системы имеет лишь косвенное отношение к самим элементам системы: гражданско-правовым нормам, институтам и др. Исследование целостности должно основываться на анализе устойчивости связей между этими элементами, поскольку именно связи превращают гражданско-правовые нормы, институты и иные элементы системы гражданского права в определенное качественное целое – систему гражданского права.

Это приводит к выводу, что условием познания целостности гражданского права с точки зрения методологии юридического исследования является анализ отраслевой структуры, рассматриваемой как совокупность взаимосвязей между различными элементами системы гражданского права. В связи с этим познание цивилистической це-

лостности связано с исследованием правовой организации и взаимодействия гражданско-правовых норм, институтов и других элементов системы. Иными словами, обоснование целостности гражданского права, рассматриваемой как свойство гражданского права или принцип строения отраслевой системы, становится непосредственной целью исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве. Достижение этой цели и научное обоснование полученных результатов будет способствовать научной аргументации единства элементов отраслевой системы (гражданско-правовых норм, институтов и подотраслей гражданского права) и структуры (совокупности внутриотраслевых связей). В этом проявляется парадигма цивилистической науки: исследование элементов системы гражданского права не имеет смысла без структуры, а структура бессмысленна без элементов.

Поставленная цель и раскрывающее ее содержание задачи научного исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве могут быть решены и достигнуты основываясь на использовании структурно-системного метода исследования, отражающего системный подход к оценке и поиску решения научных проблем цивилистики.

Предлагаемый методологический подход связан с тем, что внутриотраслевые связи в гражданском праве отражают перманентное состояние взаимодействия структурных элементов отраслевой системы и такое взаимодействие носит многоуровневый характер. При этом использование структурно-системного метода в исследовании внутриотраслевых связей позволяет выявить их сущность и значимость на каждом из рассматриваемых уровней.

Первый уровень исследования образуют взаимосвязи между первичными элементами системы – гражданско-правовыми нормами. При этом этот уровень взаимодействия проявляется в двух подуровнях: первый подуровень – это взаимодействие между общими нормами, образующими Общую часть гражданского права; второй подуровень – это взаимодействие между

нормами Общей части и специальными гражданско-правовыми нормами.

Например, на первом уровне очевидной является взаимосвязь норм-принципов и общих норм о сделках, недействительности сделок; эти же нормы-принципы связаны с нормами о гражданско-правовых обязательствах и договорах; нормы, регламентирующие основные положения о юридических лицах, непосредственно связаны с гражданско-правовыми нормами, регулирующими правовое положение каждого отдельного юридического лица и т.д. Практическая значимость исследование такого уровня взаимодействия связана с необходимостью анализа координации гражданско-правовых норм с целью обоснования системности гражданского права, поскольку именно познание сущности и значимости взаимосвязей между элементами первого уровня, т.е. между гражданско-правовыми нормами является базовым условием для аргументации научных выводов об отраслевом единстве как гражданско-правовых норм, так и более крупных элементов системы гражданского права.

Вторым уровнем исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве является анализ взаимосвязей между гражданско-правовыми нормами и субинститутами, а также связей между гражданско-правовыми институтами. Внутри этого уровня исследования научная оценка должна быть дана воздействию общих гражданско-правовых норм на любые институты гражданского права – общие и специальные. Так, нормы о недействительности сделок и их последствиях находятся во взаимосвязи с большинством институтов обязательственного права. Это обеспечивает законченное правовое регулирование всей подотрасли обязательственного права. Гражданско-правовая норма, регулирующая свободу договора, за некоторым исключением может быть применена к любому институту обязательственного права и т.д.

Третьим уровнем методологического познания внутриотраслевых связей является исследование внутриотраслевых связей между гражданско-правовыми институтами.

Такие связи могут существовать при заключении гражданско-правового договора, условия которого регулируются правовыми нормами, входящими в различные гражданско-правовые институты. Например, при заключении гражданско-правового договора аренды с последующим выкупом арендованного имущества взаимодействуют два гражданско-правовых института обязательственного права – обязательство из договора аренды и обязательство из договора купли-продажи. Заключая кредитный договор, осложненный залогом или иным способом обеспечения исполнения обязательства, взаимодействующими оказываются институт обязательства из договора кредитного договора и институт способов обеспечения исполнения обязательств.

В результате исследования внутриотраслевых связей первого, второго и третьего уровней можно выявить и четвертый уровень их познания, заключающийся в анализе внутриотраслевых связей между группами институтов гражданского права и подотраслями гражданского права. Такие связи условны, поскольку проявляются во взаимосвязях, существующих на трех вышеназванных уровнях.

Выводы

Предлагаемый структурно-системный методологический подход позволяет выявить субординационный и координационный характер внутриотраслевых гражданско-правовых связей, определить типологию внутриотраслевых связей, выявить их функциональную направленность, а также обосновать их динамичный характер, доказывая то, что внутриотраслевые связи в гражданском праве – это постоянно развивающиеся связи, меняющиеся и совершенствующиеся с учетом потребностей гражданско-правового регулирования общественных отношений.

Библиографический список

1. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: СГА, 2003. 520 с.
2. Кузнецова О.А. Методы научных исследований в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4(26).
3. *Определение* Конституционного Суда РФ от 6 июля 2002 г. № 115-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. №1.
4. *Определение* Конституционного Суда РФ от 2 апр. 2009 г. № 485-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Определение* Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 276-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. №6.
6. *О некоторых* вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ от 26 марта 2009 г. № 29 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2009. № 6.
7. Чельшев М.Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. 160 с.
8. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 205 с.

References

1. Kerimov D.A. *Metodologiya prava: predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [The Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Legal Philosophy]. Moscow: SGA, 2003. 520 p. (In Russ).
2. Kuznetsova O.A. *Metody nauchnykh issledovaniy v tsivilisticheskikh dissertatsiyakh* [Methods of Scientific Research in Civil Law Dissertations] // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences*. 2014. № 4 (26). Pp. 254–270. (In Russ).
3. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 6 iyunya 2002 g. №115-O* [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.06.2002 No. 115-O] // *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF – The*

- Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2003. № 1. (In Russ).
4. *Opređenje Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 apr.2009 g. № 485-O-O* [The Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 April 2009 № 485-O-O] [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy istemy «Konsultant-Plyus».
 5. *Opređenje Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 iyulya 2006 g. № 276-O* [The Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11 July 2006 № 276-O] // *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF – The Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2006. № 6. (In Russ).
 6. *O nekotorykh voprosakh, vznikshikh v svyazi s vvedeniem v deystvie chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: postanovlenie Plenuma Verkhov. Suda RF № 5, Plenuma VAS RF № 29 ot 26 marta 2009 g.* [On Some Issues Arising in Connection with the Enactment of the Fourth Part of the Civil Code of the Russian Federation: the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 5, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 29 of 26 March 2009] // *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF – The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2009. № 6. (In Russ).
 7. *Chelyshev M.Ju. Konceptiya optimizatsii mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: postanovka problemy* [The Concept of Optimization of Inter-branch Relations of Civil Law: the Problem Statement]. Kazan: Kazan State University Publ., 2006. 160 p. (In Russ).
 8. *Chelyshev M.Yu. Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava* [The Fundamentals of the Doctrine of Inter-branch Relations of Civil Law]. Kazan: Kazan State University Publ., 2008. 205 p. (In Russ).

METHODOLOGY OF RESEARCH ON THE INTER-BRANCH RELATIONS IN CIVIL LAW

V.V. Vasilyev

Tver State University
1, Zhelyabov st, Tver, 170001
E-mail: pdvv@mail.ru

Introduction: the article considers current problems of methodology of research of the inter-branch relations in civil law. The importance and relevance of the subject is predetermined by the fact that the problems chosen for the research had not been sufficiently developed, while it is essential to know prerequisites of the civil law system functioning, its prospects and tendencies. **Purpose:** the research on methodological approaches is focused on identification of the most appropriate scientific method of cognition of essentiality and importance of the inter-branch relations in civil law, the use of which would allow to justify scientifically a coherent conception of these and to form the basis for its thorough and objective analysis. **Discussions:** the knowledge of the importance of the inter-branch relations of civil law can be effective only if based on strictly scientific methodological approach, which through various means and methods of cognition allows to reveal the specificity and nature of interaction between various elements of the system of civil law and to prove their dependence. In such case one of these methods is dominating as it makes it possible to consider the subject of research most fully. Scientific cognition of the inter-branch relations presupposes the use of the structural systemic method of research, that is the analysis of essence and importance of connections between various levels of the system elements: between the general norms of civil law; between institutes of the General part of civil law; between elements of the

General part and institutes of the Special part. **Conclusions:** the suggested structural and systemic methodological approach to research of the inter-branch relations in civil law allows to reveal the fundamental nature of the subject of research and use the results obtained for the solution of one of the major scientific civil law problems, that is justification of integrity of the civil law system and the unity of the elements forming this system.

Keywords: structure of civil law; methods of research of the structure; relations in civil law; system of civil law; integrity of the system

Информация для цитирования:

Васильев В.В. Методология исследования внутриотраслевых связей в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 82–88.

Vasilyev V.V. Metodologiya issledovaniya vnutriotraslevykh svyazey v grazhdanskom prave [Metodologiya of Research on the Inter-Branch Relations in Civil Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 82–88. (In Russ).

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОГО ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ****М.В. Воронин**

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, ауд. 305а
e-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Введение: в статье рассматриваются проявления развития системного правового знания в современной методологии. **Цель:** сформировать комплексное представление о развитии системного правового знания в современной методологии. **Задачи:** определить связи категории «системное правовое знание» с основными составляющими юриспруденции; проанализировать основные методы и методологические подходы, направленные на продуцирование системного правового знания. **Методы:** методологическую основу познания составляет диалектический подход к исследованию социальной реальности, в том числе к праву. В статье использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и др.), частнонаучные методы (сравнительно-правовой, технико-юридический). Статья содержит непосредственный анализ методов и подходов к праву, которые являются определенными составляющими современной правовой методологии. **Выводы:** знание о разных подходах к пониманию права является важным элементом в структуре формирования системного правового знания. В плане развития методологии познания права системно важно понимать, что системность права не отрицает ни один из подходов к правопониманию. Исследование категории «системное правовое знание» должно проводиться на уровне методологии в целом, а не только применительно к методологии юридической науки. Системный, комплексный, междисциплинарный подходы к познанию правовой материи отражают разную степень системности права и самой правовой методологии. Междисциплинарный подход в сочетании с диалектическим подходом, системно-структурным методом, синергетическим и кибернетическим методами позволяет улавливать тенденции развития права, его возможные изменения (векторы правовой динамики), которые проявляются на стыке весьма непростых, но очень насущных для практики проблем. В статье раскрыто взаимодействие суммативных и органических систем в праве через призму правовой методологии и роли научного познания в изменении правовой реальности. Статья содержит анализ отдельных видов правовых связей, а в контексте анализа связей приведены основные характеристики методологии компаративистского правового анализа. Юридическая компаративистика с учетом ее потенциала, который проявляется на разных уровнях анализа правовых систем, обогащает развитие системного правового знания.

Ключевые слова: кибернетика; компаративистика; комплексность; междисциплинарность; межотраслевые связи; методология; право; правовая методология; синергетика; системное правовое знание; системный подход

Понимание развития системного правового знания сопряжено с решением ряда задач, уяснением достаточно большого количества факторов существования правовой материи в целом. В первую очередь осознание развития именно системного правового знания требует осмысления права как системы. Здесь вопросов особых не возникает,

практически каждый, кто познает правовую реальность, воспринимает право как систему социального порядка – при этом вне зависимости от подходов к правопониманию, а именно позитивизм, юснатурализм, социологическая школа права, материалистическое правопонимание и другие вполне признают существование в праве системных связей и конструкций. Это объединяет ука-

занные подходы к пониманию права. Другое дело, что основания системных связей, механизмы их действия разными концепциями правопонимания могут определяться неодинаково.

Постановка проблемы «развитие системного правового знания в современной методологии» не случайна. Сегодня, по словам В.Н. Синюкова, отечественная юридическая наука отражает правовую реальность России, «в которой борются фундаментальные научные идеи и представления о праве» (цит. по [2, с. 17]). Все эти представления и идеи весьма доказательно, аргументированно призваны объективно, системно и рационально отразить состояние правовой реальности. Здесь важно понимать, что в условиях такого множества методологических подходов все-таки правовое знание должно: обеспечивать единство законности (здесь мы понимаем законность как режим); способствовать эффективности правового регулирования; создавать условия реализации права, которые свойственны демократичному правовому государству.

Категория **системное правовое знание** в структуре современной методологии связана со следующими *составляющими юриспруденции* как сложной системы (правовой реальности), интегрирующей юридическую науку, юридическую практику, правовое образование и воспитание:

1) качественное состояние и связи общефилософских и специальных юридических идей, законов и категорий науки, так как именно системные связи этих элементов юриспруденции призваны обеспечивать само системное правовое знание;

2) понимание системных процессов, системности в целом в такой отрасли юридического знания, как методология юридической науки;

3) качественное состояние правовой системы, эффективность правового регулирования. Здесь наиболее ярко проявляется практическое предназначение современного юридического знания, именно от состояния системного правового знания зависят: формирование права в целом; понимание и развитие компонентов правовой системы об-

щества; нормативное и индивидуальное правовое регулирование (см. [14, с. 17–22]); образование различных ситуационных праворегулирующих комплексов (см. [12, с. 114]); действие конкретного права (см. [17, с. 445–454]).

Важно ответить на следующий вопрос: ***почему исследуется развитие системного правового знания в современной методологии (методологии вообще, а не только юридической методологии)?***

Системное правовое знание связано не только с достижениями юридической методологии, но и с развитием методологии иных социальных исследований, а также с необходимостью получения знаний, вырабатываемых в рамках иных, даже несоциальных (технических, естественных), наук. Современная юридическая наука вынуждена развиваться в условиях формирования междисциплинарного знания. К примеру, сложно получить адекватное представление о правовом регулировании с целью обеспечения безопасности при использовании ядерных реакторов без понимания предназначения этих актов. А это предназначение возможно установить, только учитывая технические, медицинские и прочие знания, выявить и проверить которые невозможно в рамках арсенала социальных наук. Весьма показательное исследование К.К. Кожевникова, посвященное эколого-правовой сущности ядерной безопасности, где автор, подводя итог, отмечает, «что обеспечение ядерной безопасности предполагает синергетический подход в использовании технических, социально-экономических, правовых инструментов, от которого зависит экологическое, экономическое и демографическое развитие общества» [8, с. 76]. О роли синергетического подхода можно говорить отдельно. Его предназначение связано с получением знания развивающейся системы. При этом вряд ли возможно спорить с тем, что синергетика способствует обогащению системного правового знания. Во многом синергетика позволяет преодолеть недостатки системно-структурного метода. Справедливо отмечает К.В. Шундиков: «Методологическое преимущество синерге-

тики по сравнению с общей теорией систем и кибернетикой заключается в том, что последние акцентируют свое внимание главным образом на проблемах устойчивости и равновесности развития систем, упуская из виду иные, прямо противоположные, процессы эволюции сложных объектов. Синергетическая же парадигма в качестве своего предмета охватывает и неравновесные состояния системы, и хаотические режимы, и закономерности распада и разрушения структур» [20, с. 66–67]. Здесь важно понимать, что «диалектика, общая теория систем, кибернетика и синергетика являются родственными общенаучными методами ... Эти методы взаимодействуют, обогащают друг друга, что приводит к достижению качественно новых результатов» [20, с. 65]. Указанный конгломерат методов необходим современной методологии для получения системного знания, что, как мы увидели из приведенного выше примера, проецируется и в познании правовых процессов.

Еще одним знаковым примером является развитие названных нами методов при познании такой сферы права, как космическое право. Так, в процессе дискуссии в рамках круглого стола, проведенного в Пекинском политехническом университете 1 июля 2015 года (в рамках научно-образовательной поездки «Правовые системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики на юридической карте мира», организованной при поддержке общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России») с участием ассоциированного профессора, заместителя директора Института космического права, старшего научного сотрудника Королевского института международных отношений (The Royal Institute of International Affairs, London) Джоу Ванга (Guoyu Wang), неоднократно подчеркивалась потребность в комплексных и междисциплинарных правовых исследованиях в этой области.

Джоу Ванг отметил тот факт, что комплексность и междисциплинарность проявляются и в разработке актов, основывающихся на общих началах и принципах, затрагивающих общие вопросы безопасности.

По его мнению, «...разработка политических (или стратегических) документов на национальном уровне приносит множество преимуществ, начиная от больших перспектив международного сотрудничества и заканчивая возможностью лучше отрегулировать национальную безопасность отдельных секторов. Китайское правительство признало это и, вполне возможно, рассматривает необходимость разработки более комплексной политики информационной безопасности и безопасности в космосе. ... В 2013 году Китай создал Центральную комиссию по национальной безопасности – межведомственную координационную группу для обеспечения безопасности, во главе с Президентом Си, которая разрабатывает проблемы таким образом, чтобы информационная безопасность, космическая безопасность и другие актуальные вопросы решались в рамках общей политики национальной безопасности или стратегии» [21, р 18].

Подчеркнем, что использование методологии междисциплинарности – насущная потребность сегодняшнего дня. Это отмечается и Президентом нашей страны В.В. Путиным: «...важнейшим направлением деятельности академических институтов должны стать междисциплинарные исследования...» [13].

Характеризуя междисциплинарный подход к познанию правовой плоскости, отметим, что «...междисциплинарный подход выступает синтезирующим конструктом, или алгоритмом поиска, общего и особенного, движения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному и так далее в построении и производстве знания, обосновываемого при помощи философии и социологии права, истории и политологии права, экономико-правовых, теоретико-правовых и иных научных подходов и направлений в объяснении одного и того же объекта» [15, с. 382–383]. Здесь важно понимать, что междисциплинарный подход в сочетании с диалектическим подходом, системно-структурным методом, синергетическим и кибернетическим методами позволяет улавливать тенденции развития права, его возможные изменения (векторы право-

вой динамики), которые проявляются на стыке весьма непростых, но очень насущных для практики проблем. Почему это важно? Сложность общественной жизни, ее изменчивость, правовая динамика порождают потребность поиска новых способов решения проблем. Но если найденный механизм решения той или иной проблемы не проанализирован применительно к его работе в среде, то может сложиться ситуация, когда найденный метод, способ решения проблемы будет не решать ее, а, наоборот, усложнять или вообще разрушать определенную систему отношений, взаимодействий и прочее.

В науке ставится вопрос о соотношении принципов комплексности и междисциплинарности в познании тех или иных явлений. Здесь для нас принципиально важен тот факт, что при любом подходе: **системном, комплексном, междисциплинарном – все они отражают разную степень системности.** Зачастую мы встречаем категорию «комплексное междисциплинарное исследование», что только подтверждает указанное мною. Поэтому для нас важно то, что дает каждый из подходов в плане развития системного правового знания.

Существуют разные позиции по поводу соотношения комплексного и системного подходов. Так, Г.В. Лаврентьев и Н.Б. Лаврентьева выделяют несколько позиций такого соотношения:

«1) отождествление системного и комплексного подходов; 2) понимание комплексного подхода как части системного; 3) отнесение понятия “системность” к области познания объекта, а понятия “комплексность” – к области управления объектом» [11, с. 17].

Множественность вариантов соотношения категорий не всегда однозначно сказывается на методологическом арсенале исследователя. Анализируя приведенные подходы к соотношению указанных категорий, стоит обратить внимание на следующее положение: «Комплексом можно назвать в первую очередь полисистему с устойчивыми связями между системами, в высокой

степени упорядоченную, функционирующую и развивающуюся с возрастающей или максимально достижимой для данных условий эффективностью в интересах реализации поставленной субъектом цели» [11, с. 17]. Здесь можно заметить, что не все выделяемые в науке «комплексы» (как эпистемологические конструкции, так и прикладные модели) отвечают указанным требованиям. Мы согласимся с тем, что признаками комплекса как вида системного объекта выступают следующие характеристики: «1) принадлежность к области социальной формы движения материи; 2) полисистемность; 3) возникновение и функционирование под воздействием ярко выраженного субъективного фактора; 4) пронизанность общей идеей – целью; 5) функционирование с возрастающей или максимально возможной для данных условий эффективностью; 6) более высокая степень устойчивости и упорядоченности централизованной структуры, что позволяет в определенных случаях рассматривать комплекс и как центральную часть, ядро более широкой полисистемы; 7) развитие преимущественно благодаря интенсификации имеющихся связей и отношений внутри между системами; 8) объединение в комплексе разнокачественных подсистем, связывание разноплановых целей в русле единой цели» [11, с. 18]. Думается, что вполне можно согласиться в части признаков комплекса, они верифицируют не только комплексы, развивающиеся в правовой среде, но и комплексы, развивающиеся в самой правовой методологии.

Отметим, что в правовой науке развивается понятие ситуационного праворегулирующего комплекса. Оценить его значение для практики пока весьма затруднительно, так как на данном этапе достаточно сложно установить эмпирические индикаторы такой оценки. Но с точки зрения обогащения научной теории выделение и рассмотрение подобных комплексов весьма бесполезно.

А.В. Погодин отмечает, что ситуационный праворегулирующий комплекс – «... это синтез общерегулятивного правового

отношения и акта индивидуального нормативно-правового регулирования: общерегулятивное правоотношение в процессе публичного или частного индивидуального нормативного правового регулирования наполняется конкретным содержанием и доводится до состояния ситуационного права – модели конкретного правового отношения. Он (ситуационный праворегулирующий комплекс) фиксирует диалектику перехода объективного права в стадию предреализации, т.е. в ситуационное право, когда субъективные права и обязанности (и другие элементы ситуационного права) формально закреплены в юридическом документе, например договоре, но реально еще не реализованы» [12, с. 114]. Подобное осмысление реализации права, построение комплексных моделей на уровне отдельных видов правоотношений позволяет добиться применения методологии системного и комплексного подходов (пока автор придерживается позиции о необходимости называть эти подходы, дабы показать некую качественную разницу между знаниями, которые продуцируются в результате их применения, но все-таки автор придерживается идеи, что комплексный подход произведен от системного, а отличает его большая степень системности) на качественно новом уровне. В частности, с нашей точки зрения, подобная попытка построения моделей ситуационных праворегулирующих комплексов является проявлением «принципиально иного метода системного анализа – метода восхождения от абстрактного к конкретному» [16, с. 406]. Но этот вопрос требует достаточно большой практической проработки, поэтому на данном этапе познания к нему нужно относиться весьма осторожно.

Характеризуя междисциплинарный подход в плане обогащения системного знания, отметим, что те примеры и идеи, которые были уже высказаны выше, позволяют сделать некоторые выводы по обозначенному аспекту проблемы. Междисциплинарность как эпистемологическая характеристика, с нашей точки зрения, шире комплексности (по объему), основана на системном (в том числе и комплексном) зна-

нии (база системного знания – принцип всеобщей системности окружающего мира) и предполагает постижение истины на качественно новом уровне – получения знания в *результате взаимосвязи* содержательных компонентов разных наук (областей знания). Междисциплинарность воплотила в себе синергетические тенденции в самой правовой методологии, отразила наиболее высокий уровень системности методов, философских законов и категорий. И системно-структурный, и комплексный, и междисциплинарный подходы работают на обогащение системного правового знания.

Одной из перспективных сторон познания системности права является уяснение, раскрытие новых системных связей, углубление содержательного понимания этих связей.

В науке существует понимание двух видов систем – суммативные и органические. Право в целом система открытая, органическая. Но юридическая наука знает и суммативные системы, например классификации, проводимые юристами (классификация правоотношений, норм и проч.), являются системами суммативными. Здесь важно понимать, что это системы научного порядка (категории юриспруденции как науки). Подчеркнем, в праве есть тесная связь теории и практики, а поэтому порой теоретические конструкции (в виде суммативных систем) могут проникать в структуру действующей правовой материи – органической системы. С нашей точки зрения, в таком случае они выступают своего рода обслуживающей системой – системой, которая способствует работе основной органической системы. Иногда суммативная система может работать вопреки объективным законам и условиям работы основной системы. И чтобы этого не случилось, прежде чем внедрять любую суммативную конструкцию, ее необходимо «примерить», проанализировать в условиях функционирования органической системы.

Здесь знаковое значение имеет положение, сформулированное В.М. Сырых: «...суммативные явления не обладают структурными связями, обуславливающими

органическую целостность явления, они не могут выступать предметом системно-структурного анализа» [16, с. 398]. Думается, что это положение справедливо, в суммативной системе действительно нет связей, обуславливающих органическую целостность явления, эти связи, их основания системности (в нашем случае права) более объективные, заданы иными факторами системности права (см. [4]). Хотя, как было показано выше, иногда суммативные структуры могут вписываться в органические, способствовать их развитию. Но суммативные явления тоже имеют некую структуру, иначе нельзя было бы представить их как явления. Если это правовая классификация, то она подчинена определенной закономерности, выстроена в определенной последовательности. Другое дело, что эта структура нестабильна и зачастую не приводит к появлению новых функций в онтологии правовой материи. С нашей точки зрения, в плане развития системных правовых знаний стоит подчеркнуть идею о том, что развитие общества, совершенствование правовой политики, развитие системы принципов права может приводить к появлению новых юридических конструкций, впоследствии вписываемых в правовую среду (см. [6]). Важно, чтобы им отвечала система общества (работали прямые и обратные связи), социальная среда обогащалась.

Нужно учитывать наличие и диалектическую связь эмпирических и теоретических методов познания правовой среды. В конечном счете, теория и практика тесно связаны. Поэтому системный анализ отдельных видов связей, в частности функциональных связей «правовых явлений с другими социальными явлениями, надлежит органично сочетать с применением методов эмпирических исследований» [16, с. 405].

В юридической науке выделяются следующие виды системных связей в правовой среде [16, с. 400–405]: синтетические (когда правовое явление возможно вообще, если только наличествует связь всех составляющих его элементов, например, конструкция сложного фактического состава), иерархические (например устройство си-

стемы законодательства), функциональные (между двумя и более правовыми явлениями). Познание функциональных связей в современном правоведении настолько развито, что приводит к формированию отдельных направлений в юриспруденции как науки. Примером этого может служить теория межотраслевых связей гражданского права, основы которой сформулировал профессор М.Ю. Чельшев.

М.Ю. Чельшев по-новому представил систему рождения целостного и единого комплексного правового знания, предложил собственные принципы в правовой методологии. Он смог показать три основных направления развития системного знания в правоведении, раскрыл генезис и генеалогию этих направлений: 1) в самой правовой методологии (ее обогащение и совершенствование); 2) в компетентностном наборе практикующего юриста; 3) в содержании научной теории.

М.Ю. Чельшев успешно смог уловить и показать постоянно происходящие обменные процессы, которые отражаются в праве, в том числе и в самоорганизации межотраслевых связей [18; 19].

Одним из интересных и весьма продуктивных для познания правовых практик разных правовых систем является компаративистский правовой анализ. В ходе этого анализа вскрываются разного рода правовые связи, усиливаются системные представления о праве [5]. Этот анализ дает весьма значительное обогащение понимания правовых процессов через призму познания экстрасоциетальной и интрасоциетальной правовых сред. Его основные уровни: 1) общемировое правовое пространство, в том числе и уровень влияния конкретной национальной правовой системы на юридическую карту мира; 2) уровень связей отдельных национальных правовых систем и международного права, в том числе и связи международного наднационального права (права Европейского Союза); 3) уровень связей конкретных национальных правовых систем. Важно, что полезность такого анализа отмечают исследователи, занимающиеся глубоким познанием отдельных отрас-

левых вопросов в той или иной отрасли права.

Приведем примеры правового анализа на каждом из указанных уровней. Первый уровень. Можно привести в пример исследование М.В. Захаровой «Французская правовая система на юридической карте современного мира», где автор обращается к онтологии французской правовой системы, определяя ее место и роль на юридической карте современного мира [7].

Второй уровень. Весьма интересным примером исследования связей нашей российской правовой системы с системой международного права посредством познания одного из существенных оснований системности права – принципов права – является работа О.А. Кузнецовой «Общепризнанные принципы и нормы международного права в гражданском праве: от перечня к системе» [10]. Это исследование имеет весомое значение в плане развития как практического, так и теоретического системного правового знания. При этом анализируемые принципы рассматриваются на основе как уровневого, так и структурного подходов, так как раскрываются связи между ними (принципы права – это существенное специально-юридическое основание системности права).

Как пример исследования на третьем уровне можно привести исследование Д.С. Ксенофоновой. Так, она, проанализировав понятия и критерии нуждаемости по семейному праву России и Германии, пришла к выводу о том, что фактически и та, и другая правовые системы воспринимают эти критерии практически одинаково (не вдаваясь в подробности о механизмах регулирования конкретно этого вопроса): «... поскольку под нуждаемостью в семейном праве России и Германии понимается неспособность члена семьи самостоятельно обеспечить удовлетворение жизненно необходимых потребностей, постольку представляется возможным выделение двух основных условий, которые являются ключевыми при определении наличия нуждаемости в каждом конкретном случае. К таковым относятся разумные жизненно важные по-

требности и неспособность их самостоятельного удовлетворения» [9, с. 159]. Такой вывод позволяет говорить о необходимости учета, при анализе разных правовых систем и связей между ними, природы первичных общественных отношений (см. [3]), это позволит во многом облегчить верификацию связей между конкретными правовыми системами. То есть изначально нужно определить – сопоставимы ли правовые конструкции с позиций первичных общественных отношений, а для этого нужно понимать генезис анализируемых отношений в исследуемых правовых системах, учитывать векторы их политико-правового развития. Компаративистский правовой анализ – весьма сложный вид правового анализа, но при правильном его проведении он дает ценные знания, способствующие обогащению национальной правовой системы.

В завершение рассуждения по нашей проблеме хочется обратить внимание на то, что системность права имеет достаточно высокий потенциал для ее познания. Не все грани системной правовой материи еще изучены (см. [1]). Само развитие системного правового знания, обогащение правовой методологии на современном этапе возможно лишь при комплексном использовании разных научных методов и подходов.

Библиографический список

1. Воронин М.В. Перспективы познания системности права // Юридический мир. 2013. № 9. С. 46–51.
2. Воронин М.В. Зимняя школа молодых ученых Университета имени О.Е. Кутафина «Продвижение юридических школ на российском научном пространстве» с позиции межотраслевого и междисциплинарного подходов к познанию правовой реальности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4.
3. Воронин М.В. Роль первичных общественных отношений в их системном взаимодействии в компаративистском правовом анализе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6. С. 1090–1094.

4. *Воронин М.В.* Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия: Гуманит. науки. 2014. Т. 156, кн. 4. С. 26–34.
5. *Воронин М.В.* Системные характеристики права в познании места правовой системы на юридической карте мира // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 51–57.
6. *Губайдуллин А.Р.* Правовая наука и правовая система общества // Вектор науки ТГУ. 2015. № 1. С. 96–101.
7. *Захарова М.В.* Французская правовая система на юридической карте современного мира // Государство и право. 2014. № 7. С. 11–18.
8. *Кожевников К.К.* Эколого-правовая сущность ядерной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 73–77.
9. *Ксенофонтова Д.С.* Понятие и критерии нуждаемости по семейному праву России и Германии // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 2. С. 154–160.
10. *Кузнецова О.А.* Общепризнанные принципы и нормы международного права в гражданском праве: от перечня к системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 2. С. 111–118.
11. *Лаврентьев Г.В., Лаврентьева Н.Б.* Методологический анализ системного и комплексного подходов и разработка электронного учебно-методического комплекса // Известия АлтГУ. 2011. № 2-1. С. 16–20. URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/peda/TheNewsOfASU-2011-2-1-peda-03.pdf> (дата обращения: 15.06.2015).
12. *Погодин А.В.* Элементы теории правореализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2014. 355 с.
13. *Путин В.В.* Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию: вступительная речь Президента Российской Федерации (8 декабря 2014): Веб-сервер Кремля. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/6/47196> (дата обращения: 22.06.2015).
14. *Решетов Ю.С.* Нормативное и индивидуальное правовое регулирование // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 17–22.
15. *Степаненко Р.Ф.* Общеправовая теория маргинальности и стратегии правового развития // Стратегии правового развития России / под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Юстиция, 2015. 624 с.
16. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 464 с.
17. *Сырых В.М.* Материалистическая философия частного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 552 с.
18. *Чельшев М.Ю.* Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. М.: Статут, 2014. 160 с.
19. *Чельшев М.Ю.* Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 206 с.
20. *Шундигов К.В.* Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М.: Юрлитинформ, 2013. 256 с.
21. *Guoyu Wang* China's Information and Space Security Policies [Electronic resource] // Challenges at the Intersection of Cyber Security and Space Security: Country and International Institution Perspectives. London. Chatham House. The Royal Institute of International Affairs. 2014. URL: http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20141229CyberSpaceSecurityBaylonUpdate.pdf (date of circulations: 22.06.2015).

References

1. *Voronin M.V.* *Perspektivy poznaniya sistemnosti prava* [The Prospects of Cognition of Systemic Nature of Law] // *Yuridicheskij mir – The Legal World*. 2013. № 9. Pp. 46–51. (In Russ).
2. *Voronin M.V.* *Zimnyaya shkola molodykh uchenykh Universiteta imeni O.E. Kutafina «Prodvizhenie yuridicheskikh shkol na ros-*

- siyskom nauchnom prostranstve» s pozitsii mezhotraslevogo i mezhdistsiplinarnogo podkhodov k poznaniyu pravovoy real'nosti* [Winter School for Young Scientists of Kutafin University "Promotion of Law Schools in the Russian Scientific Space" from the Perspective of Inter-sectoral and Interdisciplinary Approaches to Cognition of Legal Reality] // *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Current Problems of Russian Law. 2015. № 4. (In Russ).
3. Voronin M.V. *Rol' pervichnykh obshchestvennykh otnosheniy v ikh sistemnom vzaimodeystvii v komparativistskom pravovom analize* [The Role of Primary Social Relations in Their Systemic Interaction in Comparative Legal Analysis] // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* – Journal of Foreign Legislation and Comparative Legal Science. 2013. № 6. Pp. 1090–1094. (In Russ).
 4. Voronin M.V. *Sistemnost' prava v kontekste ee osnovaniy i proyavleniy: teoretiko-pravovoy analiz* [Consistency of Law in the Context of its Foundations and Implications: Theoretical and Legal Analysis] // *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Seriya: Gumanit. nauki* – Scientific Notes of the Kazan University. Series Humanities. 2014. V. 156. № 4. Pp. 26–34. (In Russ).
 5. Voronin M.V. *Sistemnye kharakteristiki prava v poznanii mesta pravovoy sistemy na yuridicheskoy karte mira* [Systemic Features of Law in Cognition of the Legal System Position on the Legal World Map] // *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* – Kutafin Moscow State Law University Bulletin. 2015. № 5. Pp. 51–57. (In Russ).
 6. Gubaydullin A.R. *Pravovaya nauka i pravovaya sistema obshchestva* [Legal Science and Legal System of the Society] // *Vektor nauki TGU* – Vector Science TSU. 2015. № 1. Pp. 96–101. (In Russ).
 7. Zakharova M.V. *Frantsuzskaya pravovaya sistema na yuridicheskoy karte sovremen-nogo mira* [French Legal System on the Legal Map of the Modern World] // *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2014. № 7. Pp. 11–18. (In Russ).
 8. Kozhevnikov K.K. *Ekologo-pravovaya sushchnost' yadernoy bezopasnosti* [Ecological and Legal Essence of Nuclear Safety] // *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Current Problems of Russian Law. 2015. № 4. Pp. 73–77. (In Russ).
 9. Ksenofontova D.S. *Ponyatie i kriterii nu-zhdaemosti po semeynomu pravu Rossii i Germanii* [The Definition and Criteria of the Need in Family Law in Russia and Germany] // *Vestnik TsvGU. Seriya «Pravo»* – TSU Bulletin. Series: Law. 2014. № 2. Pp. 154–160 (In Russ).
 10. Kuznetsova O.A. *Obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava v grazhdanskom prave: ot perechnya k sisteme* [Generally Recognized Principles and Norms of International Law in Civil Law: from the List to the System] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2009. № 2. Pp. 111–118. (In Russ).
 11. Lavrent'yev G.V., Lavrent'yeva N.B. *Metodologicheskii analiz sistemnogo i kompleksnogo podkhodov i razrabotka elektron-nogo uchebno-metodicheskogo kompleksa* [Methodological Analysis of the Systematic and Comprehensive Approaches and the Development of Electronic Educational Complex] // *Izvestiya AltGU* – News of Altai State University. 2011. № 2-1. Pp. 16–20. URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/peda/TheNewsOfASU-2011-2-1-peda-03.pdf> (data obrashcheniya: 15.06.2015). (In Russ).
 12. Pogodin A.V. *Elementy teorii pravorealizatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Elements of Realization of the Right Enforcement Theory: Doc. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2014. 355 p. (In Russ).
 13. Putin V.V. *Stenograficheskiy otchet o zasedanii Soveta pri Prezidente po nauke i obrazovaniyu: vstupitel'naya rech' Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [The Verbatim Record on the Meeting of the Presidential Council on Science and Education: Opening Speech of the President of the

- Russian Federation]. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/6/47196> (data obrashcheniya: 22.06.2015). (In Russ).
14. Reshetov Yu.S. *Normativnoe i individual'noe pravovoe regulirovanie* [Normative and Individual Legal Regulation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2013. Vyp. 2. Pp. 17–22. (In Russ).
 15. Stepanenko R.F. *Obshcheppravovaya teoriya marginal'nosti i strategii pravovogo razvitiya* [General Legal Theory of Marginality and Strategies of Legal Development] // *Strategii pravovogo razvitiya Rossii* – Strategies of Legal Development of Russia / ed. By O.Yu. Rybakova. Moscow: Yustitsiya, 2015. 624 p. (In Russ).
 16. Syrykh V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and Methodology of Jurisprudence]. Moscow: Norma: Infra-M, 2014. 464 p. (In Russ).
 17. Syrykh V.M. *Materialisticheskaya filosofiya chastnogo prava* [Materialistic Philosophy of Private Law]. Moscow: Yurlitinform, 2014. 552 p. (In Russ).
 18. Chelyshev M.Yu. *Vzaimodeystvie grazhdanskogo i nalogovogo prava v regulirovanii otnoshenii s uchastiem predprinimateley* [Interaction of Civil and Tax Law in Regulation of Relations with Entrepreneurs]. Moscow: Statut, 2014. 160 p. (In Russ).
 19. Chelyshev M.Yu. *Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava* [Fundamentals of the Doctrine of Interbranch Relations of Civil Law]. Kazan: Kazan State University Publ., 2008. 206 p. (In Russ).
 20. Shundikov K.V. *Sinergeticheskiy podkhod v pravovedenii. Problemy metodologii i opyt teoreticheskogo primeneniya* [Synergetic Approach in Jurisprudence. The Problems of Methodology and Theoretical Application Experience]. Moscow: Yurlitinform, 2013. 256 p. (In Russ).
 21. Guoyu Wang *China's Information and Space Security Policies* [Electronic resource] // *Challenges at the Intersection of Cyber Security and Space Security: Country and International Institution Perspectives*. London. Chatham House. The Royal Institute of International Affairs. 2014. URL: http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20141229CyberSpaceSecurityBaylonUpdate.pdf (date of circulations: 22.06.2015). (In Eng.).

DEVELOPMENT OF SYSTEMIC LEGAL KNOWLEDGE IN CONTEMPORARY METHODOLOGY

M.V. Voronin

Kazan (Volga region) Federal University,
18 Kremlyovskaya st., Kazan, 420008
E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Introduction: the article considers manifestation of systemic legal knowledge development in contemporary methodology. **Purpose:** the aim of the article is to give a complex idea of the development of systemic legal knowledge in contemporary methodology, which entails the following objectives: identification of the links between the category of “systemic legal knowledge” and basic components of jurisprudence; analysis of main methods and methodological approaches aimed at production of systemic legal knowledge. **Methods:** methodological basis of cognition is defined by the dialectical approach to research on social reality, including law. In the study we use general scientific methods (analysis, synthesis, induction and deduction, abstraction, etc.) and specific scientific methods (comparative legal method and legal technical method). The article contains direct analysis of the methods and approaches to law that comprise con-

temporary legal methodology. **Conclusions:** awareness of various approaches to understanding law is an important element in the structure of formation of systemic legal knowledge. When considering the development of methodology of systemic cognition of law, it is important to understand that systemic nature of law does not deny existence of any approaches to legal consciousness. Study of the “systemic legal knowledge” category must be conducted not only at the level of legal science methodology, but also at that of general methodology. Systemic, complex and interdisciplinary approaches to cognition of legal matter reflect different degrees of systemic quality of law and legal methodology. The interdisciplinary approach along with the dialectical approach, systemic structured method, synergetic and cybernetic methods makes it possible to capture tendencies in the development of law and its potential alternations (vectors of legal dynamics), which appear at the intersection of quite difficult but urgent issues. In the article we disclose interaction of summative and organic systems of law through the prism of legal methodology and the role of scientific cognition in the change of legal reality. The article includes analysis of certain types of legal bonds, in the context of bond analysis main characteristics of legal comparative methodology are given. Taking into account the potential of comparative law, which appears at different levels of legal system analysis, this field of study enriches the development of systemic legal knowledge.

Keywords: cybernetics; comparative law; comprehensiveness; interdisciplinarity; interbranch bonds; methodology; law; legal methodology; synergetics; systemic legal knowledge; systemic approach

Информация для цитирования:

Воронин М.В. Развитие системного правового знания в современной методологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 89–99.

Voronin M.V. *Razvitie sistemnogo pravovogo znaniya v sovremennoy metodologii* [Development of Systemic Legal Knowledge in Contemporary Methodology] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 89–99. (In Russ).

ЗНАЧЕНИЕ УЧЕНИЯ О ПРАВОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ПРИ ОБОСНОВАНИИ ВОПРОСА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Г.В. Колодуб

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права
Саратовская государственная юридическая академия
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

Введение: статья посвящена проблеме соотношения положений методологии теории государства и права и методологии цивилистики, остающейся не решенной до сегодняшнего времени. При этом формирование логического обоснования межотраслевого свойства, по затронутому вопросу, видится обязательным аспектом актуальной тематики цивилистического исследования – методология науки гражданского права. **Цель:** автор анализирует объективные и субъективные факторы, повлекшие укоренение суррогатного (негативного) представления о методологическом учении в сфере цивилистики, представляемого в качестве зависимого, технического придатка не только философской науки, но и общей теории государства и права. **Методы:** использованы эмпирические методы сравнения, измерения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; историко-правовой и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** автор полагает, что в области цивилистической науки должна быть налажена работа не только по выделению необходимых методологических компонентов, но и, что самое главное, организации процесса приспособления, модификации отдельных методов при изучении вопросов, составляющих самостоятельное, исключительное содержание предмета цивилистики. **Выводы:** исключительность цивилистической методологии не подвергается автором сомнению, однако связывается не с обоснованием самостоятельных методов научного исследования, а с научной деятельностью, способной позволить сформировать механизм применения методологии в науке гражданского права, который должен иметь статус элемента правовой методологии.

Ключевые слова: методология как учение; методология права; цивилистическая методология; методологические уровни; системность методологического учения; механизм применения методологии

Введение

В условиях некоего устоявшегося понимания, касающегося сферы действия, определенной компетенции отдельных правовых наук методологический вопрос априори изымается из сферы частного права. Для многих становится бесспорным вывод о том, что философское начало науки о науке (методологии) не позволяет в необходимом объеме внедрить в практически направленные отраслевые образования – отраслевые науки, условно обозначаемого учения о методах. Как следствие, можно обнаружить достаточно резкие высказывания, подтверждающие достаточно устоявшийся подход:

«науки, которые имеют повод заниматься учением о своих собственных методах, являются... большими науками» [4, с. 121]. С данным выводом следует отчасти согласиться, при этом отметив ряд аспектов, непосредственно связанных с нашим стойким убеждением о самостоятельном статусе методологии цивилистики.

Во-первых, по нашему мнению, неверно рассуждать о наличии отраслевых методов научного познания. Представляется, что необходимой степени «абстракцизации» для обоснования самостоятельного метода невозможно добиться на отраслевом уровне, который является производным по отношению к общеправовому уровню. Как мини-

мум, в ближайшей перспективе подобный вывод не подвергается нами сомнению.

Во-вторых, методология, как правовое учение, не должна отождествляться с учением о методах и т.п. образованиях. Так, с точки зрения Е.Г. Комисаровой, «под методологией принято понимать многое – в этом типичность подходов к определению методологии и наполнению ее "тела"» [1, с. 247]. При этом, по нашему мнению, развести между собой понятия «методология», «метод», «прием» и т.п. можно за счет правильного использования для обозначенных концептов их парных понятий. В частности, понятие «учение» и «концепция» – как общее и частное, где статус привата заслуживает понятие «учение», обнимающее такое научное образование, как методология. Отдельные компоненты учения – методы, приемы, средства и более крупные (базовые компоненты) – принципы, функции и другие должны лишь в совокупности отождествляться с системой (методологией), но никак не по отдельности ее поглощать. Соответственно необходимо признать порочной практику синонимичного рассмотрения научного концепта «методология» через такой термин, как «метод». Методология, как правовое учение, совокупно образовывается концепциями о методах, приемах, средствах научно-исследовательской деятельности.

В-третьих, необходимо определиться со структурным построением методологии в праве. Представляется, что определенную перспективность в этом случае должен иметь подход, предопределяющий построение нескольких уровней методологических учений. Тем самым будет возможно выделить свойство системности для методологической области, которое, к сожалению, не представляется возможным выявить сейчас не только для методологии права, но и, что нас более всего беспокоит, для методологии цивилистики. Считаем, что именно за счет самоорганизации, в том числе и на отраслевом уровне, можно устранить или существенно продвинуться в решении целого комплекса проблем, относящихся к цивилистической методологии, а также способ-

ствовать решению проблем общеправового содержания.

В-четвертых, цивилистическая методология должна выступать не простым (техническим) продолжением правового методологического учения. Философская наука, ее выводы, результаты методологического содержания, в частности выделенные идеальные научные парадигмы – методы, должны в итоге быть способны не только к восприятию в сфере отраслевых наук, но и к прохождению промежуточного этапа, этапа юридической *актуализации*, который логично относить к методологическому уровню общей правовой науки. Отраслевые науки, наука гражданского права должны базироваться на подобных выводах и положениях. Но этим нельзя ограничиваться, так как задачей отраслевой, производной методологии может являться верификация научного знания о методах, приемах средствах и т.п., а также формирование отраслевых знаний, о специфике использования методологического инструментария. Данный процесс *конкретизации* правовой методологии на уровне цивилистической науки видится залогом успешности, качества не только целого направления самой науки гражданского права, но и залогом развития общей теории государства и права (философии права).

Гражданское право, являясь базовой отраслью российского права, а также самостоятельной правовой наукой, существует и развивается в период активной работы, одним из направлений которой становится обновление условных границ ее системного построения. В данных реалиях поднимаемые в специальных отраслевых образованиях актуальные вопросы в своем решении должны опираться на объективно сформированные и претендующие на истинность знания, применительно к государству и праву, закономерностям их функционирования его разнохарактерного развития. Очевидным проявлением обозначенных процессов стала набирающая объемы научная дискуссия о методологических вопросах, для которой можно выделить ряд разнохарактерных факторов развития:

– целый массив качественного научного материала методологического содержания, сложившегося в общей теории права, который в обобщенный виде содержится в таком структурном разделе данной науки, как правовая философия;

– теоретический материал из области общей теории права «прижился» в частно-правовой науке в извращенном виде, что породило сомнения в качестве методологического учения в праве в общем, а также вывод об отсутствии методологии в науке гражданского права;

– несмотря на то, что происходящие обновления правового материала наиболее «текстурно» проявляются в гражданско-правовом законодательстве (масштабные изменения общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах являются наглядным этому подтверждением), высокая интенсивность проводимых модернизационных процессов подтверждает востребованность и значимость знаний методологического свойства, которые никогда не устранились, но длительное время намеренно приуменьшались;

– профессиональное владение действующими цивилистами методологией научного познания, творческое и адекватное адаптирование общих приемов и способов научного поиска по отношению к специфике предмета той или иной правовой науки, а также, что для нас приобретает концептуальное значение, обоснование исключительности механизма применения правовой методологии в области цивилистики – одна из немногих комплексных целей современной науки гражданского права.

Однако данная цель становится недостижимой, если, во-первых, не будет проведена первичная ориентация за счет осознания философских корней методологической идеи, а во-вторых, не будет выявлен и подтвержден конкретный статус методологических положений из области общей теории права для механизма применения цивилистической методологии.

Основной контент

Представляется возможным заключить, что преобладающая в научной среде точка зрения о тождественности методологии общей теории права и методологии гражданского права или более резкое проявление данного мнения – отсутствие в целом методологии гражданского права имеет очевидные и логически понятные причины.

Как справедливо было отмечено В.М. Сырых, в 30–50-х годах двадцатого века успехом увенчалась работа по преодолению догматизма и схоластизма, свойственных советскому правоведению. По авторитетной точке зрения известного теоретика права, подобного «преодоления» удалось добиться за счет расширения эмпирической базы научных исследований, осуществления аналитики особенностей социального действия права, разработке методологии изучения эффективности правовых норм, расширения тематики компаративистских исследований зарубежного законодательства [5, с. 24].

Столь существенные результаты не могли не сказаться на распространенности общетеоретического учения в разрезе построения методологического инструментария, которое в итоге полностью поглотило отраслевые науки. Несмотря на то, что все из предложенных моделей, имевших методологическое содержание, проходили апробацию в рамках специальных отраслевых исследований, хаотичность подобных процессов не позволяла, а точнее, не заставляла ученых, в нашем случае цивилистов, обращать внимание на происходящую корректировку, а в некоторых случаях модернизацию методологических моделей, отображенных в области общей теории права.

В итоге на сегодняшний день Е.Г. Комиссарова совершенно справедливо обращает внимание на одну из множества методологических проблем уже самой гражданско-правовой науки – недостаточную понятность, предопределяющую «недостаточную функциональность методологического инструментария, его общую оценку и весьма настороженное отношение к самой мето-

дологии как исследовательскому феномену» [2, с. 310].

Таким образом, мы считаем, что высокая результативность методологических достижений общей теории права (положительный аспект) вместе с изолированностью построения системы правопонимания, только в рамках данной науки (негативный аспект), устранили методологический вопрос из перечня предметных разработок цивилистов, предопределив образование научного вакуума и научного анархизма.

При этом одно из методологических достижений общей теории права, которым для нас является обоснование необходимости системного взгляда на методологическое учение юридической науки, в самой области теории государства и права (философии права) окончательно не укоренился. Однако именно системный подход должен позволить обосновать научное знание, противопоставляющее простому техническому описанию общенаучных, частнонаучных, междисциплинарных и специальных методов. Так, общая теория права за счет обоснования такого структурного свойства, как системность, и наполнения отдельных компонентов методологической системы правовым содержанием могла бы предложить более качественное размежевание между чисто философскими и правовыми методами, полновесно ответить на вопросы о первоосновности родственных явлений двух наук и наличии междисциплинарных связей.

Необходимо признать, что в науке гражданского права последняя тенденция также проецируется, но уже применительно к соотношению частной науки и общей теории государства и права. Сходность негативного качества проявляется и в том, что и для методологии общей теории государства, и права, и для методологии науки гражданского права отмечается производность образования. Так, теория права, несомненно, основывается на философском учении о логике и методологии научного познания. Использование философских компонентов имеет концептуальный характер, подтверждением чего является особая значимость для правовой теории такого изначально фи-

лософского компонента, как восхождение от абстрактного к конкретному. Для развития науки гражданского права важно определить с тем, какое воздействие оказывает философское «учение о методах» непосредственно на механизм применения правовой методологии (этап правовой конкретизации, происходящий на уровне цивилистической методологии), или же воздействие следует выделять только на этапе правовой актуализации, когда философия права формирует систему методологического инструментария.

В качестве определенного подтверждения того, что отсутствие подхода, объясняющего системную координацию внутри методологического знания (методологическое учение из области философской науки – философия права – методология цивилистики), негативным образом сказывается на ведении научно-исследовательской деятельности, следовательно и на количественных показателях объема научного знания, важно рассмотреть один из выводов О.А. Кузнецовой. Данный ученый, как специалист по общим вопросам теории и практики гражданского права, совершенно справедливо отмечает, что «описывая методологию диссертационной работы, авторы, как правило, не указывают философскую основу исследования, свою мировоззренческую позицию и тип правопонимания, смешивают общенаучные, междисциплинарные и специальные методы, не разграничивают теоретические и эмпирические методы» [3, с. 263].

Однако, несмотря на сказанное и в целом данную нами негативную оценку, формирование и последующее использование обобщенного опыта разработки методологических проблем в правоведении на сегодняшний день все же позволяет говорить, о формировании самостоятельной системы методологического учения, базирующегося на постулатах общей теории государства и права (философии права). Данная система, несмотря на то, что часть из ее компонентов изначально не имеют правовых истоков, являясь философскими, все же исключительна в своей совокупности. Распространенность

сформированной и содержательно наполненной именно в области общей теории права методологии, которая распространилась по отдельным правовым наукам, является очевидным тому подтверждением.

Как нам представляется, именно в правовой теории должны быть описаны все возможные междисциплинарные и специальные методы познавательной деятельности, способные к практическому использованию в отраслевых областях. В отдельных научных образованиях, в частности цивилистической науке, не формируются новые методы, не предлагаются оригинальные методологические системы. В области цивилистической науки должен происходить отбор из всех возможных методологических вариантов, а также, что самое главное, должна осуществляться организация проведения процессов приспособления, модификации отдельных методов применительно к вопросам, составляющим самостоятельное, исключительное содержание предмета цивилистики.

По прошествии времени степень «индивидуальности» отдельных компонентов методологического учения в цивилистике, специфичность процессов использования методологического инструментария становятся значимым проявлением исключительности отраслевого методологического уровня. Поэтому не случайно, что возникла необходимость обоснования ряда научных вопросов, на которые уже делался акцент: о наличии четких субординационных связей по методологическим вопросам между общей теорией права и цивилистикой; об исключительности этапа применения правовой методологии в науке гражданского права, в рамках которого должен быть сформирован механизм применения отдельного цивилистического учения.

В нашем понимании, помимо сугубо теоретических и логических причин, методологическое учение не образовалось в отраслевой (специальной) области знаний в первую очередь из-за политических (кафедральных) причин. В момент перехода от описательной методологии (раскрытие отдельных методов, правил, принципов их ис-

пользования) к аналитической методологии не произошло органичного и необходимого перевода методологического вопроса в область рассмотрения отдельных наук, в частности науки гражданского права, что оценивается нами как негативное проявление правоведения в целом.

Заключение

Принципиальное нежелание считаться со сложившейся негативной ситуацией позволяет, подводя итог краткому рассмотрению затронутого вопроса, сделать ряд концептуальных выводов.

Системное, целостное представление о методологии науки гражданского права видится не просто как знание, подтверждающее или опровергающее теоретические выкладки – раскрытие и объяснение системных связей и зависимостей между отдельными методами познания права, выявление возможностей последних, определение их местоположения в общей структуре наряду с другими средствами, а как комплексный процесс, позволяющий достигать ценный научный результат, где одним из главных критериев оценки будет являться практическая применимость и общая результативность специального механизма конкретизации правовых методов.

Цивилистическая методология производна по отношению к достижениям общей теории права, применительно к основам методологического учения. Данную производность не следует нивелировать и критиковать, так как именно она позволяет установить логичное соотношение между двумя правовыми образованиями. Однако от идеи полной зависимости цивилистической методологии от философского методологического учения следует поэтапно отходить, во благо укоренения в правовой области самостоятельного методологического инструментария.

Специфика частной науки, традиции которые для нее свойственны, и та высокая результативность, которая отмечается применительно к ней, заставляют нас говорить об ее исключительности, в том числе и в методологическом вопросе, но только в

контексте механизма применения методологических компонентов. Подобный подход, выделение этапа применения, позволяет ответить на один из краеугольных вопросов, возникающих при восприятии гражданского права в научной области, – на вопрос о надобности методологии в области гражданско-правовой науки. Данная проблема устраняется, так как представить методологическое учение, образованное в области теории государства и права, невозможно без проверочного, модификационного этапа, который должен проявляться (формироваться) на уровне специальной науки.

По нашему мнению, вывод о производности методологии науки гражданского права необходим для встраивания отраслевого учения в общую правовую конструкцию. Подобное становится возможным, если окончательно отойти от представления правовой методологии как совокупного, суммативного образования, предполагающего лишь описательный аспект приемов и средств. В этом случае исключительность общей правовой методологии устраняется, так как совокупность разрозненных идей о видах и содержании отдельных приемов проецируются и на области отдельных наук, в частности цивилистическую. Продолжая конкретизировать содержательные моменты отдельных методов, полностью или в части видоизменяя их, не удастся подтвердить ни исключительность правовой методологии, ни самостоятельность цивилистической методологии. Сложным становится и однозначно подтвердить концептуальный статус для наук правового сегмента, в нашем случае гражданского права, методологии общей теории права. В итоге чего более или менее удастся добиться, так это определенного «преклонения» перед методологическими знаниями философского содержания.

На данный момент нужно сконцентрировать внимание на подходе, согласно которому следует основываться на системном строении, проявляющем соподчиненность связей внутренних методологических компонентов. При использовании подобного видения отраслевая тематика по методологическому вопросу станет подтверждени-

ем наличия системности в самой правовой методологии. Механизм применения методологии в науке гражданского права видится нам в качестве элемента правовой методологии.

Библиографический список

1. Комиссарова Е.Г. Об основах методологической культуры в цивилистике // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 246–253.
2. Комиссарова Е.Г. Методологический потенциал гражданского-правовой науки // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4(22). С. 310–316.
3. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 254–270.
4. Радбрух Г. Введение в науку. М.: Труд, 1915. 160 с.
5. Сырых В.М. Метод общей теории права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 74 с.

References

1. Komissarova E.G. *Ob osnovakh metodologicheskoy kul'tury v tsivilistike* [On the Fundamentals of Methodological Culture in Civil Law] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences*. 2014. № 4(26). Pp. 246–253 (In Russ).
2. Komissarova E.G. *Metodologicheskii potentsial grazhdansko-pravovoy nauki* [Methodological Potential of Civil Law Science] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences*. 2013. № 4 (22). Pp. 310–316 (In Russ).
3. Kuznetsova O.A. *Metody nauchnogo issledovaniya v civilisticheskikh dissertatsiyah* [Methods of Scientific Research in Civil Law Dissertations] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences*. 2014. № 4(26). Pp. 254–270 (In Russ).

4. Radbrukh G. *Vvedenie v nauku / per. Ostrovskaya M.M., Shteynberg I.Z.* [Introduction into Science]. Moscow: Trud, 1915. 160 p. (In Russ).
5. Syrykh V.M. *Metod obshchey teorii prava: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Method of General Theory of Law: Synopsis of Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1995. 74 p. (In Russ).

THE VALUE OF THE DOCTRINE OF LEGAL METHODOLOGY WHEN JUSTIFYING EXCLUSIVENESS OF METHODOLOGY OF CIVIL LAW SCIENCE

G.V. Kolodub

Saratov State Academy of Law
1, Volskaya st., Saratov, 410056
E-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

Introduction: the article is devoted to the problem of correlation between the methodological concept of theory of state and law and that of civil law, which has not been solved until today. Formation of logical justification for the issue under consideration at the confluence of the sciences seems to be an integral part of research in the field of methodology of civil law science, which is of great current interest. **Purpose:** the author analyses the objective and subjective factors having led to the surrogate (negative) idea of the methodological doctrine in the sphere of civil law, which is represented as a dependent, technical appendage not only of philosophical science, but also of general theory of state and law. **Methods:** empirical methods of comparison, measurement, description, interpretation, theoretical methods of formal and dialectical logic, historical legal and comparative legal methods are used. **Results:** the author believes that in the field of civil law science it is necessary to arrange not only the process of sorting out methodological components, but also, which is the most important, the process of adaptation and modification of particular methods while investigating the issues that are the subject of civil law science themselves. **Conclusions:** according to the author, civil law methodology is undoubtedly exclusive. However, it is connected not with justification of independent scientific research methods but with scientific activity. The latter can allow for creating a mechanism of legal methodology application in science of civil law, which has to have the status of a legal methodology element.

Keywords: methodology as a doctrine; legal methodology; civil law methodology; methodological levels; systemic nature of the methodological doctrine; mechanism of application of methodology

Информация для цитирования:

Колодуб Г.В. Значение учения о правовой методологии при обосновании вопроса исключительности методологии науки гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 100–106.

Kolodub G.V. *Znachenie ucheniya o pravovoy metodologii pri obosnovanii voprosa isklyuchitel'nosti metodologii nauki grazhdanskogo prava* [The Value of the Doctrine of Legal Methodology when Justifying Exclusiveness of Methodology of Civil Law Science] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 100–106. (In Russ).

СРЕДСТВА И МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА**Е.В. Косенко**

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии
410600, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: E_Kosenko1978@mail.ru

Введение: статья посвящена проблеме определения средств и методов, которыми может (и должен) руководствоваться исследователь, при проведении научных изысканий в сфере семейного права. Выявлено, что в настоящее время отсутствует комплексное исследование, посвященное в целом методологии указанной самостоятельной отрасли. **Цель:** рассмотреть средства и методы с целью определения их состава, а также определить возможные отличия этого состава от общепринятых средств и методов, традиционно применяемых исследователями в цивилистических исследованиях. Представить средства и методы научного исследования в их взаимозависимости. **Методы:** отдельные методы формальной логики – анализ и синтез, индукция и дедукция в связи их с экстраполяцией, аргументация, обобщение, аналогия. **Результаты:** применяя указанные методы, удалось выявить бо́льшую часть средств и методов, применимых в научных исследованиях по семейному праву. Устраняясь от традиционного деления методов на общенаучные и частнонаучные, автор концентрирует внимание на взаимосвязи средств и методов в познании семейного права. Предложено активно применять в исследованиях метод идеализации и экстраполяции. Среди средств научного познания наиболее сложными в применении видятся автору языковые средства. Кроме того, использованы и редкие для терминологии науки семейное право термины «фамилиарное исследование» и «ученые-фамилиаристы». По мнению автора, следует положительно оценить принятые в зарубежных научных изысканиях указанные термины, означающие соответственно «исследование по семейному праву (в сфере семейного права)» и «ученый, занимающийся изучением семейного права». **Выводы:** семейное право столь универсально, что не может ограничиться лишь отдельными методами, будь то общенаучные или частнонаучные методы. Перечень их может быть и более широким, нежели в гражданском праве. На фоне отсутствия комплексного исследования их в отрасли семейного права, назрела проблема осуществления подобного исследования.

Ключевые слова: методология науки; методология права; методология семейного права; фамилиарные исследования; ученые-фамилиаристы; средства; методы

Введение

Научные исследования в сфере семейного права изобилуют указаниями на различные методы научного исследования, при этом, можно утверждать, что до настоящего времени учеными-фамилиаристами не представлено самостоятельного научного исследования, посвященного методологии

науки «семейное право»¹. Возможно, что это упущение произошло во многом «бла-

¹ От лат. *familiaris* – семейный, домашний. В европейских странах ученых, занимающихся наукой семейное право, именуют «фамилиаристы». См., например: KRÁLÍČKOVÁ, Lidskoprávní dimenze českého rodinného práva // Zdeňka Vydavatel: Masarykova univerzita. Brno, 2009, 1. vydání, (191 s.), ISBN 978–80–210–5053–2. Указанный термин, мы полагаем, может быть внедрен и в юридический словарь на русском языке. Далее по тексту мы будем придерживаться указанной терминологии применительно и к исследованиям в сфере семейного права.

годаря» тому, что и до настоящего времени окончательно не сформировано научное мнение о самостоятельном отраслевом значении семейного права, главным образом в его автономном значении и безусловном отличии от права гражданского.

Спор этот не нов. Так, ученые-цивилисты Г.Ф. Шершеневич и Д.И. Мейер имели на этот счет противоположные мнения: первый полагал, что семейное право есть часть гражданского, второй, напротив, указывая на особый, личный характер взаимоотношений субъектов семейного права, считал, что ему не место в системе гражданского права [21, с. 13; 14, с. 33–34].

Современные исследователи в большинстве своем отстаивают позицию Д.И. Мейера, среди них, например, ученые А.М. Нечаев, О.Ю. Ильин, А.Н. Левушкин. Другие, например М.В. Антокольская, полагают, что семейное право не содержит сколько-нибудь качественных материальных критериев, позволяющих отграничить семейные отношения от отношений, регулируемых другими отраслями права, а следовательно, семейное право не является самостоятельной отраслью права [16, с. 5; 3, с. 7–9, 25–30, 35; 6; 7; 12].

Позволим себе утверждать, что семейное право все же является самостоятельной отраслью права, а обоснованием такого утверждения служит, по нашему мнению, не только факт наличия именно межличностных связей, возникающих между субъектами семейного права, но и совершенное отличие принципов указанной отрасли, от принципов гражданского права. А как известно, именно принципы определяют начала и являются руководящим ориентиром для взаимодействия субъектов права. Вряд ли мы смогли бы применить в отрасли семейного права принцип неприкосновенности собственности. Но, возможно, что сторонники позиции Г.Ф. Шершеневича (а вслед за ним и О.С. Иоффе и М.В. Антокольской) возразят, говоря, что в семейном праве возможно применение таких принципов гражданского права, как равенство субъектов и свобода договора. Мы отчасти согласны с таким утверждением, однако за-

метим, что взаимопроникновение отраслей всегда неизбежно, но не позволяет нам утверждать, что в связи с этим одна отрасль права «поглощает» другую. Подобная конвергенция отраслевых принципов, напротив, полезна и позволяет лишь констатировать, что речь идет о глубоких межотраслевых связях, коими обладают в том числе семейное и гражданское право [9; 19].

В настоящей публикации мы затронем лишь небольшой раздел методологии научного исследования в семейном праве, касающегося средств и методов, которые избирает для себя исследователь.

Обратим внимание на то, что, несмотря на автономность и безусловную самостоятельность отрасли гражданского права, существует неопределенность и с перечнем методов, которыми может (или должен) оперировать исследователь в этой области знаний, и, более того, использование их во многом носит хаотичный характер. На это, в частности, указывает исследование, проведенное по проблематике применения методов в научных работах молодых ученых, О.А. Кузнецовой. Ученый обращает внимание на то, что «...все приведенные данные и их анализ позволяют сделать неутешительный вывод о том, что соискатели ученых степеней по цивилистике крайне мало осведомлены как о методологической науке в целом, так и об отдельных методах научных правовых исследований в частности» [10, с. 254–270].

Полагаем, что подобная проблема существует и в работах по семейному праву. Отметим, что в отечественной юридической фамилиарной литературе им (средствам и методам. – Е.К.) практически не уделяется внимание, тогда как «...они составляют крупный раздел методологии как учения об организации деятельности» [17, с. 96].

Рассмотрим их с целью определения их состава, а также зададимся целью определить возможные отличия этого состава от общепринятых средств и методов, традиционно применяемых исследователями в цивилистических исследованиях. При этом мы намеренно обойдем вниманием традиционную градацию методов научного исследо-

вания на общие и частнонаучные методы. Представим *средства и методы* научного исследования в их взаимосвязи и взаимозависимости, раскрывая методы исследования переходя от общего к частному – от средств к методам их составляющих.

Средства и методы научного познания семейного права

Н.Г. Герасимов выделяет четыре средства научного познания: материальный, математический, логический и языковой [4]. Очевидно, что все указанные средства могут быть использованы при проведении исследований по семейному праву. Так, математическое средство предполагает применение математической логики, при которой отрицается либо утверждается некое абстрактное суждение. Позволим себе утверждать, что формулирование норм права основано, в том числе и на подобной конструкции. Примером могут служить нормы как гражданского, так и семейного права. Например, п. 3 ст. 31 СК РФ предполагает, что супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей. При этом норма исходит из некоего абстрактного посыла, связанного с убеждением об идеальном сочетании интереса всех членов семьи.

Более того, математическая логика позволяет в суждении исследователя избежать громоздких конструкций, определить главный элемент и вспомогательные составляющие его мнения.

Новаторами в применении математических средств в исследовании были ученые-криминалисты. Например, А. Бертильон, разработавший и внедривший систему использования антропометрических данных преступников для их идентификации [23]. «Несколько позже аппарат теории вероятностей и математической статистики был применен при разработке новых методов судебно-портретной экспертизы (З.И. Кирсанов), аналитического исследования свинца и бумаги (В.М. Колосова), дактилоско-

пической экспертизы (А.Я. Палиашвили). Среди всех видов судебных экспертиз наибольшее практическое значение математические методы имеют для почерковедческой и дактилоскопической экспертизы» [1, с. 128].

Но следует ли полагать, что математические средства исследования чужды исследованиям фамилиарным? Думаем, нет. Математические средства активно использовались и ранее и в современных исследованиях, главным образом в процессе изучения статистических данных, без которых не обходится в основном обоснование актуальности темы исследования. Более того, полагаем, что активно используется и такое математическое средство как теория распознавания образов, при котором разрабатывается метод выделения важных свойств отдельной совокупности объектов и установления по этим свойствам принадлежности объекта к одному из известных типов. Именно таким образом (наряду с воздействием и логического средства) формируется классификационная характеристика объектов.

Математическое средство нередко применимо в фамилиарном исследовании в совокупности со средством логическим, впрочем, последнее не лишено и самостоятельного значения в исследовании. Логические средства познания, будь то средства формальной или диалектической логики, очевидным образом позволяют представить пример логической непротиворечивости суждения, без которого немислим сам процесс исследования. В.К. Бабаев обоснованно полагает, что «...право в силу своих особенностей является наиболее благоприятной почвой для приложения логики. Оно является формально определенной, логически последовательной, строго фиксированной системой, включает массу законодательных определений, которые должны отвечать правилам определения понятий (определение через ближайший род и видовое отличие, генетическое определение, описание указаний и т.д.). Каждый из законов логики (тождества, противоречия, исключенного третьего, достаточного основания) в полной

мере проявляет себя в праве, отражая его особенности. Все основные правовые процедуры и процессы (и прежде всего – правотворческий и правоприменительный) строятся в строгом соответствии с формами мышления – правилами оперирования понятиями, суждениями, умозаключениями» [18, с. 24].

Безусловно, любое фамилиарное исследование изобилует силлогизмами, которые и есть суть исследования, некое обобщение уже известных суждений с предложением нового, претендующего на истинное, однако, ценность исследования подтверждается и непосредственными умозаключениями [22, с. 875–879].

Именно логические средства позволяют нам сочетать и концентрировать те общие черты и свойства, которые свидетельствуют о взаимопроникновении отраслей права: семейного и гражданского, семейного и административного, семейного и конституционного и т.д. Наконец, логические средства позволяют привести к единому знаменателю эмпирические данные, провести между ними логические связи, выявить закономерности и, возможно, определить дальнейшие тенденции.

Полагаем, широкое использование логики в фамилиарных исследованиях определяет наличие многих логических методов для достижения цели и задач исследования. Применимы такие формально-логические методы? как: классификация (анализ), обобщение (синтез), индукция и дедукция, конструирование понятий, аргументация, абстрагирование, идеализация, обобщение, аналогия, экстраполяция, моделирование, гипотеза; в свою очередь, диалектическая логика предлагает для применения метод восхождения от абстрактного к конкретному с учетом законов диалектической логики.

Большая часть этих логических методов применима и при проведении цивилистических исследований, в этой связи они подвергались в разные годы изучению учеными-цивилистами.

Следует отметить: будучи самостоятельной отраслью права, семейное право

обладает безусловной самостоятельностью методов исследования, но, следует и признать, что, будучи одной из отраслей права, наиболее взаимосвязанной с правом гражданским, семейное право имеет ряд общих характерных методов, которые с одинаковым успехом могут применять исследователи как при изучении семейного, так и гражданского права. К таким «общим» методам следует, например, отнести анализ и синтез. Первый предполагает в праве мысленное разделение объекта исследования на некие составные части – элементы, которые мы классифицируем по определенному признаку, затем каждый элемент может быть исследован в отдельности и, в свою очередь, расчленен на составляющие. Так, права и обязанности родителей в основном подразделяют в исследованиях на личные и имущественные.

В фамилиарных исследованиях наряду с цивилистическими применим логический анализ, который позволяет уточнить понятийный аппарат отрасли, обосновать и доказать это уточнение. Синтез, напротив, предполагает мысленное действие по объединению разрозненных элементов предмета исследования (здесь же применим и метод сравнения), выявление связей между ними, закономерностей их объединения и, в итоге, изучение предмета как единого целого.

Безусловно, общим методом исследования выступает и метод абстрагирования, который Аристотель представлял как процесс, в результате которого отбрасывается все частичное, случайное, второстепенное и отделяется общее.

Полагаем, присущ и цивилистическим и фамилиарным исследованиям метод обобщения, при котором общее суждение (понятие) формируется путем суждения (понятия) о частном, в том числе частном как элементе общего (права ребенка – это и права человека), либо когда частное – это явление, событие или ситуация (алкоголизм как фактор, влияющий на увеличение числа детей-сирот). «...В правовом познании метод обобщения используется в форме: а) обобщение профессионального опыта на основе анализа конкретных случаев (дел); б)

теоретического обобщения практики государственного строительства и реализации права в действиях субъектов правоотношений (создание теории права); в) обобщение эмпирических, отраслевых теорий права» [2, с. 369–448]. При этом обобщение профессионального опыта и практики, как и любых эмпирических данных, будут носить в себе элемент юридической погрешности, поскольку эти элементы предмета исследования не могут быть до конца однородными. По сути, в исследовании вычленяются лишь преобладающие данные, тогда как практика и эмпирические сведения всегда будут содержать и частные случаи.

Полагаем, фамилиарные исследования изобилуют и применением метода *экстраполяции*, частью которого, наряду с анализом и индукцией, является и метод обобщения. Экстраполяция предполагает, что выявленные в ходе исследования закономерности будут перенесены на изучаемый предмет в его будущем развитии. Д.П. Горский полагает, что экстраполяция как метод заключается в распространении на него качественных и количественных характеристик, а также в уравнении на другие предметные области в пределах одной науки или на другие области знания [5, с. 138–139; 15, с. 105–121]. Подобным свойством обладает и метод аналогии, однако метод экстраполяции является симбиозом нескольких взаимопроникающих методов, в связи с чем его применение представляется нам наиболее предпочтительным.

Метод индукции, как отмечалось, является элементом экстраполяции, но может быть использован в фамилиарных исследованиях и самостоятельно, впрочем, индукция обычно применяется в паре с дедукцией, это наилучшим образом сочетает в себе свойства указанных методов. Индукция позволяет нам определить и использовать действительно необходимые для исследования данные, которые с помощью дедукции получают возможность быть объединены в новое знание. «...Знание, добытое методом индукции, в мышлении ученого является предпосылкой для построения нового “демонстративного” знания, которое, в свою

очередь, становится основой обоснование частичных истин на теоретическом уровне мышления» [13].

Одним из активно используемых методов логики для научного исследования, в том числе в фамилиарном исследовании, является метод построения *гипотез*. Этот метод предполагает высказывание исследователем неких предположений в отношении объекта исследования, касающихся как его дальнейшего функционирования и развития, так и истории и причинах его возникновения. *В этой связи гипотеза как метод представляется нам в виде гипотезы перспективной и ретроспективной*. Кроме того, «...в зависимости от той роли, которую играют гипотезы в процессе познания на пути нового знания, гипотезы подразделяют на вспомогательные (рабочие) и основные (определяющие)» [13].

Достаточно активно как в цивилистических, так и фамилиарных исследованиях применяется метод моделирования. Наиболее ярким примером использования указанного метода является диссертационное исследование доктора юридических наук А.Н. Левушкина, в котором он представил теоретическую модель построения системы семейного законодательства РФ и других государств-участников СНГ [11].

Указанные примеры свидетельствуют об успешности и безусловной необходимости применения метода моделирования, который предполагает создание некоего «образа» предмета в силу его отсутствия, при этом метод позволяет исследователю заглянуть в предмет настолько глубоко, насколько он сам посчитает необходимым. Он не ограничен рамками, не связан эмпирическими данными, характеризующими предмет, поскольку эти данные разработаны исследователем. Именно поэтому он создает «образец», «идеальную модель», будь то правоотношение, понятие или система.

В этой связи нам представляется актуальным ввести в систему методов научного исследования семейного права метод *идеализации*, который получил широкое распространение в математике и статистике, однако до настоящего времени незаслуженно

проигнорирован юридическими науками. Суть метода идеализации сводится к созданию объектов исследования, обладающих идеальными свойствами или признаками, которые, впрочем, не лишают объект и свойств или признаков реальных. Мы полагаем, что метод идеализации уже используется в процессе фамилиарных исследований, но не обозначается как самостоятельный метод. Так, например, именно метод идеализации позволяет идеализировать правоотношения между субъектами семейных правоотношений: родителями и детьми, несовершеннолетним и другими родственниками, супругами и т.д. В процессе исследования мы предполагаем, что интерес стороны надлежащим образом реализован и защищен, ведь родитель призван эти действия осуществлять наилучшим образом, как если бы мы предполагали, что родитель, безусловно, любит своего ребенка, а ребенок любит своего родителя и в свою очередь заботится о нем по достижении возраста.

Именно метод идеализации предполагает и позволяет исследователю определить права детей: право на общение с родственниками; право на высказывание, а главное, на учет мнения; право на образование и т.д. При определении этих прав мы предполагаем некие идеальные условия, в которых может и должен развиваться ребенок, а определив их, мы устанавливаем обязанности других лиц по реализации и охране таких.

Более того, метод идеализации позволяет привнести объекту исследования некие эфемерные свойства, которые и не достижимы на практике, но являются ориентиром, высшим достижением в реализации правовой нормы. В литературе по логике и философии встречается следующее высказывание, прекрасно иллюстрирующее применение метода идеализации: «Примером идеализированного объекта в правовых науках есть понятие "правовое государство". Юристы определяют, что понятие "правовое государство" дает возможность строить рассуждения и выводы относительно реально существующих государств по

признакам, которые присущи "правовому государству"» [13].

При этом метод идеализации может быть применен при исследовании не только объекта, но и процесса, если последний представляет самостоятельный интерес. Так, не только право или обязанность субъекта, но и процесс его реализации, принципы, которыми руководствуется сам субъект или лицо, на которого возложена такая реализация, могут быть идеализированы с целью выяснения (определения) наилучшего результата, к которому стремится субъект как носитель права.

Не менее востребованными в фамилиарных исследованиях являются методы диалектической логики, к которым относят метод восхождения от абстрактного к конкретному и метод единства исторического и логического методов. При этом методы формальной логики, рассмотренные нами ранее, призваны помочь исследователю изучить сиюминутное состояние объекта, тогда как методы логики диалектической дают видение объекта в развитии, в причинной связи его с другими объектами. Так, Сократ определял диалектику как искусство диалога, противоборство мнений, через которое достигается истина. Таким же образом в научном рассуждении исследователь противопоставляет различные точки зрения, спорит с ними, и это не монолог, а именно диалог ученого. Э.В. Ильенков пишет, что диалектика «...состоит в том, чтобы в фактах, в составе фактов, образующих систему условий нерешенной задачи, выявить их собственное противоречие, довести его до предельной ясности и чистоты выражения, а затем найти ему разрешение опять же в фактах, в составе того единственного факта, которого пока в поле зрения нет и который нужно найти. Противоречие и заставляет искать такой факт» [8, с. 93]. Добавим лишь: поиск противоречий и есть порой суть исследования.

Метод абстрагирования, представленный среди методов научного познания, относящихся к формальной логике, частично подлежит применению в том смысле, который присущ антагонизмам: абстрактное –

конкретное. Абстрактное предполагает отвлечение от неких несуществующих свойств объекта исследования, тогда как конкретное предполагает изучение конкретного объекта. Примером может быть рассуждение о родителе через его абстрактное свойство: несовершеннолетие, иностранное гражданство и т.п. Таким образом, мы восходим в рассуждении, например, от родительского права на проживание с ребенком к неким его абстрактным свойствам: как это право реализуется, если родитель – иностранец, и т.д.

Наконец отметим важнейшее значение для фамилиарных исследований, которое имеет метод единства исторического и логического методов. Многие явления в семейных правоотношениях имеют глубокие исторические первопричины, без понимания которых исследователю невозможно достичь сколько-нибудь глубокого знания объекта научного познания. При этом исторические реалии невозможно совместить с теми приобретенными свойствами объекта, которые стали присущи ему в ходе развития, без применения логического метода. Именно поэтому сочетание их (исторического и логического методов. – *Е.К.*) позволяет ученому-фамилиаристу проникнуть в суть исследуемого объекта. Следует упомянуть и широко применяемый догматический метод познания, который также относится к методам диалектической логики, основоположником которого являлся Г. Кельзен [20].

Что же касается языкового средства познания, считаем, именно в процессе его применения возникает у исследователя немало сложностей. Происходит это потому, что достаточно долго отечественная правовая наука развивалась автономно от правовой науки европейских стран, которые традиционно в России считаются цивилизованными странами. В этой связи многие термины, применяемые в зарубежных правовых порядках, чужды отечественной терминологии, и наоборот. Однако подобные препятствия, мы полагаем, бывают даже полезны, поскольку помогают исследователю сравнить, а порой и предложить к внедрению

полезные новшества либо убедиться в совершенстве отечественного права.

Выводы

Настоящее довольно краткое исследование средств и методов, по нашему мнению, допустимых к применению в фамилиарных исследованиях, позволяет констатировать, что семейное право столь универсально, что не может ограничиться лишь отдельными методами, будь то общенаучные или частнонаучные методы. Перечень их может быть и продолжен (и быть представлен более широким перечнем, нежели в гражданском праве), и лишь формальные рамки научной статьи не позволили нам толковать их более подробно и предложить иные средства и методы исследования. На фоне отсутствия комплексного исследования их применительно к отрасли семейного права считаем назревшей проблему осуществления подобного исследования.

Библиографический список

1. *Арбузов П.В., Гуде С.В., Герасименко В.Н., Медянцева Д.В.* Основы высшей математики для юристов. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 448 с.
2. *Аристотель* О душе // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 403 с.
3. *Антокольская М. В.* Семейное право. М.: Юрист, 1996. 432 с.
4. *Герасимов Н.Г.* Структура научного исследования (философский анализ познавательной деятельности в науке). М.: Мысль. 1985. 215 с.
5. *Горский Д. П.* Обобщение и познание. М.: Мысль, 1985. 208 с.
6. *Ильина О. Ю.* Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 42 с.
7. *Ильина О.Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
8. *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. 319 с.
9. *Коршунов Н.М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и

- практики. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 240 с.
10. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 254–270.
 11. Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств-участников Содружества независимых государств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 462 с.
 12. Левушкин А.Н. Реформирование межотраслевого регулирования семейных отношений // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 75–77.
 13. Логика для юристов: лекции. URL: <http://www.uareferats.com.html> (дата обращения: 24.04.2015).
 14. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. Ч. 1 831 с.
 15. Микешина Л.А. Экстраполяция как способ оптимизации знаний // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXV, № 3.
 16. Нечаева А. М. Семейное право: курс лекций. М.: Юрист, 1998. 336 с.
 17. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: Синтег, 2007. 668 с.
 18. Теория государства и права // под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. 592 с.
 19. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.
 20. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1987. Вып. 1. 195 с.
 21. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. 461 с.
 22. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. СПб.: Семейновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890-1907. Т. 58. 515 с.
 23. Bertillon Alphonse. Identification Anthropométrique. London: Forgotten Books, 2013 (Original work published 1893).

References

1. Arbuzov P.V., Hood S.V., Gerasimenko V.N., Medyantsev D.V. *Osnovy vysshej matematiki dlja juristov* [Foundations of Higher Mathematics for Lawyers]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2007. 448 p. (In Russ).
2. Aristotle. *O dushe* [On the Soul] // Aristotle [Works: in 4 vol.]. Moscow: Myslt, 1975. Vol. 1. 403 p. (In Russ).
3. Antokolsky M.V. *Semeynoe pravo* [Family Law]. Moscow: Yurist, 1996. 432 p. (In Russ).
4. Gerasimov N.G. *Struktura nauchnogo issledovaniya (filosofskiy analiz poznavatel'noy deyatel'nosti v nauke* [The Structure of Scientific Research (Philosophical Analysis of Cognitive Activity in Science)]. Moscow: Mysl, 1985. 215 p. (In Russ).
5. Gorsky D.P. *Obobshchenie i poznanie* [Generalization and Cognition]. Moscow: Mysl, 1985. 208 p. (In Russ).
6. Ilyina O.Y. *Chastnye i publichnye interesy v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk* [Private and Public Interests in the Family Law of the Russian Federation: Synopsis of Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2006. 42 p. (In Russ).
7. Ilyina O.Y. *Problemy interesa v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [The Problems of Interest in the Family Law of the Russian Federation]. Moscow: Gorodets, 2007. 192 p. (In Russ).
8. Ilyenkov E.V. *Ob idolakh i idealakh* [About Idols and Ideals]. Moscow: Politizdat, 1968. 319 p. (In Russ).
9. Korshunov N.M. *Konvergentsiya chastnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki*. [The Convergence of Private and Public Law: Theory and Practice]. Moscow: Norma, Infra-M, 2011. 240 p. (In Russ).
10. Kuznetsova O.A. *Metody nauchnogo issledovaniya v civilisticheskikh dissertatsiyah* [Methods of Scientific Research in Civil Law Dissertations] // *Vestnik Permskogo univer-*

- siteta. *Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. *Yuridical Sciences*. 2014. № 4 (26). Pp. 254–270. (In Russ).
11. Levushkin A.N. *Teoreticheskaya model' postroeniya sistemy semeynogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i drugikh gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv: dis. ... dokt. yurid. nauk* [Theoretical Model of Building a System of Family Legislation of the Russian Federation and Other Countries of the Commonwealth of Independent States: Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2013. 462 p. (In Russ).
 12. Levushkin A.N. *Reformirovanie mezhotraslevogo regulirovaniya semeynykh otnosheniy* [Reforming of the Inter-branch Regulation of Family Relations] // *Sotsial'no-politicheskie nauki* – Socio-Political Sciences. 2013. №1. Pp. 75–77. (In Russ).
 13. *Logika dlya yuristov: lektzii*. [Logic for Lawyers: Lectures. Official website of Lviv National University]. URL: <http://www.uareferats.com.html> (the date of circulation: 24.04.2015). (In Russ).
 14. Meyer D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch.* [Russian Civil Law: in 2 p.]. Moscow: Statut, 2003. Vol. 1. 831 p. (In Russ).
 15. Mikeskina L.A. *Ekstrapolyatsiya kak sposob optimizatsii znaniy* [Extrapolation as a Method of Knowledge Optimization] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and Philosophy of Science. 2010. Vol. XXV, № 3. Pp. 105–121. (In Russ).
 16. Nechayeva A.M. *Semeynoe pravo: kurs lektsiy*. [Family Law: Course of Lectures]. Moscow: Yurist, 1998. 336 p. (In Russ).
 17. Novikov A.M., Novikov D.A. *Metodologiya* [Methodology]. Moscow: Sinteg, 2007. 668 p. (In Russ).
 18. *Teoriya gosudarstva i prava // pod red. V.K. Babaeva*. [Theory of State and Law / ed. by V.C. Babayev]. Moscow: Yurist, 2003. 592 p. (In Russ).
 19. Chelishev M.Y. *Sistema mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: dis. ... dokt. yurid. nauk* [The System of Inter-Branch Connections of Civil Law: Doc. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2008. 501 p. (In Russ).
 20. *Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena. K XIII kongressu Mezhdunarodnoy asotsiatsii pravovoy i sotsial'noy filosofii (Tokio, 1987) / otv. red. V.N. Kudryavtsev, N.N. Razumovich*. [A Pure Doctrine on the Hans Kelsen's Law. To the XIII Congress of the International Association of Legal and Social Philosophy (Tokyo, 1987) / ed. by V.N. Kudryavtsev, N.N. Razumovich]. Moscow: Izd-vo INION RAN, 1987. 195 p. (In Russ).
 21. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [The Textbook on Russian Civil Law]. Moscow: Statut, 2005. 461 p. (In Russ).
 22. *Entsiklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona v 86 t.* [Collegiate Dictionary by F.A. Brockhaus and I.A. Efron: in 86 vols.]. SPb: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efron), 1890–1907. Vol. 58. 515 p. (In Russ).
 23. *Bertillon Alphonse* Identification Anthropométrique. London: Forgotten Books, 2013 (Original work published 1893). (In Eng.).

MEANS AND METHODS OF FAMILY LAW SCIENTIFIC COGNITION

E.V. Kosenko

Saratov State Academy of Law
1, Volskaya st., Saratov, 410056
E-mail: E_Kosenko1978@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the problem of determining the tools and techniques that a researcher can (and should) be guided by when conducting scientific research in the field of family law. It was revealed that there is currently no comprehen-

sive study on the overall methodology of the independent branch under consideration. **Purpose:** the purpose of the paper is to examine the means and methods in order to determine their repertoire, identify its possible differences from conventional means and methods traditionally used by researchers in studies on civil law and also present tools and techniques of scientific research in their interdependence. **Methods:** particular methods of formal logic, such as analysis and synthesis, induction and deduction in connection with extrapolation, argumentation, generalization, analogy are used. **Results:** using these methods, it has been possible to identify most of the tools and techniques applicable for research on family law. Avoiding traditional division of methods into general scientific and specific scientific ones, the author emphasizes the relationship of means and methods in cognition of family law. It is proposed to actively apply extrapolation and idealization methods. Among the tools of scientific cognition, the author finds language tools the most difficult to apply. Besides, the terms “familiarnoe issledovanie” (can be translated as “familiaristic research”) and uchenye-familiaristy (can be translated as “scientists-familiarists”), which are rather rare for family law science terminology, were used. According to the author, one should positively estimate these terms, which are generally accepted in foreign scientific studies and mean a “study on family law (in the field of family law)” and “scientists studying family law». **Conclusions:** family law is so universal that it cannot be confined by individual methods, whether they are general scientific or specific scientific ones. The number of them can be even bigger than in civil law. As far as there is no any comprehensive research on these in family law science, the problem of carrying out such an investigation has been stated.

Keywords: methodology of science; methodology of law; methodology of family law; familiarnoe issledovanie; uchenye-familiaristy; means; methods

Информация для цитирования:

Косенко Е.В. Средства и методы научного познания семейного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 106–116.

Kosenko E.V. *Sredstva i metody nauchnogo poznanija semejnogo prava* [Means and Methods of Family Law Scientific Cognition] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 106–116. (In Russ).

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Е.В. Лунева**

Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420140, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

Введение: статья посвящена исследованию тенденций развития цивилистической методологии по уровням ее структуры. **Цель:** определить основные пути развития методологии гражданского правоведения. **Методы:** абстрагирование, анализ, синтез, индукция, дедукция, диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой и другие, как общенаучные, так и частнонаучные методы. **Результаты:** рассмотрена структура методологии научного познания гражданско-правовой действительности. Показаны высший (диалектико-мировоззренческий), общенаучный (междисциплинарный) и частнонаучный уровни исследования гражданского права. Приведены конкретные примеры применения тех или иных методов в диссертационных сочинениях, монографиях и научных статьях, имеющих гражданско-правовую направленность. **Выводы:** выявлено, что общенаучному уровню методологии исследования гражданского права свойственна тенденция к включению в систему методов изучения цивилистики дополнительных межотраслевых и междисциплинарных подходов к выработке научных знаний, а также обращение к забытым приемам и способам научной деятельности. Частнонаучный же уровень методологии гражданского правоведения имеет тенденцию к появлению новых методов на основе синтеза уже существующих средств познания гражданско-правовых явлений. **Научная новизна:** впервые в науке гражданского права сделана попытка определить основные тенденции развития методологии цивилистического познания. **Практическая значимость:** результаты исследования можно использовать для проведения изысканий в области гражданского права и иных частноправовых отраслях.

Ключевые слова: методология науки гражданского права; научное познание; метод; цивилистические исследования

Введение

Значительное усложнение и развитие общественных отношений и, как следствие, детализация и дифференциация гражданско-правового регламентирования, существенная модернизация гражданского законодательства требуют применения дополнительных средств познания цивилистических новшеств, изменившихся гражданско-правовых категорий, явлений и феноменов. Выявление цивилистических закономерностей, продуцирование нового научного знания, так необходимых для построения эффективных моделей гражданско-правового регулирования, возможны лишь при правильном выборе способов обоснования ав-

торской позиции, доказательности, аргументированности, критериев приемлемости полученных результатов. В такой ситуации вопросы развития методологии научного познания гражданско-правовой действительности становятся исключительно актуальными.

Методологии цивилистических исследований внимание уделяли такие ученые, как К. Вибхут [21], Д. Джеймс [20], Ю.В. Ковалева [5], Е.Г. Комиссарова [6], О.А. Кузнецова [7], А.Ю. Мигачева [10], З.Ф. Сафин [12], Р.И. Ситдикова [14, § 1.1], А.Т. фон Мехрен [20], М.Ю. Чельшев [12], Ф. Эйналэм [21] и др. Однако их изыскания посвящены отдельным аспектам системы научных методов, применяемых в гражданском праве. В то же время сфера развития

методологии гражданского правопедения остается неразработанной. Недостаточно изученными являются и пути совершенствования способов познания гражданско-правовой действительности.

Изложенные положения об актуальности и степени разработанности темы исследования предопределили не только выбор его направления, но и **цель работы**: определить основные пути развития методологии гражданского правопедения.

Высший уровень цивилистической методологии

Совокупность методов исследования гражданского права довольно разнообразна. Как и в других областях научного знания, здесь применяются приемы и способы всех уровней методологии. Структура последней представлена высшим (диалектико-мировоззренческим), общенаучным (междисциплинарным) и частнонаучным уровнями [4, с. 50].

Высший уровень получения научного знания, включая и гражданско-правовую область, образован из диалектического метода, позволяющего познавать в неразрывном единстве, в общей связанности явления и закономерности гражданско-правового бытия. Существенное методологическое значение для науки гражданского права имеют такие законы и категории диалектики, как единства исторического и логического, абстрактного и конкретного, общего и особенного, единичного и уникального. Диалектический метод – единственный универсальный метод, способный привести к истинному знанию, «... что оказывает влияние и на методологию права и на выбор методологии авторами отдельных цивилистических работ» [7, с. 257]. Высшей уровень гражданско-правовой методологии является основой последующих ее структурных уровней, поэтому характеризуется перманентностью и отсутствием какой-либо тенденциозности.

Общенаучный уровень цивилистической методологии

Общенаучный уровень состоит из способов и методов научного познания, приме-

няемых в разных научных дисциплинах. Интеграционные процессы, выражающиеся в появлении новых видов связей (внутриотраслевых, межотраслевых, надотраслевых, междисциплинарных) в гражданском праве, предполагают использование междисциплинарной методологии. Апеллирование к ее способам познания обусловлено тем, что гражданско-правовая реальность изучается не только юридическими, но и другими науками [6, с. 28, 29].

Любое научное исследование, включая и гражданско-правовую область, невозможно провести, не прибегая к логическим приемам в виде анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения и обобщения, аналогии и типологии. По законам формальной логики формируется понятий аппарат, выстраивается терминологический ряд конкретного цивилистического исследования. Логические средства научного познания способны согласовать признаки, раскрывающие ту или иную гражданско-правовую дефиницию, с признаками общетеоретических правовых явлений. Показательным примером здесь является сформулированное Ю.В. Ковалевой определение «императивности» в гражданском праве, базирующееся на непосредственном выражении императивности в общей теории права [5, с. 95].

В юридической литературе обоснованно обращается внимание на принципиальное расширение философского и социокультурного контекста современного правопедения, требующего от юристов серьезного самоопределения в рамках методологии юриспруденции [15, с. 4–15]. Аналогично и в гражданско-правовой доктрине указывается на необходимость применения философских средств познания в цивилистике, объясняющих причинность и обусловленность появления, существования, модификации, исчезновения гражданско-правовых принципов, институтов и конструкций [10, с. 296, 300]. Одним из основных философских инструментов научного исследования является гносеологический метод, используемый для познания гражданско-правовой действительности, в результате которой ци-

вилистическое знание рассматривается как познавательный результат.

Довольно распространенным стало проведение анализа юридической природы гражданско-правового явления с позиции философского представления о «сущности», образующей базис онтологического подхода. Применим в гражданско-правовых изысканиях и аксиологический метод, акцентирующий внимание на ценностных аспектах цивилистики.

Кроме того, на стыках областей междисциплинарного познания гражданско-правовой действительности ученые-цивилисты делают выводы о методологическом потенциале тех или иных философско-правовых и даже этико-правовых понятий, используемых в гражданском праве. Анализируя нравственное должностное и гармонию права и нравственности, обусловленную диалектическим переходом нравственного сознания в правовое, как постулатов этической концепции гражданского права, Ф.И. Хамидуллина показывает их методологическую значимость для раскрытия фундаментальных свойств права и закономерностей его функционирования [20, с. 184–188].

Нередко в сфере гражданского права используются социологические и статистические методы исследования (последнее наглядно отражается в диссертационных работах). Социологическая методология позволяет оценить эффективность гражданско-правовых норм, а также выявить социальные факторы, под воздействием которых происходит смена этапов «жизненного цикла» гражданско-правовых явлений. С помощью социологического исследования в виде анкетирования, Р.И. Ситдиковой были обнаружены неправовые факторы, влияющие на становление авторского права и формирование гражданско-правового механизма охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом [16, с. 40, 67]. Статистические приемы направлены на выявление зависимостей правовых явлений от правовых или неправовых условий и проверки достоверности полученных результатов.

В науке гражданского права допустимо применение и математических приемов. Количественный показатель может составлять основу авторской аргументации при обосновании использования какого-либо термина в цивилистической науке. Так, в качестве доказательства возможности употребления категории «управление» в гражданском праве, Р.З. Ибатуллина подсчитала количество ее упоминаний в Гражданском кодексе РФ [3, с. 5]. Цифры, получаемые простым подсчетом, показывают количества элементов гражданско-правовых механизмов, частей юридических конструкций правового режима объектов гражданских прав¹, компонентов структуры правового статуса субъектов гражданских правоотношений и составных частей других гражданско-правовых структурных явлений [12, с. 148].

Численные показатели позволяют наглядно описать степень разработанности темы гражданско-правового исследования. В целях подтверждения отсутствия в отечественной гражданско-правовой доктрине целостного представления об обороте как едином правовом явлении В.А. Петрушкин осуществил подсчет количества диссертаций по специальности 12.00.03, в названии которых обнаруживается слово «оборот», количество работ, посвященных специфике правового регулирования тех или иных участков гражданского оборота, и количество работ, где гражданский оборот является непосредственным объектом изучения [11, с. 26].

Получаем, что в гражданско-правовых исследованиях активно используется методологический инструментарий других наук. Нарастающие в науке конвергенционные процессы предполагают привлечение дополнительных междисциплинарных подходов к изучению гражданско-правовой материи. Показательным примером являются попытки цивилистов применить методологические возможности общей теории систем к гражданско-правовым изысканиям. Отме-

¹ Например, Е.В. Лунева показывает, что гражданско-правовой режим вещей включает четыре основных составляющих: статическую, динамическую, организационную, охранительную [8, с. 42].

ченный инструментарий не полностью еще прошел адаптацию к гражданско-правовой действительности. Вместе с тем существенное распространение в цивилистике получили такие его методологические категории, как «конструкция», «механизм», «модель», в которых делается упор на установление системно-структурных связей между их составными элементами, а также связей между самими системами. Методологическое значение юридической конструкции в исследовании правовых систем, включая цивилистическую отрасль, показала Ю.А. Серкова [13]. Анализируя юридическую конструкцию гражданского отношения, ученый выявил значимость дифференциации конструкций вещного и обязательственного правоотношений [13, с. 66].

Еще одна тенденция развития методологии в области гражданско-правовой науки на рассматриваемом уровне ее структуры характеризуется возвращением к забытым приемам и способам научной деятельности, ранее способствовавшим получению истинных знаний о гражданско-правовых феноменах. Так, в юридической литературе обращается внимание на необходимость восстановления ранее применяемого в цивилистике принципа детерминизма [10, с. 298]. Последний предполагает, что познание на его основе гражданско-правовых явлений, процессов и отношений будет построено по схеме обнаружения всеохватывающих связей предмета изучения с другими процессами и явлениями как внешними (внеотраслевыми, неправовыми), так и внутренними (собственно отраслевыми, правовыми) [10, с. 298].

Частнонаучный уровень цивилистической методологии

Частнонаучные средства цивилистических изысканий применяются для выявления особенностей и специфики конкретного объекта исследования. Система частнонаучных методов познания гражданского права состоит из формально-юридического, историко-правового, инструментального методов, метода сравнительного правоведения и др.

Формально-юридический (нормативно-догматический) метод основывается на изучении права как такового вне его связи с другими социальными явлениями, путем анализа нормативного материала. Он состоит в уяснении сути и значимости гражданско-правового закона, исходя из его собственного содержания. Этот прием направлен на раскрытие догмы гражданского права [1, с. 51–54] без оценки их исторической, политической или социальной целесообразности [7, с. 262].

Историко-правовой метод, связанный с анализом уроков прошлого, позволяет выявить закономерности функционирования и проследить становление конкретного гражданско-правового института. Исторические аспекты важны с точки зрения тенденциозности, поскольку они учитываются при прогнозировании дальнейших направлений развития гражданско-правовых явлений.

Инструментальный подход направлен на оценку утилитарности гражданского права, путем сопоставления предлагаемого цивилистикой решения с потребностями и целями субъектов гражданских правоотношений [17, с. 26]. Инструментализм включает три составляющие: «правовая цель», «правовое средство» и «правовая деятельность» [17, с. 32]. Основной познавательный потенциал инструментального подхода состоит в уяснении целесообразности использования тех или иных гражданско-правовых возможностей для удовлетворения частного-правового интереса субъекта правореализационной деятельности, условий активного выбора гражданско-правовых средств, соотношения их с другими возможностями [17, с. 34].

Сравнительно-правовой метод как элемент методологии компаративистских исследований подразумевает обращение к зарубежному опыту гражданско-правового регламентирования конкретного участка общественных отношений [20]. В то же время допустимо осуществлять сравнительно-правовой анализ в рамках внутригосударственного законодательства. Сравнение однородных гражданско-правовых явлений, закрепленных национальными норматив-

ными правовыми актами, выделение их общих и отличительных признаков вполне подпадает под рассматриваемый прием. Например, прибегнув к сравнительно-правовому методу, Е.В. Лунева выделила обобщающие и дифференцирующие характеристики преимущественных и исключительных прав и показала правовую природу исключительного права федерального государственного учреждения, ведающего национальным парком, приобретать земельные участки, расположенные в его границах [9].

На частноправовом уровне методологии гражданского правоведения фиксируется возникновение новых приемов научного познания на основе синтеза уже существующих методов. К примеру, разработанный М.Ю. Челышевым межотраслевой метод юридических исследований сочетает в себе черты других методов юридических изысканий, в особенности, сравнительно-правового, системного и структурного [21, с. 135], однако отличается от них целью. Межотраслевой метод юридических исследований, применяемый в цивилистике, направлен на выявление специфики гражданско-правового явления, формирующейся под влиянием правовых образований иной отраслевой принадлежности [21, с. 135].

Лингво юридический метод, используемый Ю.С. Ващенко для осуществления анализа ряда гражданско-правовых понятий, имеющих место в земельном праве [2, с. 78–86], образован из комбинации семантического, описательного и сравнительно-правового способов исследования, а также синхронного и диахронного описания языка. Определенной комплексностью характеризуется и недавно появившийся метод коллизионных узлов, который, по мнению К.Р. Файзрахманова, заключается в том, чтобы выявить и устранить противоречия между элементами различных теоретических моделей, концепций и подходов, имеющих место как в самой цивилистике, так и за ее пределами [18, с. 225–228]. Исследователь указанной проблематики приводит в пример нестыковки, вопросы, возникающие между инструментальной теорией и суще-

ствующей доктриной гражданского права, в результате признания правового средства в качестве самостоятельного элемента системы анализируемой отрасли права [18, с. 225–228]. Можно заключить, что метод коллизионных узлов сочетает в себе приемы метода межотраслевых юридических исследований и всеобщего диалектического метода (в особенности такой закон диалектики, как единство и борьба противоположностей).

Выводы

Таким образом, развитие методологии научного познания гражданско-правовой действительности идет по следующим направлениям. Общенаучному уровню методологии исследования гражданского права свойственна тенденция к включению в систему методов изучения цивилистики дополнительных межотраслевых и междисциплинарных подходов к выработке научных знаний, а также обращение к забытым приемам и способам научной деятельности. Частнонаучный же уровень методологии гражданского правоведения имеет тенденцию к появлению новых методов на основе синтеза уже существующих средств познания гражданско-правовых явлений.

Библиографический список

1. Берлявский Л.Г., Шматова Е.С. Формально-юридический метод в правовых исследованиях: современные подходы // Юридический мир. 2012. № 6. С. 51–54.
2. Ващенко Ю.С. Дихотомическое соотношение понятий публичного и частного начала в земельных правоотношениях // Евразийская адвокатура. 2013. № 5(6).
3. Ибатуллина Р.З. Гражданско-правовой режим управления общим недвижимым имуществом в многоквартирных домах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 24 с.
4. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.
5. Ковалева Ю.В. Методологические основы исследования императивности в до-

- говорном праве // Общество и право. 2010. № 4.
6. Комиссарова Е.Г. Цивилистическая методология в контексте научного познания // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 2. С. 24–30.
 7. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 254–270.
 8. Лунева Е.В. Юридическая конструкция гражданско-правового режима вещей // Юрист. 2014. № 13. С. 41–45.
 9. Лунева Е.В. Юридическая природа исключительного права национального парка приобретать земельные участки, расположенные в его границах // Юридический мир. 2014. № 7. С. 27–30.
 10. Мигачева А.Ю. О необходимости исследования принципа детерминизма в связи с развитием методологии гражданского правоведения // Теория и практика обществ. развития. 2009. № 3–4.
 11. Петрушкин В.А. Правовой оборот недвижимости: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. Казань: ООО «Полигран-Т», 2011. 72 с.
 12. Сафин З.Ф., Чельшев М.Ю. О методологии цивилистических исследований // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6. С. 120–125.
 13. Серкова Ю.А. Понятие юридической конструкции и его методологическое значение в исследовании правовых систем // Юридический мир. 2013. № 7. С. 64–67.
 14. Ситдикова Р.И. Гражданско-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2013. 408 с.
 15. Тарасов Н.Н. Истина в юридическом исследовании (некоторые методологические проблемы) // Академический юридический журнал. 2000. № 1.
 16. Файзрахманов К.Р. Проблема выделения межотраслевых гражданско-правовых средств в аспекте инструментальной теории права // Казанская наука. 2013. № 13.
 17. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. 350 с.
 18. Хамидуллина Ф.И. Этическая концепция гражданского права // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, № 4. С. 184–188.
 19. Чельшев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2008. 206 с.
 20. James G., Taylor von Mehren A. An Introduction to the Comparative Study of Private Law: Readings, Cases, Materials. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 581 p.
 21. Vibhute K., Aynalem F. Legal Research Methods. Justice and Legal System Research Institute, 2009. 252 p.

References

1. Berlyavskiy L.G., Shmatova E.S. *Formal'no-yuridicheskiy metod v pravovykh issledovaniyakh: sovremennye podkhody* [Formal Legal Method in Legal Studies: Contemporary Approaches] // *Yuridicheskiy mir – Juridical World*. 2012. № 6. Pp. 51–54. (In Russ).
2. *Vashchenko Yu.S. Dikhotomicheskoe sootnoshenie ponyatij publichnogo i chastnogo nachala v zemel'nykh pravootnosheniyakh* [Dichotomous Relations between the Concepts of the Public and Private Origin in Land Legal Relationship] // *Evraziyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*. 2013. № 5(6). Pp. 9–13 (In Russ).
3. *Ibatullina R.Z. Grazhdansko-pravovoy rezhim upravleniya obshchim nedvizhimym imushchestvom v mnogokvartirnykh domakh: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Civil Legal Regime of Management of Common Property in Apartment Buildings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2007. 24 p. (In Russ).
4. *Kerimov D.A. Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of Law (Subject, Functions,

- Problems of Philosophy of Law]. Moscow: Avanta+, 2001. 560 p. (In Russ).
5. Kovaleva Yu.V. *Metodologicheskie osnovy issledovaniya imperativnosti v dogovornom prave* [Methodological Fundamentals of Studying Imperativity in Contract Law] // *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2010. № 4. (In Russ).
 6. Komissarova E.G. *Tsivilisticheskaya metodologiya v kontekste nauchnogo poznaniya* [The Civil Methodology in the Context of Scientific Cognition] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*. 2008. № 2. Pp. 24–30 pp. (In Russ).
 7. Kuznetsova O.A. *Metody nauchnogo issledovaniya v tsivilisticheskikh dissertatsiyakh* [Methods of Scientific Research in Civil Law Dissertations] // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – Perm University Herald. Juridical sciences*. 2014. № 4 (26). Pp. 254–270 (In Russ).
 8. Luneva E.V. *Yuridicheskaya konstruktsiya grazhdansko-pravovogo rezhima veshchey* [Legal Structure of Civil-Law Regime of Things] // *Yurist – Jurist*. 2014. № 13. Pp. 41–45 (In Russ).
 9. Luneva E.V. *Yuridicheskaya priroda isklyuchitel'nogo prava natsional'nogo parka priobretat' zemel'nye uchastki, raspolozhennyye v ego granitsakh* [[Legal Nature of the Exclusive Right of a National Park to Acquire Land Plots Located Within Its Borders] // *Yuridicheskiy mir – The Juridical World*. 2014. № 7. Pp. 27–30 (In Russ).
 10. Migacheva A.Yu. *O neobkhodimosti issledovaniya printsipa determinizma v svyazi s razvitiem metodologii grazhdanskogo pravovedeniya* [On the Necessity to Study the Principle of Determinism in Connection with the Development of Civil Jurisprudence Methodology] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2009. № 3–4. (In Russ).
 11. Petrushkin V.A. *Pravovoy oborot nedvizhimosti: problemy teorii i sudebno-arbitrazhnoy praktiki* [Legal Turnover of Real Estate: the Problems of Theory and Court Arbitrage Practice]. Kazan: SLL «Poligran-T», 2011. 72 p. (In Russ).
 12. Safin Z.F., Chelyshev M.Yu. *O metodologii tsivilisticheskikh issledovaniy* [On the Methodology of Civil Law Researches] // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava – Saratov State Academy of Law Bulletin*. 2011. № 6. Pp. 120–125 (In Russ).
 13. Serkova Yu.A. *Ponyatie yuridicheskoy konstruktsii i ego metodologicheskoe znachenie v issledovanii pravovykh sistem* [The Concept of Juridical Construction and Its Methodological Significance in Studying Legal Systems] // *Yuridicheskiy mir – The Juridical World*. 2013. № 7. Pp. 64–67 (In Russ).
 14. Sitdikova R.I. *Grazhdansko-pravovoy mekhanizm okhrany chastnykh, obshchestvennykh i publichnykh interesov avtorskim pravom: dis. ... d-ra yurid. nauk.* [Civil Law Mechanism of Protection of Private, Public and Societal Interests by the Copyright Law: Doc. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2013. 408 p. (In Russ).
 15. Tarasov N.N. *Istina v yuridicheskom issledovanii (nekotorye metodologicheskie problemy)* [The Truth in Legal Research (Some Methodological Problems)] // *Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal – Academic Legal Journal*. 2000. № 1. (In Russ).
 16. Fayzrakhmanov K.R. *Problema vydeleniya mezhotraslevykh grazhdansko-pravovykh sredstv v aspekte instrumental'noy teorii prava* [The Problem of Sorting Out Interbranch Civil Legal Means in Terms of Instrumental Theory of Law] // *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 2013. № 13. (In Russ).
 17. Filippova S.Yu. *Instrumental'nyy podkhod v nauke chastnogo prava* [Instrumental Approach in Private Law Science]. Moscow: Statut, 2013. 350 p. (In Russ).
 18. Khamidullina F.I. *Eticheskaya kontseptsiya grazhdanskogo prava* [The Ethical Concept of Civil Law] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities*. 2013. V. 155, № 4. Pp. 184–188 (In Russ).

19. *Chelyshev M.Yu. Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava* [Fundamentals of the Doctrine on Inter-branch Relations of Civil Law]. Kazan: Kazan State University Publ. House, 2008. 206 p. (In Russ).
20. *James G., Taylor von Mehren A.* An Introduction to the Comparative Study of Private Law: Readings, Cases, Materials. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 581 p. (In Eng).
21. *Vibhute K., Aynalem F.* Legal Research Methods. Justice and Legal System Research Institute, 2009. 252 p. (In Eng).

THE TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF METHODOLOGY OF SCIENTIFIC COGNITION OF CIVIL LEGAL REALITY

E.V. Luneva

Kazan (Volga region) Federal University,
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008
E-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

Introduction: the paper considers the tendencies of the development of methodology for civil law science according to the levels of its structure. **Purpose:** the paper aims at determination of the main ways of development of civil law science methodology. **Methods:** the methods of abstraction, analysis, synthesis, induction, deduction, dialectical, formal-logical, comparative legal methods and other general scientific and specific scientific methods are used. **Results:** the structure of methodology of scientific cognition of civil legal reality has been examined. The highest (dialectical), general scientific (interdisciplinary), and specific scientific levels of studying civil law are shown. Specific examples of use of particular methods in dissertations, monographs and scientific articles with civil orientation are demonstrated. **Conclusions:** it has been found that the general scientific level of methodology of studying civil law is characterized by the tendency to include additional inter-branch and interdisciplinary approaches to scientific knowledge generation into the system of methods of studying civil law, as well as by appeal to the forgotten techniques and methods of scientific activity. The specific scientific level of the methodology tends to emergence of new methods based on synthesis of the existing means of cognition of civil law phenomena. **Scientific novelty:** this work is the first attempt in civil law science to identify the main trends in the development of methodology of civil law cognition. **Practical value:** results of the study may be used in law-making and in scientific research.

Keywords: methodology of civil law; scientific knowledge; method; civil law research

Информация для цитирования:

Лунева Е.В. Тенденции развития методологии научного познания гражданско-правовой действительности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 3(29). С. 117–124.

Luneva E.V. *Tendentsii razvitiya metodologii nauchnogo poznaniya grazhdansko-pravovoy deystvitel'nosti.* [The Trends in the Development of Methodology of Scientific Cognition of Civil Legal Reality] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Yuridical Sciences. 2015. № 3(29). Pp. 117–124. (In Russ).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

1. Правовые и организационные основы публикации научных статей

Тематика журнала. В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам юридических наук, исследования современного состояния российского, международного, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, правовых вопросов социальной работы.

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Кроме того, журнал публикует статьи на любых иностранных языках в специальном разделе. География авторов журнала охватывает как российских авторов, так и иностранных. Статьи зарубежных авторов издаются на представленном автором языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти электронную регистрацию на официальном сайте журнала: <http://www.jurvestnik.psu.ru/> и направить научную статью путем подачи он-лайн заявки.

The image shows a screenshot of the website for the journal "Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki". The header includes the journal's name in Russian and English, and navigation links such as "Главная", "Текущий выпуск", "Архив", "Редаксовет", "Авторы", "Этика", "Требования", "Контакты", "Учредитель", "Рецензирование", and "Аннотации".

On the left, there is a registration form titled "РЕГИСТРАЦИЯ" with the following fields:

- ФИО: *
- Имя/Логин: *
- Контактный телефон: *
- E-mail: *
- Пароль: *
- Подтверждение: *
- Университет/организация: *
- Адрес для отправки авторского экземпляра журнала: *
- Ученая степень/ученое звание: *

Below the form, it states: "поля, отмеченные звездочкой (*), обязательны для заполнения." and there is a "Зарегистрируйтесь" button.

On the right, there is a login form titled "ВХОД НА САЙТ" with fields for "Логин" and "Пароль", a "Login" button, and links for "Забыли пароль?", "Забыли логин?", "Зарегистрируйтесь", and "Подать статью on-line".

Below the login form is a banner for "ПЕРМСКИЙ КОНГРЕСС УЧЕНЫХ-ЮРИСТОВ" with an image of a building.

At the bottom right, there is a search bar labeled "Поиск по сайту" and a decorative image of a quill pen.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 10 тыс. до 40 тыс. печатных знаков с пробелами.

Плата с аспирантов, адъюнктов, соискателей и докторантов за публикацию рукописей не взимается. Аспиранты, адъюнкты, соискатели вправе представить рекомендацию научного руководителя.

Основы правового взаимодействия Издателя и Автора. Издатель (Пермский государственный национальный исследовательский университет) предлагает любому физиче-

скому лицу заключить с Издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором которой он является, на следующих условиях.

Автор безвозмездно предоставляет Издателю (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи (Произведения) в том числе в составе журнала следующими способами:

- воспроизведение произведения, т.е. изготовление одного и более экземпляров произведения или любой его части в любой материальной, в том числе электронной, форме, включая воспроизведение произведения в любых базах данных;
- распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его экземпляров в любом их количестве;
- импорт экземпляров произведения в целях распространения;
- перевод или другая переработка произведения;
- доведение произведения до всеобщего сведения, в том числе использование произведения либо любой его части в сети Интернет, иных компьютерных сетях и любых базах данных.

Предоставление Издателю указанных выше прав использования Произведения сохраняет за Автором право выдачи третьим лицам лицензий на аналогичные способы использования (простая, неисключительная лицензия).

Автор предоставляет Издателю указанные выше права на весь срок действия исключительных прав на статью.

Территория, на которой допускается использование Произведения указанными выше способами, не ограничена, т.е. включает в себя территорию всего мира.

Право использования Произведения предоставляется Издателю **безвозмездно**. Гонорар Автору не устанавливается.

Автор дает согласие на то, что Издатель имеет право предоставлять частично или полностью указанные выше права третьим лицам без дополнительного согласования с Автором и без выплаты Автору и иным лицам дополнительного вознаграждения (сублицензия).

Автор Произведения выражает согласие на внесение в Произведение сокращений и дополнений, снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями – Издателем или третьими лицами – на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров.

Автор Произведения выражает согласие на внесение Издателем или третьими лицами на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров редакторских и корректорских правок в Произведение, а так же на изменение названия Произведения без дополнительного согласования, если эти изменения не приводят к искажению смысла и не нарушается целостность восприятия Произведения.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Автор Произведения дает Издателю согласие на автоматизированную, а также без использования средств автоматизации обработку путем сбора, систематизации, накопления, хранения, уточнения, использования, передачи и удаления своих персональных данных, сообщенных Издателю при заключении лицензионного договора: фамилия, имя, отчество, паспортные данные, дата рождения, адрес места жительства, контактные данные (телефон, адрес электронной почты), а также другие персональные данные, которые Автор Произведения сообщает с целью заключения с Издателем лицензионного договора.

При использовании Произведения:

- Издатель размещает фамилию, инициалы Автора, название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала: <http://www.jurvestnik.psu.ru>;
- Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). Направление Автором статьи Издателю является согласием Автора на подобное размещение и включение;
- Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу.

Если в течение двух лет с момента получения Произведения Издатель не начал использование Произведения или не предоставил право использования Произведения третьим лицам, Автор Произведения вправе расторгнуть лицензионный договор в одностороннем порядке, уведомив об этом Издателя электронным письмом по адресу: vesturn@yandex.ru не менее чем за 10 рабочих дней до даты предполагаемого расторжения лицензионного договора. В случае, если в указанный срок Автор Произведения не получит мотивированных возражений от Издателя, лицензионный договор считается расторгнутым.

Издатель будет считать себя заключившим лицензионный договор с Автором Произведения на вышеуказанных условиях с момента получения от него акцепта.

Акцептом признается согласие с условиями лицензионного договора, которое дается в электронном виде на сайте и предшествует он-лайн подаче статьи.

The screenshot displays the website of the journal "ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ" (Juridical Sciences) from the Permian University. The header includes the journal's logo and name, along with navigation links: Главная, Текущий выпуск, Архив, Редаксовет, Авторы, Этика, Требования, Контакты, Учредитель, Рецензирование, Аннотации. A yellow button labeled "ЛИЧНЫЙ КАБИНЕТ" (Personal Cabinet) is visible. The main content area shows a "ЛИЦЕНЗИОННЫЙ ДОГОВОР" (License Agreement) document. The document text includes the location "г. Пермь, Российская Федерация" and the name of the publisher: "Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»". It details the terms of the license, such as the right to reproduce and distribute the work. On the right side of the page, there is a "ВХОД НА САЙТ" (Login) section with a greeting for "Сажина Эльвира Игоревна" and links for "Личный кабинет" and "Подать заявку". Below this is a search bar labeled "Поиск по сайту". At the bottom of the document viewer, there is a button labeled "Принять и продолжить" (Accept and continue).

2. Требования к качеству контента

Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики нашего журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее. Статьи, поступающие в редакцию, проверяются на уникальность текста с помощью системы Антиплагиат (<http://www.antiplagiat.ru/index.aspx>). Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с уникальностью текста менее 75%.

Статья должна быть структурирована на разделы:

- **введение;**
- **основное содержание (автор вправе дать самостоятельное оглавление контенту и разбить тело статьи на несколько составляющих с присвоением каждому собственного наименования);**
- **результаты/обсуждение;**
- **заклучения/выводы.**

3. Требования к оформлению текста статьи

Параметры страницы. Формат листа, используемый для написания статьи, – А4. Поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman Cyr, размер – 14, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматируется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – И.О.Фамилия, светлым – ученая степень, ученое звание, должность, название вуза и его адрес (с индексом), адрес электронной почты.

4. Требования к структуре авторского резюме (аннотации)

Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (200–250 слов), набранный светлым курсивом.

Авторское резюме к статье является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.

Обязательная структура авторского резюме:

- **введение;**
- **цели и задачи;**
- **методы;**
- **результаты/обсуждение;**
- **заключения/выводы.**

После текста авторского резюме следует указать **8–10** ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

УДК 341.1/8; 349.2

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО: ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТ

М.В. Лушникова

Доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и финансового права

Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова

150000 Ярославль, ул. Советская, 14

e-mail: mvlu@uniyar.ac.ru

Введение: в статье рассматриваются дискуссионные вопросы теории международного трудового права. **Цель:** автор анализирует и сопоставляет различные подходы к определению правовой природы отрасли международного трудового права (публичной, частной или частнопубличной). **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых ведущее место занимает диалектический метод. В статье использованы общенаучные (диалектика, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация) и частнонаучные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, технико-юридический). В ходе научного поиска особое внимание уделялось сравнительному, системному методам исследования, а также методам правового, государственного, экономического моделирования. **Результаты:** автор настаивает на публичной природе международного трудового права. В статье обосновывается авторское определение данной отрасли, даются характеристика структуры предмета, особенностей метода и норм международного трудового права. В структуре предмета отрасли международного трудового права выделяются две основные группы международных отношений: 1) международные отношения по принятию (установлению) международно-правовых актов о труде, содержащих международные

*стандарты трудовых прав и международные коллизионные нормы; 2) международные отношения по международному контролю за соблюдением данных международно-правовых актов, рассмотрению международно-правовых споров в сфере труда. Международные отношения как предмет международного трудового права квалифицируются как публичные отношения, где одной из сторон всегда выступает публичный субъект международного права, принимающий нормы международного права и обеспечивающий их соблюдение международно-правовыми средствами. Эти отношения складываются по поводу установления международных стандартов трудовых прав, международных коллизионных норм, и их обеспечению (охраны) международно-правовыми средствами. В статье ставится проблема нетипичных субъектов международного трудового права. Отраслевой метод правового регулирования характеризуется участием социальных партнеров (международных объединений работников и работодателей) в принятии, применении международных норм трудового права и права социального обеспечения, а равно контроле за их соблюдением. **Выводы:** международное частное трудовое право рассматривается как комплексная отрасль законодательства, объединяющая нормы международной и национальной правовых систем в целях регулирования международных трудовых отношений, осложненных иностранным элементом.*

Ключевые слова: международное трудовое право; международные стандарты трудовых прав; международный контроль; отрасль законодательства; трудовые отношения; международные отношения; понятие трудового права; предмет трудового права

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И.О., год:

© Лушникова М.В., 2014

5. Оформление сносок и библиографического списка

Библиографический список должен быть построен в алфавитном порядке.

В основном тексте указание на источник, помещенный в библиографическом списке, осуществляется следующим образом: в квадратных скобках указываются номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница источника: [5, с. 216]. Возможно также указание на том многотомного издания: [8, т. 1, с. 216].

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

В библиографическом списке обязательно наличие не менее половины иностранных источников, реально используемых при написании научной статьи.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

ПРИМЕРЫ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ

1. *Бурлака С.А.* Принудительные меры воспитательного воздействия и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 25 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1191676> (дата обращения: 20.01.2009).
2. *Галина Васильевна Старовойтова*, 17.05.46–20.11.1998: мемор. сайт / сост. и ред. Т. Лиханова. СПб., 2004. URL: <http://www.starovoitova.ru/rus/main.php> (дата обращения: 22.01.2007).
3. *Герман М.Ю.* Модернизм: искусство первой половины XX века. СПб.: Азбука-классика, 2003. 480 с. (Новая история искусства).
4. *Жилищное право: актуальные вопросы законодательства: электрон. журн.* 2007. № 1. URL: <http://www.gilpravo.ru> (дата обращения: 20.08.2007).

5. *О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы* [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты Рос. Федерации от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *О противодействии терроризму*: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. 2006. 10 марта.
7. *Об индивидуальной помощи в получении образования: (о содействии образованию)*: Федер. закон Федерат. Респ. Германии от 1 апр. 2001 г. // Образовательное законодательство зарубежных стран. М., 2003. Т. 3. С. 422–464.
8. *Пахомов В.И., Петрова Г.П.* Логистика. М.: Проспект, 2006. 232 с.
9. *Плехова О.А.* Проблема понятия объекта должностных преступлений // Гуманит. и соц. науки. 2008. № 2. URL: http://www.hses-online.ru/2008/02/12_00_08/13.pdf (дата обращения: 01.10.2008).
10. *Рабцевич О.И.* Реализация статей 5 и 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека в российском законодательстве // Право и политика. 2001. № 10. С. 43–51.
11. *Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования* : сб. науч. тр. / под ред. А.Е. Марона; Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования. М.: ИОВ, 2007. 118 с.
12. *Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы*: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1999. 199 с.

6. Англоязычный контент статьи

После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, аннотация (150–250 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

INTERNATIONAL LABOUR LAW: CONCEPT, OBJECT

Lushnikova M.V.

Department of Labor and Financial Law Yaroslavl Demidov State University

14, Sovetskaya st., Yaroslavl, 150000

E-mail: mvlu@uniyar.ac.ru

Introduction: this article discusses the controversial questions of the theory of international labor law. **Purpose:** the author analyzes and compares different approaches to the definition of the legal nature of the industry of international labor law (public, private or private-public). **Methods:** a methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge, among which the leading ranks of the dialectical method. Used in the article General scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and specification) and private-scientific methods of research (formal and legal comparative legal, technical and legal). In the course of scientific research special attention was paid to comparative, system research methods and techniques of legal, public, economic modeling. **Results:** the author insists on the public nature of international labor law. In the article the author's definition of the industry, are characteristic of the structure of the object, the method of characteristics and rules of international labor law. In the structure of the subject area of international labor law are the two main groups of international relations: 1) international relations for the adoption of (setting) of the international legal instruments on work, containing international standards for labor rights and international law rules, and 2) the international relations of international verification of compliance data international legal instruments, the consideration of international legal disputes in the workplace. International relations as a subject of international labor law are recognized as public relations, where one of the parties is always the subject of public international law that accepts the norms of international law and ensure their compliance with international legal means. These relations are formed on the setting of

international standards for labor rights, international conflict of laws rules, and enforce them (security) international legal means. The article raises the issue of atypical subjects of international labor law. Method of legal regulation of the industry is characterized by participation of the social partners (international organizations of workers and employers) in accepting the application of international labor law and social security law, as well as monitoring their compliance. **Conclusions:** private international labor law is regarded as a complex industry legislation, combining international standards and national legal systems in order to regulate international labor relations, complicated by a foreign element.

Keywords: international labor law; international labor rights standards; international control; the industry of legislation; labour relations; international relations; the concept of labour law; subject of labour law

7. Транслитерация

В статье должен содержаться библиографический список на русском языке. Затем должна следовать транслитерация этого списка (т.е. перевод текста библиографического списка на латиницу) с указанием «Refereces». Для этого рекомендуется использовать специальную программу: <http://www.fotosav.ru/services/transliteration.aspx>. Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык. Пример оформления библиографического списка на латинице с переводом на английский язык представлен ниже.

Для русскоязычных *статей из журналов* должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Заглавие статьи (транслитерация курсивом);
- [Перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия источника на английский язык];
- Выходные данные;
- Указание на язык статьи (In Russ).

Для *монографий* должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Название монографии (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия монографии на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Выходные данные: место издания на английском языке: Moscow, St. Petersburg и транслитерация издательства: Statut;
- Количество страниц в издании (500 p.).
- Указание на язык статьи (In Russ).

ПРИМЕРЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ

References

1. *Vitrjanskij V.V. Dogovory bankovskogo vklada, bankovskogo scheta i bankovskie raschety* [The Contract of Bank Deposit, Bank Accounts and Bank Calculations]. Moscow: Statut, 2006. 556 p. (In Russ).
2. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. / pod red. A.P. Sergeeva, Ju.K. Tolstogo* [Civil law: textbook]. Moscow: PBOJuL L.V. Rozhnikov, 2001. T. 3. 632 p. (In Russ).

3. *Danilenko S. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ob'ekta bankovskoj tajny* [Some Problems of Legal Regulation of the Object of Banking Secrecy] // *Hozhajstvo i pravo – Economy and Law*. 2007. № 10. Pp. 28–33. (In Russ).
4. *Mahmadhonov T. Problemy pravovogo obespechenija kommercheskoj tajny v zakonodatel'stve Respubliki Tadjikistan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of Legal Support of Commercial Secrets in the Legislation of the Republic of Tajikistan]. Dushanbe, 2008. 24 p. (In Russ).
5. *Omarova A.B. Grazhdansko-pravovye problemy instituta kommercheskoj tajny v Respublike Kazahstan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Civil-legal Problems of the Institute of a Trade Secret in the Legislation Respubliki Kazakhstan]. Almaty, 2002. 29 p. (In Russ).
6. *Sarbash S.V. Dogovor bankovskogo scheta: problemy doktriny i sudebnoj praktiki* [The Contract of Bank Account: Problems of Doctrine and Court Practice]. Moscow: Statut, 1999. 272 p. (In Russ).
7. *O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Feder. zakon Ros. Federatsii ot 8 yanv. 1998 № 6-FZ* [About insolvency (bankruptcy): The federal law of the Russian Federation of 8 January. 1998 № 6-FZ] // *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii – Collected Legislation of the Russian Federation*. 1998. № 2. Art. 222. (Utratil silu). (In Russ).
8. *Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 29 noyabr. 2004 g. № 17-P* [The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29 November 2004 № 17-P] // *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii – Messenger of the Constitutional Court of the Russian Federation*. 2005. № 1. Pp. 28–38. (In Russ).

8. Информация для цитирования

В конце статьи указывается наименование Вашей статьи с полными выходными данными на русском и английском языках для облегчения цитирования Вашей статьи.

ПРИМЕР

Информация для цитирования:

Лушникова М.В. Международное трудовое право: понятие, предмет // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2013. Вып. 3(21). С. 131–138.

Lushnikova M.V. Mezhdunarodnoe trudovoe pravo: ponjatie, predmet [International Labour Law: Definition, Subject] // *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Yuridical Sciences*. 2013. № 3(21). Pp. 131–138. (In Russ).

9. Порядок и сроки рассмотрения рукописей

Представленная автором рукопись направляется члену редакционной коллегии на рецензирование в соответствии с тематикой статьи. Рецензирование рукописей производится в соответствии с «Порядком рассмотрения и рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала “Вестник Пермского университета. Юридические науки”».

Срок рассмотрения рукописи – 1–2 месяца.

Научные статьи, направленные авторам на доработку с помощью электронной почты, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный редактором срок через электронную почту Издательства: vesturn@yandex.ru.

Статьи публикуются в порядке общей очередности и по мере поступления от авторов.

Средний объем одного номера журнала – 25,0–30,0 усл. печ. л.

10. График выхода журнала

Журнал является ежеквартальным изданием; выходит в марте, июне, сентябре и декабре.

Выпуск	Дедлайн подачи он-лайн заявки	Вычитка контента Редакционно-издательским отделом	Формирование макета журнала	Полиграфическая печать бумажной версии журнала	Выгрузка электронной версии на сайт журнала	Выгрузка электронной версии в РИНЦ	Рассылка авторам, подписчикам, в Книжную палату и по библиотекам ведущих научных центров
Март	10 февраля	24 февраля – 10 марта	10 – 29 марта	29 марта	30 марта	1 апреля	1-7 апреля
Июнь	10 мая	24 мая – 10 июня	10 – 29 июня	29 июня	30 июня	1 июля	1-7 июля
Сентябрь	10 августа	24 августа – 10 сентября	10 – 29 сентября	29 сентября	30 сентября	1 октября	1-7 октября
Декабрь	10 ноября	24 ноября – 10 декабря	10 – 29 декабря	29 декабря	30 декабря	31 декабря	1-10 января

Вестник Пермского университета

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 3(29)

Редактор *Л. В. Хлебникова*
Корректор *М. Н. Демидова*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Шадрина, В. В. Шадринной*
Дизайн обложки *М. А. Шпакова*

Подписано в печать 21.09.2015. Формат 60x84¹/₈.
Усл. печ. л. 15,58. Тираж 500 экз. Заказ

Издательский центр
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. А. И. Букирева, 15